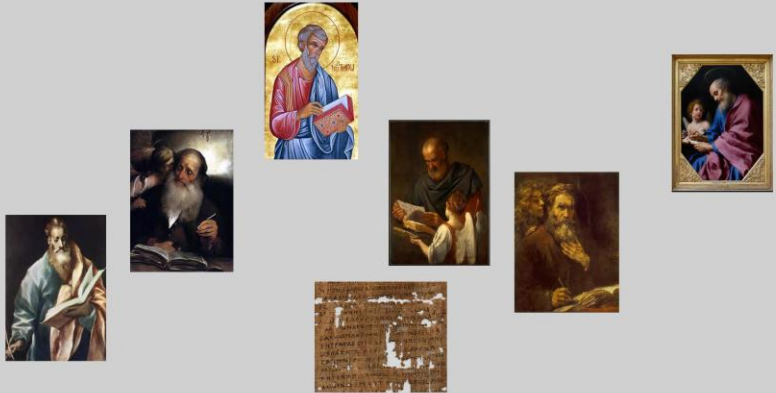

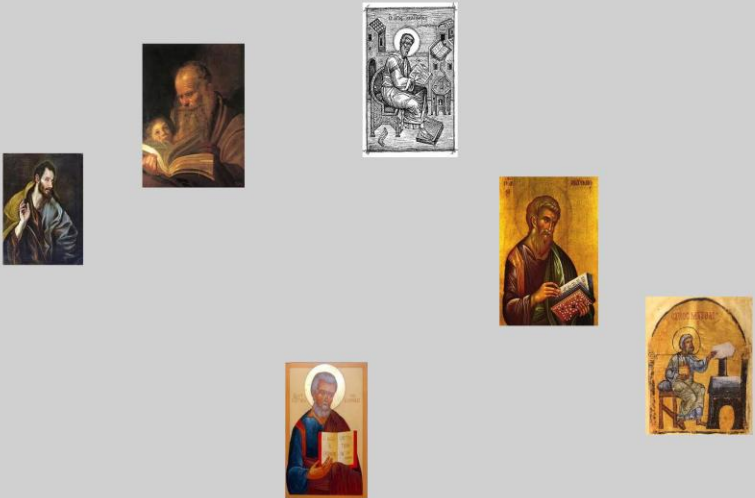
А.И.Зеличенко

Комментарии к евангелию от Матфея

Священное Писание глазами психологов

А.И.Зеличенко

**Комментарии к
ЕВАНГЕЛИЮ ОТ МАТФЕЯ**

Священное Писание глазами психотеологии

CreateSpace • 2011

Зеличенко А.И.

Комментарии к евангелию от Матфея (Священное Писание глазами психотеологии). – CreateSpace, 2011. – 319 с.

ISBN-10: 1468023853

ISBN-13: 978-1468023855

О чем рассказывает нам Библия? О сказках, в которые могли верить древние люди, но в которые нельзя верить современному образованному человеку? Или о реальных историях реальных людей? Или о чем-то еще? Новая наука психотеология помогает заглянуть за завесу этой тайны.

Все права на книгу защищены и принадлежат автору.

E-mail автора: russkiysvet@yandex.ru

Web-site автора: russkiysvet.narod.ru

© А.И.Зеличенко, 2011

Оглавление

От автора	<i>vi</i>
Глава 1	1
Глава 2	3
Глава 3	4
Глава 4	9
Глава 5	16
Глава 6	27
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	58
Глава 12	62
Глава 13	70
Глава 14	79
Глава 15	81
Глава 16	89
Глава 17	91
Глава 18	97
Глава 19	102
Глава 20	108
Глава 21	113
Глава 22	118
Глава 23	126
Глава 24	133
Глава 25	142
Глава 26	150
Глава 27	162
Глава 28	173
Послесловие.	
Психотеология: христианство как наука духовного развития и развивающееся христианство	180

Дополнения. Отрывки из «христианских» глав книги «Свет Жизни»

Из главы 10. Книга.	204
Из главы 15. Свет истинный	216
Из главы 16. Человек-III и первохристианская метакультура	219
Из главы 17. Перед схваткой. Плацдарм	232
Из главы 18. «Античное христианство», или силки для солнечного зайчика	242
Из главы 19. Свет перед плотиной	260
Из главы 24. Византия. Призрачная и настоящая	269
Из главы 25. Двуликость Европы	278
Из главы 26. Католическая Вспышка	281
Из главы 27. Деяния Католической Вспышки	282
Из главы 42. Соборное православие-1. Собор	289
Из главы 43. Соборное православие-2. Православие	296

Алчущим и жаждущим правды

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его

От Матфея 6:33

**Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они
насытятся**

От Матфея 5:6

**Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не
можете вместить**

От Иоанна 16:12

От автора

Цель этих комментариев проста – дать старым текстам новое прочтение, раскрыть их правду с современной точки зрения. Почему я выбрал для комментирования именно евангелие от Матфея? Потому что оно наиболее соразмерно по духовной высоте уровню современного интеллектуала.

Это мало осознается, но четыре евангелия Нового Завета являются как бы четырьмя учебниками христианства, написанными для людей разного уровня духовного развития. Как бы учебниками для разных классов. Евангелие Луки – учебник для первого класса; евангелие Марка – учебник для второго класса; евангелие Матфея – учебник для третьего класса; и евангелие Иоанна – учебник для высшего, четвертого класса. Современные интеллектуалы, а именно им я адресую свои комментарии, соответствуют примерно третьему классу в этой иерархии.

Конечно, я понимаю, что писать такие комментарии нужно было бы человеку с куда более чистой душой, чем та, которой могу похвастаться я. Библия говорит и об этом: и жертвенный агнец должен быть без порока (Левит 22:19, Второзаконие 15:21, 17:1), и священослужитель должен приступать к служению очищенным (Исход 40:32, Числа 8:15), и что он не может служить, когда болен (Левит 17:23). Что уж говорить о том, что священник должен быть святым (Левит 21:6)! Конечно, должен, но... Понимаю я и то, что комментарии эти неизбежно введут кого-то «в соблазн». Но... не имея права писать их, еще меньше прав у меня не писать.

Так что короткое это предисловие я могу только предварить следующим предупреждением: не верьте мне, не принимайте моих слов на веру. Моя цель – не убедить, а дать пищу для размышлений, помочь прийти не к вере, а к пониманию реального положения в Мире, к знанию реального Мира и нашего места в нем.

Еще одно замечание: у меня не было возможности привлечь к работе над этой книгой корректора, так что заранее прошу читателя простить мне неизбежные опечатки и грамматические огрехи.

Как и все мои книги, и эта не появилась бы без деятельного участия моего постоянного соратника и жены – Кати.

Глава 1

1-17. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафишля; Салафишль родил Зоровавеля; Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда; Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос. Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Зачем нужна вся эта история? Нам нужно понимать, что у авторов Нового Завета было несколько задач. Важнейшей, конечно, было изложение учения Иисуса. Но не менее важной было такое изложение учения и жизни Иисуса, которому поверили бы читатели. А читателями во время написания евангелий (и особенно у евангелия Матфея) были евреи. Таким образом, нужно было доказать (показать), что история Иисуса полностью вписывается в пророчества Ветхого Завета. Этим объясняются очень многие странные и сомнительные для современного читателя евангельские фрагменты. «Все произошло по пророчествам» – вот лейтмотив этой линии.

Имели ли право евангелисты на такие «доказательства»? Не было ли здесь лжи? Такие вопросы вполне могут возникнуть у

некоторых современных читателей. Нет, лжи не было. Было сознательное отклонение от того, что авторам было известно достоверно, но без всякой корыстной цели. Это не ложь.

8-25. Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог. (выделения всюду мои – А.З.) Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее. Как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус.

Евангелист сам объясняет необходимость этого фрагмента – необходимо, чтобы было сходство с пророчеством о Мессии, Спасителе. Здесь же указание на Божественность Иисуса, которое потом доставит столько забот богословам. Стоит ли искать здесь историческую справку о реальных обстоятельствах рождения Иисуса? Думается, что это было бы крайне легкомысленно. Так же легкомысленно, как попытки приписать Марии распушенность и считать Иисуса незаконорожденным. Для этого просто нет никаких оснований. Ясно одно – что реальная биография Иисуса была мало известна даже его ближайшим ученикам. Поэтому мы должны отказаться от попыток ее реконструкции в отсутствии надежных исторических данных. Обидно для кого-то, но что поделаешь? Для понимания сути христианства знание всех деталей биографии Иисуса не нужно – оно просто ничего не добавляет ни к нашему пониманию, ни к нашему непониманию.

Глава 2

1-23. Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, **ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля.** Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, [как] наконец пришла и остановилась над [местом], где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою. Когда же они отошли, –се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода, **да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего.** Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов. Тогда сбилось реченное через пророка Иеремию, **который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет**

утешиться, ибо их нет. По смерти же Ирода, –се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца. Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется.

Евангелист не жалеет сил, чтобы «доказать» соответствие истории Иисуса пророчествам. Так и видишь его оппонентов – знатоков Писания, которые говорят: «А вот там-то о Мессии написано то-то, а вот там-то – это. А вот тот говорил так-то. Как же все это соотносится с вашим Иисусом?». На эти вопросы нужно было что-то отвечать. Так и родилась история про мудрецов, которым Высшая Сила открыла тайну рождения Иисуса, и весь остальной рассказ – очень художественный, но едва ли имеющий хоть какую-то реальную основу.

Глава 3

1-2. В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

Историчность события 3-й главы (как и всегда в Библии) вызывает серьезные сомнения, хотя у самого образа Иоанна, вероятно, мог быть прототип – например, тот, кого Иосиф Флавий описывает в 18-й книге «Иудейских древностей». Но важнее для нас не реальность человека, а значение его слов. Что значит «покайтесь»? Что значит «Царство Небесное»? Что значит, что Царство Небесное приблизилось? И почему нужно покаяться при его приближении?

Покайтесь. Покайтесь – это осознайте свои «грехи», то есть все, что в человеке не Божественно. По сути, это означает – осознайте ВСЮ свою человеческую (а не Божественную) суть. В чем смысл покаяния-осознания? Оно помогает обрести власть

над осознанным, подчинить его себе (конечно, если осознание полное; что это такое – нужно говорить отдельно).

Царство Небесное. О нем еще много будет говориться в евангелии от Матфея. Что это такое? Это такое состояние человеческого общества, когда люди живут исключительно по Божьему закону, то есть руководствуются во всех своих поступках, мыслях, чувствах исключительно Божиим законом. Что это за закон? Мы, современные люди, понимаем, что его нельзя описать полностью и исчерпывающе, так как мы – люди, и язык наш человеческий, и мы не можем полностью понять Бога – Сущность, гораздо более высокую, чем мы сами, подобно тому, как муравей не может понять человека.

Что значит, что Царство Небесное приблизилось? Когда оно должно наступить – через год, или завтра, или через 100 лет? «Царство Небесное приблизилось» означает, что люди в своем развитии достигли уровня, когда они могут сознательно ХОТЕТЬ жить по-Божески и сознательно работать над собой, чтобы жить по-Божески. Это не значит, что Царство наступит через месяц. Может понадобится несколько тысячелетий. Но люди уже стали настолько развитыми, что с ними можно говорить о Царстве Небесном.

Почему нужно каяться при приближении Царства Небесного? Потому что покаяние – это и есть та работа, которой человек приближает себя к тому, чтобы быть способным быть членом Царства Небесного, способным жить по-Божески. Покаяние как раз и приближает Царство Небесное. Это один из главных инструментов человека для строительства Царства.

3. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

Здесь все тот же прием апеллирования к авторитету Ветхого Завета. Но если во времена Исайи этот призыв во многом был, в самом деле, гласом в пустыне, то во времена Иоанна и Иисуса «пустыня» становится более обитаемой – многие слышат этот глас.

4. Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были акриды и дикий мед.

Первый раз возникает тема аскетизма: здесь – подчеркивая аскетизм Иоанна. В дальнейшем она получит развитие.

5-6. Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

Почему понадобилось водное крещение в Иордане? Потому что омовение водой, очищение физическое символизирует очищение духовное, то есть покаяние. Ритуальное омовение (הִלְבֵּשׁ, твила) в специальном бассейне (מִקְוָה, миква), ставшем в христианстве купелью, для очищения от ритуальной нечистоты существовало в иудаизме с незапамятных времен и существует сегодня, в частности, как обязательный обряд при переходе в иудаизм. Во внешний план (омовение в воде) перенесено внутреннее действие – внутреннее очищение, покаяние. Эзотерический смысл этого омовения как в иудаизме, так и в раннем христианстве до того, как внешнее вытеснило внутреннее содержание, состоял в том, что такое символическое действие может помогать внутренней работе – работе покаяния.

7-10. Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: 'отец у нас Авраам', ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

Здесь отсвет (один из многих в Новом Завете) дискуссии первых христиан с двумя группами их оппонентов: фарисеев сторонников «творческого» отношения к законам Торы (Моисеева Пятикнижия) и «устного Закона», развивавшими искусство перетолковывания любых предписаний желательным

для толкователя образом (это искусство, возможно, берет свое начало у греческих философов; расцвета же оно достигло у талмудистов, а позднее и в юриспруденции) и саддукеев, бывших, с одной стороны, более консервативными буквалистами в интерпретации Моисеева Закона, а с другой и более подверженными влиянию эллинской культуры. Христиане очищали прежнее мировоззрение в обеих его версиях – и иудейской, и эллинской. Лейтмотив христианства – Божественная сущность человека: главное в человеке не то, что он член некоего племени (сын Авраама), а то, что он – носитель Божественной сущности, сын Божий. И все кроме этой великой Сущности в человеке не имеет никакой ценности и подлежит уничтожению. Этот мотив часто повторяется в Новом Завете, и при буквальном понимании в будущие века он стал для наиболее упертых и наименее развитых христиан оправданием изуверств, например, инквизиции. Люди не поняли, как и что подлежит срубанию и сожжению. Не очень хорошо понимаем мы это и сегодня.

11-12. Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.

Обозначена тема другого крещения. Если водное крещение Иоанна символизирует работу очищения покаянием, то второе («огненное») крещение – нечто совсем иное. Это осознание человеком своей Божественной Сути – подъем сознания к наиболее тонким и высоким пластам человеческого существа. Эта Божественная Суть, «Бог внутри нас», наш Дух – то место, которым человеческая душа «прикреплена» к Божественному, сверхтонкому, информационно сверхнасыщенному миру. Это своего рода пуповина, которая однако никогда не разрывается.

Покаяние необходимо, чтобы такой подъем сознания произошел. Покаяние поднимает сознание к Богу. Сама же «встреча с Богом» в своей душе – это важнейшее событие, которое по-разному называется в евангелиях, в частности, здесь – огненное крещение Святым Духом.

«Очистит гумно» и далее – все о том же: о созревании человеческой души и избавлении ее от всего собственно человеческого – «соломы». В истории христианства наивное понимание этих слов часто сводилось к желанию уничтожить плохих людей, чтобы остались только хорошие. Речь же идет о совсем другом – об уничтожении «плохого», то есть не-Божественного в душе каждого человека с тем, чтобы душа становилась Божественной.

13-16. Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда [Иоанн] допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, –и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение.

Первое появление Иисуса, как самостоятельно действующего человека. Самого события, естественно, могло и не быть, но разговор Иоанна с Иисусом, тем не менее, имеет большой смысл. Иоанн говорит о том, что ему, Иоанну необходимо еще пройти через огненное крещение Святым Духом, которое может дать только Иисус, так как только Иисус откроет людям дорогу к такому крещению. На что Иисус возражает, что ему, Иисусу, чтобы подготовиться к своей миссии, нужно сначала пройти через водное крещение Иоанна – одному из этапов его личного Пути – Пути, который он прокладывает для всего человечества.

Смысл заключающей фразы главы (как и всех фраз евангелия) многозначен. С одной стороны, автор стремится подчеркнуть Божественность Иисуса – евангелисту есть кому Ее доказывать и кого в Ней убеждать. Но есть и более глубокий смысл – водное крещение (то есть покаяние, глубокое самоосознание) очищает Иисуса и открывает его для Духа Божия. Шаг на Пути сделан.

Естественно, фантазия позднейших христиан создала совсем иные реалии – что на каждого, проходящего через обряд крещения, спускается Святой Дух. И стали таскать в купели

сначала взрослых, а потом и младенцев.

Глава 4

1-2. Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.

Следующий шаг на Пути – аскеза. Как и Иоанн, Иисус проходит через аскезу. Зачем она нужна? Аскеза имеет две функции. Первая – она очищает сознание. Биохимические процессы, идущие в организме, устроены так, что наряду с необходимыми (полезными) веществами, извлекаемыми из пищи, из нее же извлекаются и вещества вредные. Грубо говоря, из травы получается и молоко, и навоз. Часть вредных веществ из организма выводится, но не все: часть остается и отравляет и организм в целом, и сознание в частности. Сознание мутнеет, заполняется разного рода ощущениями, которые при отсутствии контроля могут «откладываться» в виде таких чувств, как алчность, злоба, страх, а также соответствующих мыслей и, когда дело совсем запущено, – таких черт характера, как скупость, раздражительность, агрессивность, тревожность, трусость...

Искушения – это именно такие мысли, приходящие как бы из неоткуда. Но несмотря на всю свою казалось бы эфемерность, эти мысли весьма могущественны, так как любая из них пытается управлять человеком и, когда человек «не обращает внимание» на нее, она может полностью подчинить себе человека. Поэтому так важно научиться «обращать внимание» на такие мысли с тем, чтобы сделать себя от них независимым.

3-4. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Здесь два искушения сразу. Первое - искушение продемонстрировать свое могущество без необходимости, то

есть вопреки «Воле Бога». Искуситель как бы берет Иисуса «на слабо» - «А слабо тебе превратить камни в хлеб? Ну-ка покажи мне, какой ты сильный». Второе искушение – искушение голодного пищей, искушение материальными благами. Это второе – самое простейшее искушение, через которое проходят все люди и которое в сегодняшней России выдерживают только очень немногие (неважно, считают или не считают они себя христианами).

Ответ Иисуса «не хлебом единым» относится ко второму искушению (первое он оставляет без ответа). В чем его смысл? Что это за слова, исходящие из уст Бога, и как человек может жить ими? У нас есть несколько источников «пищи», то есть энергий, которыми мы поддерживаем свою жизнь. Самые известные – это еда, вода, воздух. Но это не все. Следующий вид нашей пищи – впечатления, то что мы воспринимаем при помощи органов чувств (зрение, слух и т.д.) и что мы «перевариваем» в нашей психике, превращая впечатления в образы, чувства, мысли, знания и т.д. Но и это не все. Помимо впечатлений, воспринимаемых органами чувств, есть и иные впечатления, приходящие к нам по иным каналам. Ни сами эти каналы, ни те источники, с которыми они нас соединяют, современной науке не известны. Если немного огрубить, то в авраамических религиях (христианстве, исламе, иудаизме) эти источники называют собирательным словом – Бог.

В реальности, дело обстоит несколько сложнее. Источники подобных впечатлений различаются тонкостью, или высотой (можно говорить также об их яркости или об их информационной насыщенности). Одни источники расположены выше средней высоты человеческой души, другие ниже. В результате, понятие «Бог», разворачиваясь, рождает такие понятия, как «ангелы» и «бесы» – первые являются высокими, а вторые низкими источниками наших впечатлений. Содержание же понятия «Бог» при этом сужается до «источник источников высоких внечувственных впечатлений», или «первоисточник всего высокого».

Жить Божьими словами – это значит жить самыми высокими из доступных человеку впечатлений. Замечу сразу, что САМЫЕ высокие из принципиально доступных нам впечатлений подавляющему большинству современных людей незнакомы

вовсе, они их не осознают. Правда, все люди их получают. Но у большинства за время, пока эти самые высокие впечатления доходят до СОЗНАНИЯ, они преобразуются и часто – до неузнаваемости. Скажем, сегодня в сотнях тысяч русских душ побуждение нести людям Свет преобразуется в дикую озлобленность. Как сказал поэт, мы «внемлем вою, не слыша тихих Божьих слов».

Можно ли жить Божьими словами, заменив ими вообще физическую пищу? Опыт аскетов (особенно известным стал опыт индийских аскетов) говорит, что это возможно. Но, конечно, наша задача сегодня не отказаться от физической пищи, но «хотя бы только» научиться вводить в свою диету Божественную Амброзию. Именно поэтому Иисус говорит не «не хлебом», а «не хлебом одним», то есть не только хлебом.

5-7. Потом берет Его диавол в святой город и ставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего.

Второе искушение тоже двойное: искушение продемонстрировать могущество (дьявол снова берет Иисуса «на слабо») и искушение сделать глупость, то есть пойти против известных человеку законов природы (или законов Бога, что одно и то же) – законов, управляющих мироустройством. Грубо говоря, дьявол предлагает Иисусу «наступить на грабли». Иисус отказывается.

Ну, и в чем здесь доблесть? – может спросить скептик. Дobleсть в том, что наступать на грабли отказываются далеко не все и не всегда. Люди очень часто прекрасно знают, что они делают глупость, но тем не менее делают ее. Самый яркий пример – лотерея. Человек знает, что статистически он должен проиграть, но тем не менее играет. Присмотревшись, можно заметить, что мы поступаем вопреки разуму гораздо чаще: знание о вредных последствиях наших дел останавливает нас далеко не всегда. Мы постоянно действуем себе во вред – идет ли речь о политике, когда мы голосуем за тех, кого считаем

плохими правителями, или об образе жизни, когда пьянствуем несмотря на больную печень...

В чем смысл ответа Иисуса – «Не искушай Бога»? Именно в этом – не пытайся изменить действия законов природы. Правда, здесь есть одно важное дополнение – если ты не знаешь другого закона природы, который сам «отменит действие» первого. Грубо говоря, прыгать из самолета нельзя, но если у тебя есть парашют, то можно. Вопрос только в том, чтобы действительно знать, а не воображать только, что парашют есть. В первом случае человек искушение глупостью выдерживает, во втором – нет.

8-10. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, нав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.

Третье искушение – искушение богатством, властью и славой. Казалось бы. Но все гораздо сложнее. Обратите внимание, что Иисус отвечает не то, что ему не нужны все эти блага, а нечто совсем другое. Дьявол требует поклонения себе. Иисус отвечает, что поклоняться и служить можно только Богу. Что это означает? В наивном понимании – что есть два человекоподобных существа, из которых одному поклоняться нужно, а другому нельзя. В реальности же поклонение дьяволу – это не некий специальный сатанинский культ, а поклонение низким чертам своей собственной личности. В этом смысле, и стремление к богатству, и стремление к власти, и стремление к славе – все это разные формы поклонения дьяволу. Точно так же, как и другие наши стремления, которые кажутся нам порой хорошими и благородными – стремление к благу близких и даже любовь к родине. Все эти хорошие побуждения, когда они самоценны, становятся плохими. Потому что хорошо только поклонение и служение Богу. Но что это такое?

Конечно, служение Богу ничего общего не имеет с хождением в церковь и участием в церковной жизни. Если все это самоценно, то это такое же поклонение дьяволу, как и все наши остальные «благие» дела и стремления. Служение Богу –

нечто иное. Прежде всего, это умение выяснять волю Божью, то есть умение слышать голос своей Совести – воспринимать самые высокие из доступных нам «сигналов». А второе – это такая перестройка всего своего психического аппарата, когда голос Совести понимается нами как самый важный из всего множества разных голосов, звучащих в наших душах. Найти Бога в своей душе, поклониться Ему, то есть поставить Его на главное место и служить Ему, то есть руководствоваться Его приказами, – вот те три шага, которые нужно сделать и которые сделал Иисус в пустыне. О результатах этих действий говорится в следующем стихе.

11. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему.

Что это значит? Это значит, что душа Иисуса поднялась (то есть его средние психические состояния утончились, стали более тонкими) до такого состояния, когда низкие побуждения стали ему несвойственны вообще («дьявол отступил»), а ангелы ему служили, то есть его душа поднялась выше уровня ангелов (то есть над уровнем, который выше среднего психического уровня среднего человека). Для современного человека, не говоря уж о современниках Иисуса, это очень высокий уровень. Но еще далеко не конечный.

В чем состояла служба ангелов Иисусу? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, кто такие (что такое) ангелы. Конечно, это не крылатые дети-певцы, постоянно распевające гимны Богу, так же, как и Бог – это не седой старик, сидящий на облаке. Нам лично ангелы знакомы по опыту как наши самые светлые мысли и чувства. В зависимости от того, с какой точки зрения мы на них смотрим, ангелы представляются нам, либо как прекрасные, возвышенные, мудрые идеи, либо как существа, которые эти идеи реализуют. Иисус стал повелевать ангелами, а они ему служить, когда он стал проводником (а значит, для всех нижестоящих в духовной иерархии, включая и ангелов, – и источником) таких высоких, Божественных идей, которые на пути их воплощения проходят через ангельские пласты духовного мира (духовной иерархии). В «транспортировке» этих великих идей и «трансляции» их на

более низкий уровень воплощения, то есть в души самых светлых из современников Иисуса, и состояла служба ангелов. О результатах этой службы, выразившейся в виде успеха проповеди Иисуса, в ее резонировании с душами его учеников, мы узнаем из следующих стихов этой главы.

12-16. Услышав же Иисус, что Иоанн отдан [под стражу], удалился в Галилею и, оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском, в пределах Завулоновых и Неффалимовых, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет.

Евангелист снова не забывает нанизать ткань своего рассказа на ветхозаветные пророчества (в данном случае Исайя 9:1-2). Вместе с тем, сравнение Иисуса с сияющим светом очень точно и глубоко само по себе. Свет Божий, управляющий человеческой жизнью, - то излучение неизвестной современной науке природы, которое несет нам – всем и каждому – знание, как жить и что делать, уплотнилось в словах, делах, да и во всей жизни Иисуса, или того, кого мы называем этим именем.

17. С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

Очень важный момент здесь в том, что проповедовать Иисус начинает только пройдя через водное крещение, аскезу и борьбу с искушениями. Сегодня многие нароят начинать учить много раньше.

Проповедь Иисуса началась с повторения проповеди Иоанна (см. комментарий к 3:1-2). Но то, что у Иоанна Предтечи – вся проповедь, у Иисуса – только начало.

18-22. Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они

тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним.

Опять оставляя в стороне вопрос о реальности личностей Петра, Андрея, Иакова и Иоанна, обратим внимание на то, что четыре простых рыбака немедленно откликаются на зов Иисуса. Такова была его сила (а значит, и служба ему ангелов).

23-25. И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана.

Что привлекало к Иисусу людей? Искусство целителя-врача, способность творить чудеса или сила проповеди Царства? И была ли в самом деле столь велика его популярность? У нас нет достоверных данных, чтобы ответить на этот вопрос (равно, как и на множество других подобных вопросов). Но именно это отсутствие наводит на мысль, что популярность могла быть и не столь велика, и не способностями лекарскими или чародейскими прокладывал Иисус свою дорогу. В противном случае, его оттиск в истории – поминание в разных источниках – был бы куда как более отчетливым. Более вероятным кажется, что позднейшие евангелисты, пытающие доказать его Божественность, но сами ее не до конца понимающие, но зато четко понимающие, что без чудес ее простолюдинам не доказать, просто выдумали значительную часть чудес. Впрочем, не исключено, что истина лежит где-то посередине, и Иисус, в самом деле, активно занимался целительством. Уровень его духовного развития, о котором мы узнаем из евангелия, явно свидетельствует о том, что его целительские способности в это время уже должны были раскрыться. И все же молчание

истории больше говорит за то, что группа учеников Иисуса была очень невелика, и уже им принадлежит заслуга распространения учения своего Учителя.

Впрочем, здесь (как и всюду, где мы пытаемся реконструировать реально происходившие события) важнее другое. Важнее понимать, что нам нет ни малейшей нужды в подобных реконструкциях. Они ничего не добавляют к нашему пониманию (или нашему непониманию) сути христианства.

«Десятиградие» – по-гречески Δεκαπόλις – это союз десяти греческих городов на юго-востоке от Галилейского моря, в который входила, в частности, Гадара и Гергеса (Гераса).

Глава 5

Нагорная проповедь – одно из центральных мест евангелия.

1-3. Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Что такое «блаженны»? И что такое «нищие духом»? И почему Царство Небесное принадлежит «нищим духом»?

«Блаженный» (в греческом варианте, с которого был сделан перевод на церковнославянский, блаженны – это Μακάριοι (счастливы)) в русском языке имеет два значения: «придурковатый» и «благой» (хороший, благословенный). Почему такая странная семантическая связка? Сразу же вспоминается один из главных героев нашей литературы – Иванушка-дурачок. Казалось бы, глупость всегда плохо. Но оказывается – не любая глупость. Об этом и говорит первая фраза Нагорной проповеди. Есть «глупость», которая игнорирует привычные, устоявшиеся мнения и способы поведения, позволяющие добиться жизненного успеха, во имя поиска и апробации новых мыслей и новых способов поведения. Ее можно назвать «исследовательской глупостью» или, что то же самое, исследовательской мудростью. Такая глупость «убивает» привычные мысли и способы поведения и в то же время рождает новые мысли и новые способы действия. Как вы понимаете, без нее, без такой глупости развитие человечества

было бы невозможно. Было бы невозможно и развитие отдельного человека.

Большинство русских людей мало понимают, чем хорошо быть блаженным, но отношение к блаженным в русском языке зафиксировано однозначно: не официальное, а общепринятое название главной и самой знаменитой церкви страны – «храм Василия Блаженного» (почти Иванушки-дурачка), а слово «блаженство» в русском языке означает высшее, неземное удовольствие.

Когда мы поднимаемся по лестнице духовного развития, пусть даже это происходит еще только в обычной школе, мы все время заменяем старые знания и умения на новые, более высокие. Тем самым мы как бы избавляемся, освобождаемся от старого, чтобы получить новое, более ценное. В этом смысле мы «блажим» (а чаще нас заставляют «блажить»).

«Нищие духом». Речь идет о тех, кто сумел пережить и перерасти все свои мысли, желания и чувства – освободить свою душу от всего ее человеческого содержания, открыв тем самым для Божественного. Здесь прямая аналогия со стремлением индусов освободиться от ВСЕХ желаний.

Почему Царство Небесное принадлежит нищим духом, то есть людям с «пустой душой»? Потому что отсутствие нашего обычного психического содержания (нашей «низшей души» - всех тех чувств и мыслей, которые мы считаем низкими, и тех, которые мы считаем высокими, но которые, однако, отнюдь не являются высшими из того, что нам В ПРИНЦИПЕ доступно) освобождает наши психические ресурсы и открывает доступ для иного, «сверхпсихического» (или Божественного, если использовать язык авраамических религий) содержания. Очистив себя от своей «психической скверны», мы наполняемся «психической благодатью», то есть (если использовать понятийную систему Нового Завета) приобщаемся к Царству Небесному.

Как добиться такой «нищеты»? Это непростой вопрос, который Иисус разъясняет в других местах и к которому я неоднократно буду возвращаться в этих комментариях. Но об одном способе скажу прямо сейчас. Чтобы стать нищим, нужно раздать свое богатство. Именно этим я сейчас занимаюсь.

4. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Речь идет о «зеброподобности» нашей жизни, в которой черная полоса сменяет белую и наоборот. Страдание не вечно. Но, что еще важнее, оно не бессмысленно – в страдании отмирают старые «части души», рождая новые, более высокие «части». И хотя смерть старых частей души (мыслей, привязанностей и т.д.) связана со страданием, рождение нового – это радость.

5. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Стихи 5-12 – пророчество о пути развития человечества. Смысл стиха 5 в том, что злоба, агрессия исчезнут с лица земли, люди станут беззлыми и любвеобильными.

6. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Продолжение пророчества: будущие люди будут мудры, они будут знать правду о Мире. Жажда искателей правды насытится.

7. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Будущие люди будут любить друг друга. «Помилованы» значит, что им будет разрешено войти в будущую жизнь («вечную жизнь» в других местах Нового Завета). Сегодня чаще всего это понимается как сделка с Богом: подавай милостыню нищим и Бог простит тебе грехи, то есть милостыня становится своего рода платой за индульгенцию. Конечно, Иисус имеет в виду другое – наполни свое сердце любовью (милостью) и ты обретешь способность к «вечной жизни», то есть жизни в высоких слоях духовного мира.

8. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Будущие люди будут лишены всего того, что замутняет душу – алчности, страхов, злобы. Именно это даст им способность

видеть Бога, то есть поднимет их сознание на такую высоту, где ему откроются Высшие духовные миры. Пока же, человек, погружен в нижние миры и потому лишен способности видеть Бога. Хотя иногда Бог все-таки мелькает на верхней периферии человеческого сознания.

9. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Миротворец – тот, кто устанавливает мир, то есть изгоняет злобу и культивирует любовь между людьми. Миротворец – соратник Бога в Его работе по выращиванию людей, деланию людей все более более духовно зрелыми (высоким). Это сотрудничество с Богом растит и самих миротворцев, поднимает их души Вверх, освобождая от низшей психической природы (низшей души) и раскрывая (и формируя) их Высшую (Божественную) душу, делая тем самым Богоподобными.

Здесь важный момент в том, что говорится не об индивидуальной духовной работе – не о возрастании отшельника в келье, а о работе социальной, работе с людьми. Эта социальная форма работы в последующей истории христианства всегда была вторична по отношению к индивидуальной работе и даже такие крупные фигуры, как Василий Великий, порой грустили, что суeta церковных дел не дает им возможности уединиться и целиком посвятить себя духовной работе (епископы завидовали отшельникам), но, как показывает пример того же Василия или Феодосия Печорского, и работа епископа (если она делается правильно) помогает не только духовному росту паствы, но – и самого пастыря. Особенность русской православной духовной традиции в том, что, начиная с Феодосия, пастырское служение было не только заботой о других, но в то же самое время и формой индивидуальной духовной работы пастыря. (Впрочем, мы видим в русской церкви и сегодня, и в прошлом немало «пастырей», которые не заботятся ни о духовном росте паствы, ни о своем собственном, просто не понимая, зачем это нужно.)

Еще один важный момент. Здесь, как и во многих других евангельских местах подчеркивается, что Сын Бога – это не только Иисус, но и любой человек (во всяком случае,

потенциально). Сегодня даже среди довольно продвинутых в духовном отношении христиан бытует мнение, что Иисус не человек, совершенно не такой человек, как все остальные люди, что он – сын Бога (правда, мало-кто берется объяснять смысл этого сыновства). В евангелиях Иисус часто подчеркивает, что сын не только он, что все мы – сыны. Здесь одно из таких мест.

10-12. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали [и] пророков, бывших прежде вас.

Продолжение «социальной линии». Речь идет не только о необходимости знать правду, но и о необходимости ее говорить, какими бы неприятными последствиями это не грозило (а последствия и сегодня, хотя уже и не такие кровавые, как 2000 лет назад, но все же неприятные – «распяли, но не сильно», как пел Высоцкий).

Но, конечно, чтобы говорить правду, ее прежде всего нужно знать. Об этом забывают многие «говоруны». А знание правды обеспечивается только высоким духовным ростом, той самой духовной рослостью, которая и служит единственным пропуском в Царство Небесное.

13-16. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

Продолжение «социальной» линии.

Почему соль? Потому что, получив Знание от Иисуса, его ученики обязаны это знание распространять – «солить мир», делать его более «вкусным». Замолчать, пропустить эту мудрость Иисуса мимо ушей, проигнорировать ее – это и

значит потерять силу соли. Точно так же - и исказить, не суметь донести. В «попрании» здесь есть смысловая параллель со знаменитым «не мечите бисер перед свиньями».

Эта же мысль о необходимости несения полученного от Иисуса далее повторяется и с помощью более обычной для духовных текстов аллегории со светом. Она еще точнее – Иисус принес людям Божественный Свет и передал его своим ученикам. Но не для того, чтобы они держали «свечу под сосудом», а для того, чтобы светили всем.

В чем это свечение? В том, чтобы напоминать о Боге и показывать Бога и отношение к Богу своей собственной жизнью («добрые дела»). В общем все, чтобы направить людей к Богу.

И опять «Отца **вашего**» (не «Моего»).

17-18. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

Важнейшее место, дающее ключ к пониманию всей Библии. Вообще говоря, чисто внешне Новый Завет совсем не похож на Ветхий. И христиане всегда (и сегодня) были (и остаются) очень обеспокоенными этим несходством. Сегодня можно часто услышать нападки на жестокого Бога Ветхого Завета, тем более яростные, чем меньше нападающий понимает Библию. Иисус здесь приоткрывает завесу над тайной непохожести Ветхого и Нового Заветов. На самом деле, вся Библия имеет несколько смысловых пластов. Самый поверхностный из этих слоев рассчитан на «профана» – обычного, среднего современника автора того или иного библейского текста. Что же касается более глубоких смыслов, то их доступность определяется духовным ростом. Другими словами, эти смыслы автор адресует тем современникам, чей духовный рост выше среднего, и потомкам, которым предстоит подняться над духовным уровнем предков. Таким образом, более новые тексты Библии как бы комментируют, разъясняют глубинные значения древних текстов. И Новый Завет – это тоже «комментарий» к Ветхому, раскрывающий некоторые из эзотерических, то есть скрытых от внешнего наблюдателя смыслов последнего. Об

этом и говорит Иисус – не новое учение он несет, но служит старому (и единственному), которое должно исполниться до последней «иоты» (если, конечно, мы эту «иоту» правильно понимаем).

19-20. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Продолжение темы Ветхого Завета. Главная мысль здесь, что «праведники» в иудаизме совсем не праведники. Почему? Ведь они стараются все предписания Пятикнижия исполнять как можно точнее? Ответ Иисус дает дальше. Но, забегая вперед, я обозначу уже здесь суть этого ответа: книжники понимают Закон слишком буквально и оттого его выхолащивают – не понимая духа Закона, следуют только его букве и поэтому Закон постоянно нарушают.

21-26. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: `рака', подлежит синадрию; а кто скажет: `безумный', подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Мало не убивать – нельзя убивать даже мысленно, нельзя гневаться. Сегодня в России, где ненависть разгорается и у нее множество адвокатов, понимание этого запрета особенно важно. В сердце должна быть любовь – не злоба.

27-32. Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

То же самое с прелюбодеяниями. Прелюбодеяние не только действие, но и мысль. И отсутствие действия мысль о прелюбодеянии не отменяет. Позднее монахи совершенно об этом забыли, сосредоточившись только на плотском воздержании. Что из этого получается, описал Толстой в «Отце Сергии». Впрочем, вся история монашества (и католического священничества) пестрит самыми разными примерами, к чему ведет плотское воздержание неподготовленного человека. Не случайно, к занятиям тантра-йогой в Индии допускают только очень хорошо подготовленных людей. В дальнейшем, Иисус еще будет говорить об этой теме – «о скопцах».

Вторая мысль Иисуса о том, что способствование прелюбодеянию не лучше самого прелюбодеяния. Вообще говоря, это можно отнести к способствованию любым неблагоприятным действиям, то есть к любому растлению: растлитель (в отличие от мнения М.А.Булгакова; эпизод с Фридой на балу сатаны) не менее ответственен, чем растленный. Таким образом, Иисус рассказывает слушателям не что иное, как смысл кармических законов.

33-37. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землю, потому что она подножие ног Его; ни

Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

Почему нельзя клясться, хотя Ветхий Завет требует только верности клятве? Потому что человек не в силах ее сдерживать. Человек не способен управлять своими действиями (как справедливо заметил булгаковский Воланд). Поэтому, если он клянется, то обрекает себя с большой вероятностью на клятвопреступничество. Клясться в чем бы о ни было значит брать на себя больше, чем можешь сделать, и тем самым вольно или невольно обманывать того, кому дается клятва.

В чем же смысл ветхозаветного «не преступай клятвы». Просто – будь честен. Для современников Моисея этого было недостаточно, они этого не могли понять. Современники Иисуса могли.

38-42. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Конечно, как и в других местах (например, выше, где говорится о том, что надо рубить соблазняющую руку, или сообщается, что назвавший другого безумным будет ввергнут в геену) сказанное здесь не надо понимать буквально. Речь Иисуса всегда, не только в явных притчах, очень образна – таким образом он доводит свою мысль и до весьма ограниченных людей. То же самое и здесь.

В чем мысль Иисуса? В том, что «око за око», бывшее вполне гуманным для современников Моисея, ко времени Иисуса перестало помогать и стало мешать духовному развитию. Чувство мести (всю последующую историю, включая и сегодня, многие любят маскировать его разговорами про «справедливое возмездие» – мы хорошо научились давать хорошие имена

самым плохим вещам) – это та же самая злоба, та же самая нелюбовь, которая отравляет душу, мешает ее духовному росту и, выражаясь языком религиозным, является тем грехом, который не пускает душу в рай.

Озлобленный человек с Иисусом никогда не согласится. Это мы отчетливо видим сегодня в России, прежде всего, среди тех, кто называет себя христианами.

Как же все же поступать с обидчиками? Это отдельный разговор, выходящий за рамки настоящих комментариев.

*43-47. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца **вашего** Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?*

Продолжение темы любви, как необходимого условия возрастания (духовного развития) души. Настоящая возвышающая душу любовь – это не «реактивное» чувство, то есть не ответ на чье-то к нам хорошее отношение. Такая реакция вполне естественна (любовь ребенка к родителям), но именно в силу ее природной естественности это очень «дешевая» любовь. Для современников Моисея и такая любовь была хороша, так как и ее не оказывалось между свирепыми людьми, которым очень редко кого можно было любить «за что-то» – каждый каждому делал немало зла. Для современников Иисуса, когда нравы стали мягче, такая «естественная» любовь перестала быть добродетелью. Поэтому Иисус «поднимает планку».

Возможно ли было любить врагов своих современникам Иисуса (да и нам – современным людям)? Вопрос вполне естественный, но он неверно поставлен. Правильный вопрос – КАК любить врагов, каким образом? Как нужно себя с ними вести? Как к ним нужно относиться? Какие чувства

испытывать? На такие вопросы тоже нельзя ответить быстро, но они заслуживают того, чтобы мы о них думали, если мы хотим понять, о чем говорил Иисус.

Обратим внимание еще раз, что не «Отца моего», а «Отца вашего».

48. Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Квинтэссенция не только Нагорной проповеди, но и всего учения Иисуса.

Казалось бы, полная бессмыслица – как человек может стать равным в совершенстве Богу? (Именно так рассуждают, к слову сказать, современные христиане – «Где уж нам, сирым? Это уж пусть он, батюшка, нас спасает-искускает. А мы ему за это свечечку в благодарность...»)

Но здесь нет никакой бессмыслицы – наоборот, глубочайший смысл: Иисус указывает направление духовного развития – становитесь все более и более совершенными, то есть все более похожими, все более близкими к Тому, на Кого вы похожи по самой своей природе. Что это значит?

В человеке есть Божественное Начало (сегодня, когда это понимает все больше людей, его называют иногда «духом», чтобы отличить от души, иногда – «Высшим Я», иногда – «подлинным Я»). Но помимо Божественного Начала в душе человека есть множество других вещей – ощущения, чувства (низкие, как злость, и высокие, как чувство красоты), мысли-мнения, разного рода навыки и умения, стереотипы поведения, стремления и желания, и т.д., и т.п.

Все это разнообразие «психических вещей» до поры до времени существует как бы независимо от Божественного Начала и даже как бы Его «забывает» - не позволяет проявиться в полную силу и сделать человека Богоподобным. А само Божественное Начало выглядит слабым и беспомощным, в лучшем случае – как зерно, которому еще только предстоит прорасти.

На самом деле, роль Божественного Начала в психической жизни гораздо более обширна – это канал связи с Высшими

Мирами, который незаметно, но очень мощно участвует в формировании психики – наиболее заметно, в формировании мотивов, стремлений человека, но не только. Божественное Начало снабжает человека и высшим опытом – эмоциональным (например, «религиозное чувство»), интеллектуальным (интуиция, вдохновения), и нравственным (Совесь). Но вместе с тем, Божественное Начало и в самом деле является семенем, которому предстоит прорасти и полностью преобразить человеческую душу. Об этом так же Иисус говорит много и подробно.

Роль нижней психики (например, наших обычных мыслей и желаний) в проращении Психики Высшей та же, что роль почвы в проращении обычных зерен, – она питает Высшую. Но чтобы выполнять эту свою функцию, низшая психика должна изменяться сама. И только изменившись полностью, она сможет преобразиться и стать Высшей, а человек – совершенным, как совершенен Бог.

Глава 6

1-4. Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

В отличие от пятой, где Иисус дает своим слушателям «непосильные» задачи («подставь другую щеку», «люби врагов», «будь совершенен, как Бог»), задавая тем самым направление Пути, но не говоря о том, как сделать первые шаги, в шестой главе речь, наоборот, идет о конкретных и посильных для СОВРЕМЕННИКОВ ИИСУСА шагах. Именно поэтому некоторые из поучений Иисуса кажутся нам, живущим через 2000 лет, несколько устаревшими – мы, во всяком случае, некоторые из нас это уже научились делать.

Так, слушатели Иисуса не могли делать добрых дел безвозмездно, им была нужна награда за добрые дела, пусть и после смерти. К этой их «алчности» Иисус и апеллирует. Конечно, каждое доброе дело, сделанное искренне и бескорыстно, и так сопровождается наградой – радостью от совершения доброго дела. Но на этом Иисус внимание слушателей не заостряет. Он акцентирует другое: лицемерное, показное, формальное совершение любого доброго дела «убивает» это доброе дело, превращает его из доброго в злое, потому что подобная «доброта» растлевает душу лицемера, из проявления любви к другим становится проявлением алчного себялюбия – способом получить неую мзду от людей или от Бога.

5-8. И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него

Эту заповедь церковь растоптала очень быстро, введя в обычай пышные богослужения, а затем и молитвы, обращенные не к Богу, а сначала к самому Иисусу, а затем и ко все более многочисленным святым. И за тем, и за другим была некая логика, но при этом важнейшая часть учения Иисуса на много веков оказалась «под спудом» - достоянием только немногих подвижников. Для большинства же христиан стремление к интимной близости с Богом-Отцом, достигаемое в тайной молитве, оказалось утраченным.

Впрочем, Иисус ясно понимал пределы возможного для его слушателей, и поэтому не учит их сложным психотехническим приемам раскрытия сердца навстречу Богу, отыскания Бога в своей душе и т.д. – всему тому, что самые высокие из христиан будут открывать для себя последующие тысячелетия и что

сегодня становится относительно широко известным. Вместо этого Иисус дает канон молитвы. Однако этот канон таков, что сам, подобно прорастающему зерну, содержит в себе огромный потенциал развития, когда простые слова по мере их постижения наливаются все более и более богатым смыслом.

9-13. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

(Комментарий к «Отче наш» был написан мною несколько лет назад как отдельная статья; тогда же и начал возникать замысел прокомментировать все евангелие от Матфея.)

Знакомые с детства любому атеисту (не говоря уж о верующих) слова, тысячу раз слышанные, читанные и повторяемые. Правда, на русском языке реже, чем на церковнославянском, на котором еще сто лет назад "Отче наш" мог отбарабанить в России любой ребенок – с них начиналось обучение. В общем, что говорить – слова заученные. Но понимаем ли мы их смысл – глубочайший смысл этих пяти строк? Конечно, нет. Да, что там понимаем – мы о нем чаще всего и не задумываемся, не догадываемся, что у таких привычных и вроде бы понятных слов есть какой-то особый, глубокий смысл. Но он есть. И разбирать этот глубокий смысл нужно буквально "по слогам".

1. Отче. В этом обращении скрыт едва ли не главный смысл молитвы – выражение любви к Богу. Говоря "Отец", мы говорим "любимый", говорим Богу, как мы его любим. Молитва как выражение своей любви к Богу – этим молитва и важна.

2. наш. Это короткое слово так же очень важно. Оно указывает на то, что все мы – дети одного Отца, все мы – братья и относиться друг к другу должны с братской любовью. Мы должны любить друг друга. Поэтому осознанное, с пониманием произнесение слова "наш" наполняет нас любовью к людям так же, как осознанное, с пониманием произнесение слова "Отец" наполняет любовью к Богу. Уже произносятся два первые слова

молитвы, мы выполняем главные евангельские заповеди.

3. *сущий на небесах!* Слово "отец" не только выражает нашу любовь, но имеет и другую смысловую нагрузку. Мы – дети не только своих родителей. У нас есть и третий (хотя, конечно, Он – Первый) Родитель – Божественное нашей души. То, что ведет нас по дорогам земной жизни в направлении к Небу. Мы приходим на Землю не "чистыми листами", на которых можно написать все что угодно, и которыми ветер судьбы может играть как угодно по своей прихоти. Мы приходим для того, чтобы сделать свое дело, а точнее – свою часть нашего общего Дела. И приходим мы не "неоткуда", чтобы, прожив жизнь, уйти в "никуда". Мы приходим с Неба, чтобы уйти на Небо. И наш Первый Отец – на Небе.

4. *да святится имя Твое.* Важнейшая часть молитвы, продолжающая (но еще не оканчивающая) линию, начатую обращением "Отче ". В этих словах мы снова выражаем свою любовь к Богу. Мы славим, прославляем Бога и этой "хвалой" говорим, как мы Его любим. Но это не просто слова – в них звучит наше намерение приложить все свои силы для того, чтобы имя Бога было святым. Так эти слова готовят следующие, в которых выражена главная цель нашего пребывания на Земле.

5. *да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе.* Царство Бога, живущее по-Божески, должно спуститься с Неба на землю, или, другими словами, воплотиться в плотном, "вещественном" ("земном") мире. В этом цель Истории. И наша общая задача, главная задача, и более того - единственная задача – делать на Земле Царство Бога, налаживать земную жизнь по-Божески, о-Божать Землю. Этим русские занимались всегда. Часто – только в мечтах о Божеской жизни. Но нередко – и в работе практической. Конечно, мы пока не умеем делать эту работу хорошо. Но мы научимся делать ее лучше – у нас просто нет иного выхода. А пока, молясь, мы снова и снова напоминаем себе об этой главной нашей на земле задаче.

6. *хлеб наш насущный дай нам на сей день.* На первый взгляд, очень странные строки. Конечно, чаще всего мы их странности не замечаем. Но вдумайтесь – ведь в этих строках мы просим Бога сделать то-то и то-то по *нашему* желанию, как будто Бог нуждается в наших советах и подсказках, что Ему делать. В

этом явная (хотя для многих пока еще тайная) абсурдность "просящих" молитв. Бог и без таких советчиков неплохо управляется с миром. Тем более, что перед тем, как сообщить слова молитвы, Иисус говорит о бессмысленности просьб у Бога: "знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него".

Но тогда зачем эти "дай" и "прости", и "не введи", и "избавь"? Ключ к пониманию открывает параллель с ветхозаветным "око за око". Там, в моисеевых законах это требование для современного человека звучит как антигуманный призыв убивать обидчиков и едва ли не как прямое противоречие с евангельским "подставь другую щеку". Но это только для нас. "Око за око" было не призывом к расправе, а ограничением беспредела, царившего среди людей, которым Моисей принес Закон. Если тебе выбили глаз, не выбивай обидчику оба, да в придачу не отрезай ему руки и не разорь его дом.

Таким же ограничением являются и эти три строки молитвы. Слушатели проповеди Иисуса еще не были готовы отказаться от просьб к Богу. (И сегодня к этому готовы не многие.) И поэтому в молитве нам предписывается, если уж мы не можем, ничего не просить, то хотя бы не просить лишнего, ограничивать свои желания необходимым нам сегодня. Об этом первая просьба - о хлебе на сегодня.

7. и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. Вторая просьба – не просто просьба о прощении грехов, как может показаться на первый взгляд. Что толку просить о прощении до **полного** покаяния? А **полностью** раскаивающемся грешнику грех прощается и без просьб. Но, так же, как первая просьба хлеба на сегодня, укорачивает нашу алчность, просьба о прощении укорачивает наше жестокосердие по отношению к нашим "должникам". В этой "просьбе" мы запрещаем себе жестокость по отношению к тем, кто оказался в зависимости от нас самих.

8. и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Третья просьба на первый взгляд так же бессмысленна. Пока мы наделены нижней, грешной природой – злобой, страхами, алчностью, властолюбием, тщеславием и т.д., мы обречены на то, чтобы все время "искушаться" – гнаться за химерами, не

понимая их иллюзорности, и таким образом становиться жертвами лукавого. И сделать тут ничего нельзя. Но именно в понимании этой невозможности и напоминании (не Богу, конечно, Он в наших напоминаниях не нуждается – в напоминании себе) об этой невозможности и есть смысл третьей просьбы: мы как бы говорим себе, что нам необходимо избавление от искушений и постепенно начинаем понимать, что нам нужно сделать для этого – победить свою нижнюю, греховную природу. Вторая и третья просьба – просьбы к Богу избавить нас от грехов – на самом деле формируют, кристаллизуют наше понимание **нашей** работы по борьбе с грехами.

9. *Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.* В этих словах соединяются две линии молитвы, уже начатые ранее: линия любви к Богу, выражающаяся в прославлении Бога, и линия нашей Работы по воплощению (строительству) Царства Божьего на Земле.

И, наконец, последнее слово молитвы:

10. *Аминь.* "Да будет так!". Это короткое слово как бы заостряет молитву, сводит все сказанное нами вместе, в одну точку - в наше стремление любить Бога, и не просто любить, а любить Его действительно, превращая Землю в Его Царство, а для этого, в первую очередь, превращая в Его Царство собственные души. Вот так, собранными таким образом все вместе наши чувства, стремления и намерения мы и "бросаем в Небо".

14-15. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Снова апелляция к «алчности» слушателей на Божье милосердие. Но смысл здесь гораздо глубже.

Прощение – это изгнание из своего сердца неприязни к обидчику. Обида, желание мести отягощает душу: она не только лишает человека радости, но может вызывать и всякого рода другие неприятности, начиная с психосоматических расстройств. В этом смысле переживание такого чувства само по себе греховно, как греховна любая неприязнь. Избавление от нее

улучшает состояние души со всеми вытекающими из такого улушения последствиями (облегчение, радость и даже улучшение физического самочувствия) и в этом смысле является Божьим прощением.

То же можно выразить и короче, используя понятие кармы: если гнев на обидчика карму утяжеляет, то прощение ее облегчает.

16-18. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Пост, воздержание от еды – это не ритуальное, обрядовое действие, совершаемое только потому, что «так написано в Законе». Это важное действие по совершенствованию своей души, когда она находится на определенных ступенях лестницы духовного развития. В чем смысл этого действия? Во-первых, оно делает чище, «прозрачнее» сознание. Во-вторых, как и любое «умерщвление плоти», создавая искусственно физический дискомфорт, пост заостряет, пробуждает сознание. Человек перестает «жить механически», «жить как живется», а начинает обращать внимание на происходящее в своей душе, а религиозный человек и перестраивает свои мысли на Бога. Само по себе такое переключение может (и чаще всего так и бывает) ограничиться активизацией воображения – фантазий на тему о Боге. Но само по себе «вспоминание себя» (в терминологии Г.И.Гурджиева) увеличивает знание о своей душе и со временем может увенчаться и «встречей с Богом».

Но Иисус здесь ограничивается только указанием на то, что поститься нужно не «механически», и не «для людей». Таков был предел понимания его слушателей.

Символический смысл помазания и омовения – посвящение в служители Богу (Исход, 29). Пост и есть разновидность такого служения. Очистить душу и открыть ее Богу – смысл поста, который символизируют омовение и помазание.

К слову, буквальный перевод с древнееврейского «мессия» (מָשִׁיחַ, «Машиах»), как и с греческого Χριστός («Христос»), означает помазанный. Таким образом, Иисус предлагает постящимся делать себя помазанниками, а по сути открывать себя для Божьего Духа.

19-21. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше.

«Сокровища на земле и на небе» имеет, как минимум, два смысла. Обычное (популярное) понимание состоит в том, что нужно заботиться не о земных богатствах, а о добродетельных поступках, которые «откладываются в сокровищницы неба», запоминаются Богом, чтобы потом, подобно гирькам, быть использованным при взвешивании души после смерти – достаточно ли добродетельную жизнь она вела. Более глубокий смысл в том, что речь идет о небе и земле собственной души человека: человеку нужно заботиться о верхних пластах своей души, например, размышлениях, а не о нижних, как, например, чревоугодие, жажда богатств, обладания деньгами, имуществом и т.д.. Другими словами, эти строки задают то направление жизни души, которое на современном языке называется «духовность». Душа («сердце») духовного человека устремлена Вверх; бездуховного – вниз.

22-23. Свотильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

«Глаза – зеркало души». Иисус указывает на простейшее средство самоконтроля. Взгляни в зеркало. Что ты там видишь? Идет ли из твоих глаз свет? Или они тусклы и бессмысленны? Или сыто самодовольны? А может быть – испуганы? Теперь ты знаешь, все ли благополучно с твоей душой. Потому что если у тебя плохие глаза, так как же темны глубины твоей души! Как

много в них бесовского – жадности, страха, ярости...

24. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Важнейшее разъяснение центрального во всех аврамических монотеистических религиях положения о единственности Бога. «Не сотвори кумира» означает не только не отливай из золота тельца, но гораздо больше – не увлекайся ничем, кроме Бога, не привязывайся ни к чему, кроме Бога, не желай ничего, кроме Бога, то есть, другими словами, всю свою жизнь устремляй к Богу. Об этом и говорит здесь Иисус – нельзя служить двум господам: ни Богу и желанию славы, ни Богу и желанию денег и даже ни Богу и желанию рая. Но как служить только Богу? Это было непонятно для слушателей Иисуса. Непонятно большинству из нас и сегодня.

Начиная с этого стиха, практические рекомендации снова сменяются указанием стратегической цели возрастания души.

25-32. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту [хотя] на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

Конечно, требование подобной «беззаботности» было чрезмерно и для современников Иисуса, и для нас, современных

людей. Как можно не заботиться? Кто же позаботится о нас? Да и можно ли не заботиться, а как же «не ищущай Бога»? Ведь легкомысленное отношение к жизни мало чем отличается от прыжка с крыши храма.

И тем не менее, хотя слова Иисуса здесь нельзя понимать буквально, в них скрыта большая мудрость, немного известная индусам и очень мало - нам. Дело в том, что наша жизнь во многих моментах предопределена, и обычно мы считаем себя гораздо более свободными, гораздо больше хозяевами своей судьбы, чем это есть на самом деле. Уже рождение в той или иной семье, в той или иной стране в значительной мере предопределяет наш жизненный путь. Но еще больше его предопределяет то, с чем мы пришли в этот мир, например, наши способности.

Наука очень мало знает и оттого часто игнорирует такие понятия, как судьба, предопределение и т.д. Еще несколько десятилетий назад господствовало мнение, что человек приходит в мир «белым листом» и полностью формируется под действием социальной среды, в которой он оказывается. Да и сегодня эти представления хотя уже и не такие незыблемые владеют умами многих ученых. Но простейшие наблюдения показывают, что мы рождаемся не только с разными способностями, но во многом и с разными устремлениями, которые проявляются очень рано. А также с разными темпераментами и разными чертами характера. В общем мы приходим как разные люди и живем разные жизни. И наше собственное влияние на наши жизни совсем не так велико, каким его хотела бы видеть наша гордыня. Мы с самого начала оказываемся в сложном силовом поле и движемся по жизни в соответствии с его законами. Это может быть обидно для некоторых из нас, но это так.

Без понимания сути того, что индусы называют законами кармы, включая и законы реинкарнации, эти феномены быть поняты не могут. Позднейшее христианство в силу многих причин отказалось от идей предсуществования души, но, как мы увидим, в начальный период, они были едва ли не общеприняты.

Впрочем, кармические законы гораздо сложнее, чем о них думают большинство поклонников индийской философии.

33. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

В этой короткой фразе и продолжение рассказа о кармических законах, и еще одно напоминание о Цели Пути. Мир устроен так, что каждому человеку предоставлены наилучшие условия для его духовного развития. Просто для разных людей эти условия различны. Кому-то нужно пройти через страдания. Без них его духовную спячку преодолеть нельзя. Кому-то дается образование. Кому-то – художественное творчество. Мы получаем ровно то, что нам нужно. (Хотя часто это получаемое нам совсем не нравится.) И даже от голода мы умираем только тогда, когда это необходимо для нашего развития в посмертном существовании. Конечно, наше обычное мышление протестует против такой «жестокости». Но что поделать, когда очень часто мы хотим жить как хотим, не желая понимать, что живем мы по-скотски? Тогда же, когда мы еще не окончательно погублены для совершенства в этой жизни (этом человеческом воплощении), мы получаем все необходимое, чтобы жить правильной жизнью, выполняя свою работу для себя и свою работу для других людей.

34. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы.

Опять Иисус снисходит до уровня своих слушателей. Сказать «Вообще не обременяйте себя заботами» было бы для них (как, впрочем, и для нас) совсем непонятно.

Но здесь есть и еще один более важный смысл. Дело не в том, чтобы ограничивать свои «заботы» (мысли, планы, желания) только одним днем – дело в том, чтобы наполнять свои планы особым смыслом, делать маленькие повседневные заботы и большие (годовые, например) заботы частью (инструментами) одной самой большой нашей заботы – заботы о приходе Царства Божьего на землю и, конечно, прежде всего – в собственную душу. Прежде всего – Царство Божье и правда Его. И тогда, когда мы заботимся не просто о земных делах, но

о земных делах, как части нашего Высшего предназначения: не просто о деньгах, а о деньгах, которые нужны, чтобы помочь приходу Царства, не просто о власти, а о власти, которая нужна нам, чтобы приблизить приход Царства, то такие заботы вполне оправданы и даже необходимы.

Глава 7

1-2. Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такую] и вам будут мерить.

Речь снова о кармических законах. Действие человека по отношению к другому человеку возвращается к нему самому: ненависть вызывает ответную ненависть, любовь – ответную любовь. Так же и логика поведения по отношению к другому человеку тоже возвращается: каждый человек как бы устанавливает «правила социальной игры» и предлагает окружающим играть по этим правилам. Окружающие же (хотя обычно и неосознанно) на это «соглашаются», хотя и сами вводят свои «правила». Один из психологических механизмов реализации этого закона заключается в том, что судя другого по определенным правилам, человек (обычно также этого не осознавая) судит таким же образом и сам себя, а окружающие неосознанно «считывают» его самоотношение и превращают самоотношение человека в свое отношение к этому человеку. Например, тому, кто не уважает себя, трудно рассчитывать на уважение других. Но причина отсутствия уважения к себе заключается в том, что у человека нет уважения к другому человеку.

3-5. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: 'дай, я выну сучок из глаза твоего', а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, [как] вынуть сучок из глаза брата твоего.

Эти слова в комментариях не нуждаются. Мы любим ругать других, но никогда – себя.

6. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

Очень важные слова – чем и когда можно делиться с другими людьми. Из того ценного, чем ты обладаешь, давать человеку надо только то, что человек готов принять. Иначе твои слова, в лучшем случае, пропадут, а в худшем, будут поняты превратно, искажены и превращены в свою противоположность. И тогда добрые намерения оборачиваются злыми последствиями.

Боюсь, не нарушаю ли я сейчас этой заповеди... И только одно здесь утешает – Иисус сам нарушал ее постоянно...

7-10. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

Снова о кармических законах. Люди не предпринимают бесполезных действий. У каждого нашего действия есть свой закономерный результат. (Иное дело, что мы не всегда можем понять его закономерность и «правильность».)

Но наивно, конечно, понимать сказанное, как то, что любые наши прошения удовлетворятся. Не любые. Мы получаем только то, что нам, действительно, нужно. Нужно для нашего духовного развития и для выполнения нашей работы (миссии).

У этих слов Иисуса есть и иная, скрытая сторона – здесь есть намек на возможности магии, то есть исполнения желаний, которых желающему нужно бояться («Бойтесь исполнения своих желаний»). Но эту тему я оставляю за рамками настоящих комментариев.

12. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

Закон - «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19:17). Слова простые, но как этого добиться? Иисус дает простой совет. Конечно, и ему непросто следовать, но все-таки он гораздо более «операционален», чем исходная формулировка. Возможно сегодня самые духовно высокие из нас дорастают до того, чтобы добавить к такому «люби ближнего» кое-что еще, но большинству даже этот, «операциональный» наказ Иисуса, пожалуй что, еще не по силам.

13-14. Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Что такое «тесные врата»? И что такое «широкие»? Широкие значит делай все что душа пожелает, чего твоя левая нога захочет. Хочется сердиться – сердись, хочется обмануть – обманывай, хочется пить – пей. В общем, что хочешь, то и делай. Так и живет большинство людей – делает, что хочется. Узкие же врата означают делать не то, что хочется, а то, что делать должно. Однако здесь возникает вопрос – а что же именно должно мне делать? Вообще говоря, на него никто не может ответить, кроме самого человека, потому что ответ находится в его собственной душе. И доступ к этому ответу открывает Совесть. Но жить в соответствии с Совестью все время очень трудно. В нашей душе звучит множество голосов, и нам редко бывает легко разобраться, кто есть кто в этой разногласии: кто – Совесть, кто – себялюбие, кто – тщеславие, а кто – похоть. Это и есть та трудность найти узкие врата, о которой говорит Иисус.

15-20. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое

приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их.

Предупреждение более чем необходимое – в разного рода учителях и пророках никогда недостатка нет. И различить *лже-* от *не-лже* часто бывает совсем непросто. Проблемы, которые здесь возникают, можно проиллюстрировать на следующих стихах этой главы.

Рецепт, который здесь дает Иисус, однако, прост и эффективен. Нужно понять, чему учит Учитель. Если он учит почитать себя, а не Бога – осторожно, здесь что-то не то. Если он учит не приближаться душой к Богу, а чему-то другому, – опять-таки, осторожно!.. Результат любого учения может быть только один – оно должно приближать душу ученика к Богу, делать душу Выше – мудрее, добрее, чувствительней к Высокому. Это то, что Иисус называет добрым плодом. Все остальное – плод худой.

Легко ли в этом разобраться? Обычно очень трудно. Для многих и вообще невозможно. Но другого пути не стать игрушкой в чьих-то руках нет.

21-23. Не всякий, говорящий Мне: 'Господи! Господи!', войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

Внимание! Слышите, как изменилась тональность речи Иисуса? Иисус впервые почти объявляет себя Господом, сыном Бога и Богом. Что это? Почему такая перемена? Здесь есть над чем задуматься...

Я уже говорил, что у каждого евангелиста была своя писательская задача, в которую входило не только стремление передать учение и жизнь, учение-жизнь Иисуса, но и убедить читателя в чем-то от себя. Определить, когда евангелист выступает просто как передатчик учения, а когда – как

пропагандист, обычно не так уж трудно. Мы начинаем слышать как бы другого человека. Здесь именно такой случай – самопровозглашение себя Богом и Судьей в «тот день» никак не вяжется с человеком, за словами которого мы внимательно следим уже третью главу. Здесь явно напрашивается мысль об авторском добавлении.

Но тем не менее, центральная мысль этих стихов, чрезвычайно важна – неважно, принадлежит ли она самому Иисусу, прозревающему будущее своего учения, или же евангелисту, который имел возможность на протяжении нескольких десятилетий следить за развитием христианской церкви. Самая большая угроза христианству всегда исходила не от «гонителей», а от тех, кто сами называли себя христианами, но своими интерпретациями искажали суть учения Иисуса. И неважно, насколько сильны были их «магические возможности», которыми они доказывали профанам свою «божественность». Очень часто они уводили «стадо» в совсем иную сторону. Это о них – «Отойдите от меня», «я никогда не знал вас».

Только попробовав на зуб, можно определить, хорош ли плод. Это, конечно же, относится и к моим комментариям.

24-27. Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

Исполнение (действие) есть то, что превращает песок (знание без исполнения) в камень. Однако между исполнением и действием есть важнейший промежуточный агент – ПОНИМАНИЕ. Здесь главная проблема с исполнением заветов (что Ветхого, что Нового) – мало услышать, мало хотеть исполнить, нужно понять, *что* именно надлежит исполнять и *как*.

28-29. *И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.*

Определенно – не как книжник. Но в чем состояла власть Иисуса? Эта власть заключалась в ЗНАНИИ. Это мы чувствуем и через две тысячи лет: Иисус ЗНАЕТ, что он говорит.

Глава 8

1-4. Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа. И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистись. И он тотчас очистился от проказы. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай, но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им.

В этой главе основная задача евангелиста убедить читателя в Божественности Иисуса рассказами о творимых им чудесах. Для нас, современных людей духовная высота Иисуса раскрывается, главным образом, в его словах. По этой высоте мы можем догадываться, что Иисусу вполне были по силам многие чудеса, особенно, «целительские». Но сами по себе эти чудеса для современного образованного человека мало-что добавляют к христианству. Иное дело две тысячи лет назад. Чудесами доказывалось (свидетельствовалось) очень многое. Поэтому евангелист так много внимания уделяет рассказам о сотворенных Иисусом чудесах. Впрочем, в этот рассказ порой вплетаются и иные нити.

Были ли реально эти события или их не было – это для нас имеет второстепенное значение, фактически, не имеет никакого значения. Именно поэтому у нас нет достоверного способа убедиться в их историчности.

«Как повелел Моисей» – речь идет о «законе о прокаженных (Левит 14).

5-13. Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его. Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час.

«Сотник» – римский офицер, центурион.

Здесь два интересных момента – впервые появляются две темы: тема веры и тема Божественного народа. Вера может творить чудеса. Это красной нитью проходит через христианство. Но что это значит? Об этом мы поговорим позже.

Вторая тема, тоже ставшая очень популярной, – это то, что народ христиан заменит собой народ евреев в смысле Богоизбранности. В каком-то смысле, это не совсем так, но Иисус очень много и убедительно говорит о том, что иудеи плохо исполняют Закон Бога, и учит, как этот Закон нужно исполнять на самом деле.

14-17. Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им. Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес болезни.

Здесь евангелист применяет все тот же уже знакомый нам прием – привязки к ветхозаветным пророчествам (здесь – Исаия 53:4).

18-20. Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел (ученикам) отплыть на другую сторону. Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные—гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

Здесь впервые встречается очень важное «сын человеческий». Не Божий, а именно человеческий. Это чередование («сын Бога – сын человека») доставило много хлопот богословам, воспитанным в традиции античной мысли. И сегодня в умах христиан здесь существует изрядная путаница. То, что Иисус – это простой (в каком-то смысле, конечно) человек, сумевший СТАТЬ Богом, понимается очень трудно.

21-22. Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

Иисус называет обычных людей мертвецами. Почему? Что это значит? Это значит, что они мертвы духовно, так как не родились еще «от Святого Духа», не раскрыли своим сознанием Источник Жизни, который есть в их душе. В этом смысле, они духовно мертвы. Все их заботы связаны с простыми земными вещами. Живы же только те, кто слышат правду в словах Иисуса, сопричасны Свету, который несет Иисус. В этом же смысл знаменитого «Я – воскресение и жизнь». (Иоанн 11:25).

23-27. И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы [так] боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?

Наиболее интересен здесь упрек в маловерии. Но здесь речь не о могуществе Веры, а о том, что с человеком не может произойти ничего плохого без Воли Бога, а это значит, что и вообще ничего плохого с ним произойти не может, так как Бог всеблаг.

28-34. И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем. И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас. Вдали же от них паслось большое стадо свиней. И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней. И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде. Пастухи же побежали и, придя в город, рассказали обо всем, и о том, что было с бесноватыми. И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их.

Как и во всех рассказах об изгнании бесов, здесь есть важная аллегория – христианство способно избавить человека от бесов, то есть от его нижнего психического, и открыть в нем Высшее психическое. В данном случае эта аллегория дополнена тем, что люди сами не хотят и боятся отказаться от своих бесов.

Гергеса – один из городов греческого «Десятиградия» (см. комментарий к 4:25). Его обитатели в отличие от иудеев разводили свиней.

Глава 9

1-8. Тогда Он, войдя в лодку, переправился [обратно] и прибыл в Свой город. И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы

вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой. И он встал, [взял постель свою] и пошел в дом свой. Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам.

В этом отрывке наряду с несколькими «конъюнктурными» моментами, не представляющими сегодня для нас большого интереса, как то: дискуссия с иудаизмом о том, кто наделен властью прощать грехи, и очередной попыткой указать на Божественность Иисуса, а вместе с тем подчеркнуть, что Иисус – человек (Бог дает власть прощать грехи «человекам»), интересен вот какой момент: болезнь – это результат грехов, следствие того, что было совершенно человеком раньше. Опять мы видим параллель с кармическими законами: наши «беды» подготовлены нами самими.

9-13. Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним. И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его. Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

Опять, за пределами «писательской конъюнктуры» (здесь прежде всего, спор с иудаизмом), наиболее важные здесь слова о призыве грешников к покаянию. Я уже говорил о роли покаяния в духовном росте. Здесь же скажу о том, что осталось в этих стихах между строк: грешники – все люди, безгрешных людей нет и быть не может. Вот кого Иисус пришел призвать к покаянию.

14-15. Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны

чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься.

О смысле поста. Он нужен не для тех, с кем «Жених», то есть Дух Божий. Пост – это инструмент сыскания Духа, а не бессмысленный ритуал.

16-17. И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое.

Очень важные для сегодняшнего дня слова. Сегодня после многовекового кризиса возникает новая религиозность и новая религия. И она требует не старых, а новых форм, новых мехов, как когда-то новых мехов требовало новорожденное христианство. Подновить старые религии новой заплатой не удастся.

18-23. Когда Он говорил им сие, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива. И встав, Иисус пошел за ним, и ученики Его. И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его, ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова.

Еще раз о всемогуществе Веры. Пока что снова только скользь. Тема пока только готовится...

23-26. И когда пришел Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ в смятении, сказал им: выйдите вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним. Когда же народ был выслан, Он, войдя, взял ее за руку, и девица встала. И разнесся слух о сем по всей земле той.

Снова о чудесах...

27-30. Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их; и Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал.

И снова о силе Веры. Но и это пока только вскользь.

31. А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той.

Интересная ремарка. Иногда такими нелогичными поворотами (исцеленные осмелились послушаться своего могущественного целителя) авторы нарочито подчеркивают вымышленность и иносказательность описываемых событий, указывая тем самым на существование глубинного смысла. Так или не так это здесь, мы не знаем.

32-34. Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого. И когда бес был изгнан, немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле. А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

Эта тема – как изгоняются бесы, еще получит свое развитие.

35-38. И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою.

Еще один сверхактуальный для наших дней мотив:

рассеянность толп и недостаток делателей. Времена повторяются.

Глава 10

1-6. И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его. Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева;

Почему только к «погибшим овцам» израилевым? Потому что только у них было, что исправлять, что реформировать. Религии соседей израильтян нужно было делать заново, «с нуля». Они переживали глубокий кризис. У израильтян же ситуация была иной – их вечная религия просто в очередной раз искажалась, деформировалась, извращалась в соответствии с состоянием душ ее носителей в то время. Но важно, что именно те из израильтян, кто острее чувствовал эти искажения, был готов к восприятию учения Иисуса. Только они могли стать той почвой, на которой посев Иисуса мог взойти. А мудрейший Иисус, конечно, же не хотел «сеять на камнях». Отсюда и такая «шовинистическая избирательность». И неслучайно, что первые христианские общины долго оставались еврейскими, хотя и довольно быстро стали грекоязычными (огромное множество евреев говорило по-гречески, как на родном языке, ведь Израиль был хотя и своеобразной, но, тем не менее, частью эллинского мира).

7. ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное;

См. выше комментарий к проповеди Иоанна Крестителя.

8-10. больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания.

Были ли апостолы целителями? Вполне вероятно, так как именно этот «метод убеждения» действовал на современников Иисуса лучше всего. Впрочем, достоверных сведений об этом у нас нет. А вот то, что они были бескорыстными аскетами, сомнений не вызывает. В противном случае, их проповедь не могла бы быть успешной: корыстолюбие и привязанность к вещам такую проповедь «убивало» бы. Поповедник обязан быть «не от мира сего». Иначе его слова будут встречать дополнительное сопротивление. Это верно и в наше время.

11. В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете;

Тот же мотив – обращаться нужно к тем, кто готов понять проповедь («кто достоин»).

12-13. а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

Такое действие благословления, включая и «эффект бумеранга», тоже относится к кармическим законам. Брошенное доброе слово прорастает добром и возвращается к бросившему. (То же происходит и со злыми словами.)

14-15. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.

«Отряхните прах» – очиститесь, разорвите свою связь с этим городом, чтобы не делить его судьбу. Судьба же глухих к Божьим словам печальна – они погибают, как Содом и Гоммора.

Это очень важно понимать нам в сегодняшней России, где уши огромного множества людей залиты воском лжи, пошлости, глупости...

16-18. Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: так будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками.

Мудры – в понимании, просты – в поведении. Но и это не спасет от людской ненависти, которой защитники старой культуры (консерваторы) неизбежно встречают проповедников нового. Таков нормальный порядок вещей – так сохраняется преемственность, непрерывность культуры: старое просто обязано сопротивляться. Без этого общество теряет стабильность, устойчивость. Но без проповеди нового общество прекращает развиваться. Обе болезни были бы смертельны, но по счастью в битве радикалов с консерваторами успех переходит то к одной стороне, то к другой. Находить же между ними компромисс, который позволял бы развиваться без стремительного разрушения старого, мы пока что еще не умеем, не научились.

19-20. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Это очень важно и подчеркивается в Библии несколько раз, начиная с жалобы Моисея на свое косноязычие (Исход 4:10-12): речь проповедника только тогда имеет ценность, когда его устами говорит Бог. Любая «отсебятина» никакой ценности не имеет. Именно поэтому, читая те или иные «духовные» тексты (включая, конечно, и тот, который Вы читаете сейчас) очень важно понять, что в этом тексте от Духа, а что – от головы автора.

21. Предаст же брат брата на смерть, и отец—сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их;

О той же битве нового и старого. Иисус отчетливо понимает, какой она будет кровопролитной. Евангелист, пишущий через несколько десятилетий после смерти Иисуса, об этом же просто знает.

22. и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

Почему спасется претерпевший до конца? И что это значит – «спасется»; и что значит «до конца»?

«Спасется» значит определенным образом преобразует свою душу: грубо говоря, переплавит нижнюю душу в Высшую. Все что есть в душе низкого – страхи, алчность, ненависть, а также и прочие страсти и разного рода глупости – необходимо переплавить в самые высокие из доступных человеку состояния – состояния, которые так редки, что у них и названий в нашем языке в отличие от состояний низких нет. Говорят о религиозном чувстве, эстетическом чувстве, чувстве своего подлинного Я и другие столь же туманные для многих слова.

Спасение – центральное понятие христианства. Все, что делает христианин, он делает для спасения. И Путь, который Иисус проложил для человечества – это как раз Путь Спасения, путь трансформации своей души.

Страдания не являются единственным возможным путем к Спасению. Но часто то, что составляет нижнюю душу человека, без страданий не отмирает, и поэтому совершенствование души оказывается связано со страданиями. В этом смысле, чтобы спастись, необходимо перестрадать всю свою душу, то есть «претерпеть до конца».

23. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий.

Что это – ошибка Иисуса или ошибка евангелиста, вложившего в уста Иисуса свои представления о втором

пришествии? Или это вставка позднейших редакторов? Иисус не мог так ошибаться. Евангелист, писавший через десятилетия после описываемых событий, казалось бы, должен был знать, что второе пришествие так быстро не состоялось. Тем более, это знали позднейшие редакторы. В чем же здесь дело?

Одно из объяснений в том, что евангелист и его современники просто не стали считаться с логикой и фактами, и смысл этой фразы нужно понимать буквально – скоро будет второе пришествие. В уста же Иисусу фразу вложили ради пущей убедительности, не взирая на ее нелогичность в его устах и явное противоречие с реальностью.

Другое возможное объяснение: смысл этих слов в том, что Сын Человеческий придет к каждому из апостолов, что каждый из них сам станет Сыном Человеческим, то есть, как мы говорим сейчас, Человеком с большой буквы или настоящим человеком.

Какое из объяснений правильное? Едва ли на этот вопрос можно получить достоверный ответ...

24-26. Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его? Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано.

Почему то, что тайное становится явным, должно обезопасить апостолов? От какой опасности раскрываемость тайного их избавляет? От опасности бесчестия. То, что «домашние дьявола» бесчестит их, не может реально угрожать их доброму имени, так как время все расставит по своим местам. (Что и произошло – время показало правоту Иисуса и апостолов и ничтожность их гонителей.)

27-31. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не

упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

Бойтесь только дьявола, то есть своей нижней природы: бойтесь своих страхов, бойтесь своих страстей и т.д.

И знайте, что вы под защитой своей судьбы – с вами произойдет то, что с вами должно произойти. Это опять о законах кармы.

32-33. Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным.

Это больше всего похоже либо на позднюю вставку редакторов, либо на вымысел евангелиста. В первой половине этой фразы есть своя правда, но слишком большим диссонансом звучит в устах Иисуса и вся фраза, и особенно вторая ее часть.

А в чем правда первой половины? Правда в том, что чтобы «исповедовать Иисуса перед людьми» нужно вырастить свою душу до того состояния, когда такая «исповедь» (проповедь) становится возможной. Тем самым душа оказывается в «привилегированном положении перед Богом».

Популярное же понимание здесь очень примитивное и далекое от духа христианства – «ты мне, я тебе».

34-35. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

Поверхностный смысл здесь в том, что становление христианства (как и становление всего нового) будет проходить в борьбе нового со старым и в сопутствующих этой борьбе «гражданских войнах». Но есть здесь смыслы и более глубокие.

Первый из таких скрытых смыслов в том, что Иисус принес меч духовной битвы – битвы, которая идет в душе каждого человека между старым, более низким, отживающим и

отжившим, и новым, нарождающимся и растущим более высоким. Это битва, которую каждый человек ведет за свое обожение, за то, чтобы стать ближе к Богу. Студенты, жертвующие веселыми вечеринками ради своего образования, и ученые, посвящающие всю свою жизнь науке и отказывающиеся от многих «радостей жизни», и художники, терпящие нужду, чтобы творить, – все они ведут такую битву.

Второй эзотерический смысл этих слов в необходимости отстраниться от всего, к чему привязан, и посвятить жизнь только Богу. Этот смысл отчасти раскрывают следующие стихи главы.

36-38. И враги человеку—домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.

Здесь опять возникают сомнения в авторстве этих слов: кому они принадлежат – Иисусу или евангелисту, рассказывающему об Иисусе? Причина сомнений – во все том же диссонансе, как бы «хвастовстве» Иисуса. Но в данном случае эти сомнения никак не влияют на то, что слова эти (кому бы они ни принадлежали) имеют очень глубокий и очень важный ДЛЯ НАС смысл.

На первый взгляд, фраза звучит очень «негуманно» и «античеловечно». Как же так: родные, и вдруг враги? Вспоминается Павлик Морозов – герой советского и антигерой постсоветского времени. Но замените слово «Меня» словом «Бога» (а именно такую замену подразумевает здесь евангелист) и слова Иисуса (неважно, были ли они вложены в его уста евангелистом или он действительно их произнес) наливаются ярким смыслом. Все вторично по сравнению с Богом. Конечно, имеются в виду не наши фантазии о Боге, а реальный Бог – То Самое Высокое, что есть в нашей душе. И любые наши привязанности, если они только мешают главному делу нашей жизни – нашему духовному развитию, нашему Пути к Богу, становятся нашими врагами. А к кому привязан человек больше всего? Конечно, к своим родным.

Это правило универсально: неважно что мы любим – вино,

карты, профессию, родных, Родину, церковь, религию – все, что мешает нам любить реального Бога, Бога в нашей душе, работать для Бога (то есть жить по Совести) и стремиться к Богу (духовно расти), все это оказывается нашим врагом. Как только что-то в нашей жизни из инструмента духовного роста превращается в самодостаточную ценность, это что-то перестает быть нашим другом и становится врагом.

39. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

Еще одно центральное место во всем христианстве (только, конечно, и здесь нужно заменить «Меня» на «Бога»). «Сберегший душу» – тот, кто отказался от духовного развития, от изменения, кто решил «сохранить себя» и тем самым превратил себе в «духовный труп». Именно поэтому, делая душу неизменной и неспособной к развитию, человек свою душу убивает. Душа может жить только развиваясь, только когда она все время растет, становится Выше и Выше, все время приближается к Богу. Но в этом росте она все время «самоуничтожается», то есть «теряется». А «теряясь» – сохраняется, сберегается.

В популярном понимании эти слова обрели другой смысл: умри за религию, и попадешь в рай. Интересно, что и этот смысл иногда был верным – когда смерть за религию была требованием Совести, или требованием Бога. Но во многих случаях такая смерть была требованием вовсе не Бога (Совести), а требованием фанатизма, фанатичной глупости. Истории известны и такие примеры. Нашлись впрочем и такие христиане, которые помогали другим «сберегать их души», отправляя их на костер. История знала разных христиан.

40. Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня;

Больше всего это похоже на позднейшую вставку. Во всяком случае, в целом голос Иисуса здесь узнается мало.

41-42. кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей.

Здесь важно то, что, «принимая» пророка и праведника, то есть принимая их слова в свое сердце, человек и сам становится пророком и праведником. Устанавливая любовную связь своей души с душой более высокой, мы делаемся выше и сами. В этом и состоит наша награда. А даже такое малое дело, как напоить водой, является актом любви, который поднимает душу любящего.

Естественно, и здесь, как и во всех остальных подобных местах, профан видит только «ты мне – я тебе».

Глава 11

1-6. И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедывать в городах их. Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне.

В чем заключается соблазн? В том чтобы признать Иисуса мессией? Что хочет сказать Иисус? Что он не мессия, а человек? На самом деле, здесь просто ошибка перевода: μακάριός ἐστιν ὁς ἐὰν μὴ σκανδαλισθῆ ἐν ἐμοί в оригинале значит просто «блажен понимающий меня (кто правильно меня понимает)».

7-11. Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы?

пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его.

Здесь задана дистанция: между величайшим из рожденных людьми и нижней границей духовного развития душ Царства Небесного. Это тот путь, который нам предстоит пройти.

12. От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его,

Еще одно важнейшее место евангелий. В отличие от расхожего мнения современных христиан, что им ничего делать не надо – только верить, и за это Иисус Христос их спасет, так как самим им спастись невозможно (некоторые любят подкреплять это свое мнение цитатой из 19-й главы «человекам это [спастись] невозможно»), здесь ясно звучит мысль, что Спасение (Царство) должно быть «взято силой», работой самого человека. Какой работой? Об этом Иисус говорит постоянно.

13-15. ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти. Кто имеет уши слышать, да слышит!

Это место очень не любят христианские противники теорий реинкарнации. И у их нелюбви понятная причина: реинкарнация разрушает всю принятую теологию. И неважно, что только она делает христианство осмысленным – стерегущие традицию люди церкви яростно отвергают эту теорию, идя порой просто на немислимые хитросплетения ума. Но в евангелиях сохранилось несколько мест, когда Иисус говорит о реинкарнации, как о чем-то совершенно общеизвестном. Это одно из них. Впрочем, окончание стиха в контексте этой темы звучит уже совсем иронично: «кто имеет уши». Ну, а кто не имеет?..

16-19. Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее.

Здесь то очень редкое место, где мелькает черточка характера Иисуса, в которой читается биографическое правдоподобие: «человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам». Впрочем, она мало-что (если что-то вообще) добавляет к его учению. Сравнение же с детьми очень емко. Мы, правда, немного подросли за 2000 лет, но все равно остаемся детьми.

Последняя фраза переведена неточно. «Оправдана» не точный перевод греческого εδικαιωθη. Точнее (хотя и менее литературно) «доказывается». Не «премудрость», а «мудрость» (в оригинале – σοφία) – значения этих слов в русском языке не одинаковы. В греческих манускриптах существует два варианта того, что переведено на русский, как «чада» - ἔργων (делами, деяниями, творениями) и τέκνων (детьми). Отсюда ясно, что смысл этой фразы в том, что мы убеждаемся в мудрости чего-то по тем следствиям, к которым она приводит. По сути это то же «По плодам узнаете их».

20-24. Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покались: горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покались, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.

Эти стихи интересны, пожалуй только тем, что они ярко демонстрируют образный строй речи Иисуса. Иисус вольно

оперирует такими понятиями, как «ад» и «день суда», показывая нам, что его слова не надо трактовать буквально, как стремились позднейшие богословы и стремятся сегодня некоторые «критики» христианства.

25-26. В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение.

Еще одно очень (!) важное место, актуальное и сегодня. Учение Иисуса и две тысячи лет назад, и сегодня не выдерживает критики хорошо образованных интеллектуалов (хотя само содержание их образования за эти тысячелетия и изменилось сильно) просто потому, что его содержание находится за пределами их способности к пониманию. Оно не укладывается в обычную логику. И тогда, и сегодня его понимание требует сверх-ума, мудрости и потому в центральных своих частях понимание остается уделом единиц. Но вместе с тем, хотя и очень неполно (а часто и искаженно-фантастично) учение Иисуса доступно людям с куда менее развитым интеллектом, но зато с обостренной интуицией, с чутьем на истину. Умом они, правда, почти ничего в учение Иисуса не *понимают*. Но они ясно *чувствуют* истинность этого непонятого и стараются облечь ее в какие-то формы, часто совершенно фантастичные, но, тем не менее, сохраняющие зерна истины. Увы – и сегодня христианство по большей части остается уделом «младенцев». Мало кому из «взрослых» удастся подняться над своей «взрослостью» – подняться от ума к мудрости.

27. Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть.

И еще одно очень важное место. В популярном христианстве оно обычно служит для обоснования исключительности христианства как единственно верной среди всех религий. На самом деле, смысл здесь гораздо глубже. Осознав свою

Божественность (свою Божественную природу) Иисус познал и весь мир. Никто из обычных людей не знает об этой Божественной природе человека, то есть о нашем Сыновстве. Она, эта Природы познаваема только оБоженными людьми, то есть людьми соединившимися с Отцом. В этом смысле, о Сыновстве человека знает только Отец. Но и Отца знает только тот, кто узнал о своем Сыновстве (только Сын). И наконец, заключение – один человек, сумевший узнать о своем Сыновстве, то есть о своей Божественности, может открыть это другому человеку, то есть помочь другому человеку подняться к осознанию своей Божественности.

28-30. Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Эти стихи просто продолжают предыдущую мысль: я здесь, учитесь у меня – как узнать Отца, как Спастись, как обрести Покой. (Конечно, имеется в виду Покой, близкий по смыслу к Нирване, а как промежуточный этап – подъем над треволнениями мира.)

Глава 12

1-13. В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть. Фарисеи, увидев это, сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу. Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам? Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма; если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных, ибо Сын Человеческий есть господин и субботы. И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса,

чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы? Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак можно в субботы делать добро. Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая

В чем смысл этой странной заповеди «Помни день субботний»? Почему этот день нужно помнить? Как и всегда в Библии, смыслов здесь несколько. Первый и самый поверхностный – просто гигиенический – в работе нужно устраивать периодические перерывы на отдых. И перерывы эти должны быть (с учетом производительности труда древних, определяющей время, необходимое для «расширенного поддержания» их жизни) один день отдыха на шесть рабочих. Второй смысл, более глубокий, в том, чтобы периодически в его повседневных мыслях и заботах напоминать человеку о Боге, о Высшем в его жизни, не давать «потонуть в суете». Но есть и еще более глубокий смысл: не раскрывая его значения, просто все время держать перед глазами человека символ завершения мира, цели мирового творения, того, что под другим именем известно верующим, как «Конец Света». Это и есть «суббота», седьмой день творения, о котором сказано в Библии: *И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.* (Бытие 2:2-3). Но конечно, этот седьмой день еще не наступил. Помнить о нем, о той цели творения, к которой все мы должны прийти подобно блудному сыну, очень важно. Эта память дает нам понимание смысла нашей жизни. Именно этим и определяется то, почему заповедь о субботе помещена среди первых.

Но, как и любая заповедь, она нужна до поры до времени. Когда человек и так помнит постоянно о Боге и о своем Пути к Богу, эта заповедь становится для него излишней, он перерастает ее. Именно в этом смысл слов Иисуса, что Сын Человеческий, то есть человек на высоких ступенях своего духовного развития, господин субботы. Отсюда же и понятно, почему «суббота для человека, а не человек для субботы».

Напомянуть надо забывчивым. Помнящим напоминать незачем. Пока маленький человек не встал твердо на ноги, ему нужны помочи, умеющему же ходить они не к чему.

14-21. Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился оттуда. И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех и запретил им объявлять о Нем, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы.

В очередной раз евангелист не упускает случая подкрепить свой рассказ ветхозаветными пророчествами (Исаия 42:1-4).

22-29. Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав [сие], сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула, князя бесовского. Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его? И если Я [силою] веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею [силою] изгоняют? Посему они будут вам судьями. Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие. Или, как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его.

Смысл возражения Иисуса фарисеям в том, что бесовской силой изгонять бесов нельзя. Психологический смысл этого закона прост. Бесы – это явления нашей нижней психики, всякого рода «плохие» чувства, мысли, ощущения – грубо

говоря, всякий психический мусор. Избавляясь от этого мусора, человек не остается «пустым» – на место «плохих» психических вещей приходят «хорошие»: глупые мысли заменяются умными, низкие желания и чувства – высокими (конечно, речь идет об относительно высоком и относительно низком: бесы одного – ангелы для другого). Эта замена не имеет уже бесовской природы, это вещи из более высокого, над-бесовского мира. Бесовский мир не может прислать эти вещи. Поэтому бесы не могут изгонять бесов – возможна только замена одного беса другим. Это мы наблюдаем часто. Грубо говоря, карлик не может вытереть пыль на высоком комодe.

30. Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает.

Эта фраза тоже понимается по-разному. Очень часто – как обоснование атак на представителей других религий. Но ее смысл, конечно, другой. «Не со мной» (и «не собирает со мной») значит «не идет к Богу, не занимается духовной работой, сознательным духовным ростом (не собирает свою Высшую Душу)». А «против меня» (и «расточает») значит, что человек расточает данное ему для духовного роста время своей жизни, и, не растя, не двигаясь Вверх, к Богу, тем самым движется в противоположном направлении – направлении духовного застоя, спячки.

31-32. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем.

Еще одно знаменитое место. Почему же так тяжела хула на Духа? И что это такое, хула на Духа Святого? А самое важное – что значит «простится»? Но, прежде всего, что такое сам Святой Дух?

Стоп! Как ответить на последний вопрос, когда любой ответ на него (любой!) и будет как раз этой самой хулой. Почему? Потому что любые наши слова об Этом не могут передать и

толики Правды о Нем. Потому что это несоизмеримо со словами, несравнимо Выше всяких слов. Мы, некоторые из нас способны узнать о Святом Духе, найдя отсвет Его искры в своей душе. Но те, кому посчастливилось сделать это, отчетливо понимают, что слова здесь ничего передать не могут. Словами мы можем передать лишь подобие подобия подобия Этого Света. Именно поэтому любые наши слова здесь только умаляют Того, о Ком мы пытаемся сказать, и потому есть хула.

Ну, хорошо, а что значит «простится»?

Для обычного верующего здесь никаких вопросов нет: произнесенное в адрес Святого Духа ругательство губит человеческую душу навсегда. Но, конечно, этого не может быть: в отличие от общепринятых среди христиан мнений – души навсегда не гибнут. Пройдя тот или иной Путь (очень долгий, трудный и извилистый) все души возвращаются к своему творцу, натворив по дороге множество безобразий и глупостей. Вечного ада нет. Но чистилище есть, и мы все в нем находимся.

Пребывание в этом чистилище и есть наше наказание. Но наказание это мы даем сами себе, когда не желаем (или не можем) подняться из него Наверх, к Свету. Когда же нам удастся подняться, то мы избавляем себя от наказания и тем самым «получаем прощение». Все происходит вовсе не так, как принято думать в среде верующих: большой человек, бог, решает по своему хотению простить ли ему, богу маленького человека или же не прощать, а наказывать. Мы сами свои палачи и свои же жертвы.

Хула же на Духа – это не только плохая фраза, героем которой является одно из лиц Троицы – Святой Дух. (Как я сказал, любая такая фраза, даже восторженная, все равно не очень хороша, да, что там не хороша – просто плоха.) Хула на Духа – это совсем иное. Это наше поведение, когда мы игнорируем веления Духа в своей душе, а следуем в своем внутреннем или внешнем поведении иным импульсам: своим сеюминутным желаниям, настроениям, внушенным нам кем-то, идеям и т.д. Тогда не наши слова, а сами мы становимся «хулой на Духа» в том смысле, что одухотворенное Святым Духом существо ведет себя совсем не Свято. Мы становимся карикатурой на Святыню – одну из тех, над которыми умеют

так едко смеяться атеисты и антиклерикалы: «Посмотрите на этого человека. И это подобье Бога! Не смешите меня!».

Такая хула наказывается немедленно – нашей же скотской жизнью и скотскими состояниями нашей души. И так будет происходить всегда. Пока мы не научимся жить по-Божески, воплощая живущий в нас и оживляющий нас Дух не карикатурно, не искаженно, чтобы всем людям был виден Дух в нас, наше Богоподобие. Вот это и будет наше прощение.

33-37. Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду. Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое. Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься.

Не только глаза – зеркало души. И слова – тоже ее зеркало. В наших словах отражается наша душа и ее светлые, и ее темные стороны.

«День суда». Популярное понимание здесь – это посмертный суд, определяющий посмертную судьбу души, своего рода взвешивание души с целью определить, достаточно ли она хороша для рая. Это верование отражает часть реальности, но, конечно, далеко не всю. Дня суда не нужно дожидаться после смерти; день суда – это каждый день и каждая секунда нашей жизни: каждый момент душа проводит в том месте, которое соответствует ее состоянию: в светлом и теплом мире любви или в горящем холодным огнем мире ненависти, сияющем мире мудрости или в темном мире невежественных фантазий и т.д.

38-42. Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три

ночи. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь большие Ионы. Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь большие Соломона.

В этих стихах нужно прежде всего «почистить» перевод. «Прелюбодейный» (μοιχαλῆς) здесь в смысле «изменяющий», то есть изменяющий Богу. «Лукавый» означает, что изменщики выдумывают всякого рода хитрости, чтобы прикрыть свою измену и придать ей вид верности. Одной из таких хитростей является требование от Иисуса доказательств того, верность чего они и так должны понимать и на самом деле понимают в своем сердце, делая при этом вид, что не понимают. Далее Иисус призывает в свидетели двух персонажей Ветхого Завета: народ Ниневии, который прислушался к проповеди Ионы и тем самым спасся, и царицу Савскую, которая проделала долгий путь от южной оконечности Аравийского полуострова до Палестины, чтобы только послушать мудрого Соломона. «Восстанет на суд и осудит» (два одинаковых перевода текстуально разных выражений оригинала ἀναστήσονται ἐν τῇ κρίσει μετὰ τῆς γενεᾶς ταύτης καὶ κατακρινοῦσιν αὐτήν· (стих 41 про мужей Ниневии) и ἐγερθήσεται ἐν τῇ κρίσει μετὰ τῆς γενεᾶς ταύτης καὶ κατακρίνει αὐτήν· (стих 42 про царицу Савскую), в самом деле имеющих один и тот же смысл) означает здесь свидетельствуют против этого рода, обвиняют, избличают сей род.

То есть смысл всего отрывка в том, что нужно не искать внешних доказательств истинности того, что должно быть понято сердцем, а уметь сердцем же отличать истинного пророка от ложного, как это делали ниневитяне и царица Савская, умевшие узнать пророков, менее великих чем Иисус.

43-45. Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит [его] незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и

бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом.

Еще одно очень важное место. Об этом я уже говорил, обсуждая возможность изгнания бесов бесами. «Свято место пусто не бывает». Если на место изгнанного беса (то есть низкого чувства или глупой мысли) не приходит нечто более высокое (высокое чувство, умная мысль), то свободное место заполняется другими еще худшими бесами. Кто не поднимается по лестнице духовного роста, увязает в болоте нижней психики все глубже и глубже. И подниматься Наверх ему становится все сложнее. То же (естественно) происходит и с группами людей, которые останавливаются в своем росте и не помогают друг другу расти. Они тоже погружаются в болото нижней психики (низких чувств, глупых фантазий и т.п.).

Это та самая опасность, серьезность которой трудно переоценить в сегодняшней России. Здесь Иисусово «так и будет с этим злым родом» имеет самое прямое отношение к нам, русским.

46-50. Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне [дома], желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь.

Загадка для тех, кто почитает Богородицу. Но, на самом деле, здесь никакой загадки нет. Как и в абсолютном большинстве других «биографических» отрывков, здесь не нужно искать фактологической точности. Значение всех этих эпизодов символическое. Духовное родство важнее биологического. А определяется это духовное родство уровнем развития сознания: те, кто открыли Бога в себе, осознали собственное Сыновство, становятся родственниками, куда более близкими, чем родственники связанные кровными узами. Связь между ними становится куда более крепкой, чем кровные связи. В этом

смысле, «братья во Христе» имеет смысл отнюдь не только метафорический.

Глава 13

1-8. Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало на терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Притчи Иисуса. Какие-то из них у евангелиста Иисус разъясняет сам. Какие-то евангелист оставляет для самостоятельного понимания читателей. Притча о сеятеле разъясняется далее (стихи 18-23).

9-13. Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют;

Важнейший вопрос тогда и сегодня – кому и как рассказывать о Реальном Мире и месте человека в нем. Почему тем, кому не дано понять, нужно рассказывать притчами? Потому что для них знание о Реальности недостижимо. Оно выше их понимания – так первоклассник не может понять теоретическую физику: ему нужно много-что узнать, прежде чем он научится ее понимать. А притча, хотя и не дает понимания (его неподготовленному человеку НИЧТО и НИКТО дать не может), дает хотя бы образ реальности – своего рода

«шифровку», которая сохраняется в памяти и которая со временем, когда человек обретет необходимые знания, может быть «расшифрована». Вся Библия полна таких «шифровок» и сама является одной большой «шифровкой». «Шифровкой», притчей является и вся история Иисуса. В ней могут быть те или иные элементы реальности, но мы не можем выделить их из общей притчевой ткани евангелий. Впрочем, нам это и не нужно – не к чему, разве что помогло бы нам удовлетворить свое любопытство.

Другая важнейшая тема христианской тематики – «не слышат и не понимают». Мы понимаем это очень плохо, но 2000 лет люди ПОЧТИ не слышат и не понимают Иисуса. Точнее, слышат и понимают каждый свою кроху огромного Учения. Так появлялись в истории совершенно разные, непохожие друг на друга христианства. Православие и католичество – только один пример такого несходства, но, на самом деле, даже разных православий можно насчитать несколько. И даже русских православий в истории было больше, чем одно: никониане и староверы – только один пример различий такого рода. Именно поэтому тому, кто может, очень важно понять, что христианство – это живой организм, постоянно дающий новые побеги, и так же, как многие христианства уже были, многие еще появятся. И их тоже будут гнать как «еретические», «раскольнические», «сектантские» до тех пор, пока не умрет последний христианин, считающий в своей ограниченности себя обладателем знания Всей Правды Христовой.

14-15. и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите–и не уразумеете, и глазами смотреть будете–и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их.

Евангелист не забывает о том, кто его читатели, и в очередной раз добавляет понятный им аргумент – цитату из Исаии (6:9-10).

16-17. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Да, это так. Праведники и даже пророки могли (да и сегодняшние могут) догадываться и даже знать о существовании Большого Знания, но, тем не менее, не иметь прямого доступа к Нему. Свет этой Звезды виден отчетливо с нижних (хотя и не самых нижних) ступеней лестницы духовного роста, но, чтобы подняться к нему, порой нужно пройти очень долгий Путь.

18-19. Вы же выслушайте [значение] притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его—вот кого означает посеянное при дороге.

И к таким разъяснениям нужны свои разъяснения. «Лукавый похищает посеянное» – услышанные слова просто остаются непонятыми, и потому – пустыми словами. Впрочем – не всегда пустыми: нередко из них вырастают фантастические картины, ничего общего с реальностью не имеющие. Именно так лукавый похищает посеянное: преобразуя зерна правды в колосья фантазий.

20-21 А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется.

«Не имеет в себе корня» и «соблазняется» – что это значит? Прежде всего, это не очень удачный перевод. Более адекватный по смыслу был бы примерно таким: «...но посеянное слово не может пустить корни, и потому не живет долго; гонения легко губят его – человек отказывается от данного ему знания». Объясню сказанное подробнее. «не имеет корня» относится к посеянному зерну-слову. Слово-зерно воспринимается поверхностно и не укореняется в системе представлений

человека. Происходит это тогда, когда новое представление (слово) мало связано с другими представлениями, а главное – с опытом человека. В этом случае устанавливаемые между новым представлением (знанием) и всей системой знаний-опыта (психологи называют это «образом мира») отношения оказываются малочисленными и слабыми, а новое представление – неустойчивым: человек легко отказывается от таких представлений под влиянием внешних обстоятельств.

22. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно.

Другой случай бесплодия, когда представление живет в системе представлений человека, но не обладает мотивирующей силой – не превращается в побудительный мотив, в дела из-за того, что вся энергия человека уходит на другие, «мирские» занятия. Такой оказывается судьба слов, посеянных в большинстве христианских душ, во всяком случае, современных: слова живут сами по себе, но не становятся делами и мало меняют человека, знающего эти слова.

23. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать.

О каком плоде идет речь? О двух видах плодов. Наиболее заметен из них внешний. Человек разумеющий начинает ВОПЛОЩАТЬ слово в своих делах и, воплощая его, дает другим людям плоды слова: так слово как бы распространяет себя, разрастается по людским душам. Менее заметный, но не менее важный плод приносит посеянное слово в самой душе, в которой оно посеяно: «маленькое знание» в результате внутренней работы «разумения» меняет другие представления человека о мире и себе и, в конце концов, может изменить всю систему представлений человека.

24-30. Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдём, выберем их? Но он сказал: нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою.

Как и всюду, где идет речь об огне, в наивных представлениях эти слова воспринимаются, как угроза плохим людям адом после Страшного суда. И, казалось бы, сам Иисус здесь же, в этой главе, в стихах 37-43, дает именно такую трактовку. Но чуть позднее, комментируя стихи 37-43, я покажу, что это не так.

31-32. Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

Идея Царства Небесного выражается всего в нескольких словах. И, казалось бы, это очень маленькая идея, которая теряется во множестве всего разнообразия идей, представлений, знаний, цитат, которыми набита память человека. Но эта «очень маленькая» идея таит в себе огромный потенциал, который, будучи реализованным, может преобразить весь мир.

Это очень важно понимать и в современной России, в которой горчичное зерно идеи Царства Небесного теряется в горах других идей. Но не смотря на всю свою малость, это зерно обладает таким потенциалом, что способно перевернуть весь наш мир и поставить его с головы на ноги.

33. Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё.

И это очень современная притча. Идея Царства Небесного на земле, соединившись с другими идеями, управляющими нашей жизнью, меняет, преобразует их – облагораживает и наполняет силой. Опять-таки, возвращаясь к современным российским реалиям, эта идея способна оживить буквально весь состав сегодняшней российской культурной и идеологической жизни. Идеи либералов, националистов, православных, коммунистов – в общем, все наши идеи, которые сами по себе часто кажутся бесплодными, если не дикими, в свете, нет – в Свете идеи Царства Небесного наливаются силой и излечиваются от горечи своих уродств. Тесто вскидает.

34-35. Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира.

Еще одна ссылка на авторитет Ветхого Завета (Псалом 78:2). Здесь и цитата из псалма (:םך. ףִּי מִן־מַצֵּה עֶרְבָּיִם дословно «раскрою древнее темное») в переводе на греческий (ἀνοίξω ἐν παραβολαῖς τὸ στόμα μου ἐρεύξομαι κεκρυμμένα ἀπὸ καταβολῆς, дословно «я открою мой рот в притчах, я раскрою вещи, сокрытые с основания мира») не полностью точна, и русские переводы как евангельского стиха с греческого, так и псалма с древнееврейского (в синодальном переводе «открою уста мои в притче и произнесу гадания из древности») не точны. Смысл этих стихов – в притчах расскажу об издавна скрытых тайнах.

36-43. Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. И, приступив к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы–сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как

собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!

Вернемся к притче о плевелах. Обратим внимание на последние слова – «имеющий уши, да слышит». Эти-то слова и показывают, что объяснение Иисуса само есть притча. Иисус как бы подразнивает учеников: дескать, поймите-ка меня. При прямом объяснении в таком «подразнивании» не было бы необходимости. Но прямого объяснения Иисус не дает. Он разъясняет притчу притчей, снова приспособляясь к уровню понимания своих слушателей. Только если первая притча адресована всем людям, включая и тех, кто совсем не способен к пониманию, то вторая – более понятливым, ученикам Иисуса, более узкой группе, состоящей из людей, наделенных большим «религиозным темпераментом» и большей силой воображения. Но и вторая притча – это притча (хотя она и приспособлена к более высокому пониманию).

О чем же нам говорят и сама притча и притча-комментарий? Конечно, речь идет не о плохих людях, а о плохих сторонах души. Это и есть плевела, посеянные дьяволом, – его сыны, а наши бесы: наши глупости, наши мелкие чувства, наши алчные желания. Посеяны они, конечно, и в мире тоже, но, прежде всего, они посеяны в каждой душе. Так что «мир» – это душа. (Замечу, что *κόσμος* в оригинале это не только «мир», но и «люди».) «Кончина века» – это не конец мира, а конец века человека, конец (итог развития) его души, когда человек заканчивает выполнение своей земной задачи и, преобразив свою душу, сжигает все свои плевелы (соблазны) и весь превращается в Свет: становится сияющим праведником в Царстве Отца.

44-46. Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин,

который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее.

Эта притча начинает разговор уже о путях обретения Царства. Главная мысль здесь – за Царство нужно отдать все, что имеешь. Поверхностный смысл этого требования – нужно отдать все свое имущество. Смысл же более глубокий состоит в том, что так дешево Царство не купить – отдать нужно не только имущество, но и всю свою душу, все, что есть в душе. Об этом разговор не раз будет продолжен и в последующем. Что такое эти «хорошие жемчужины», которые надо продать, чтобы купить Царство? Как их приобретают? И как их продают?

47-50. Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.

По сути дела, эта притча просто повторяет притчу о плевелах.

51-52. И спросил их Иисус: поняли ли вы всё это? Они говорят Ему: так, Господи! Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое.

«Выносит» здесь не очень удачный перевод греческого εκβαλλει. Удачней – «извлекает, достает» (одно из значений синонима εκβαλλω, βγαζω – «расшифровывать, разгадывать»). Так что здесь говорится не столько о выбрасывании старых и новых сокровищ книжников, сколько об извлечении смысла из этих сокровищ. На самом деле, Знание о Царстве дает книжникам ключ к их сокровищнице. Это **ОЧЕНЬ** важный момент, потому что вся Библия наполнена скрытыми смыслами, доступ к которым человек (и человечество в целом) получает только достигнув определенного духовного уровня. До этого

момента сокровищница остается закрытой, а точнее полуоткрытой. В этом главное историческое значение учения Иисуса – оно позволяет заглянуть в Сокровищницу глубже. И даже не просто глубже, а все глубже и глубже по мере того, как мы поднимаемся по лестнице духовного роста.

53-58. И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда. И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него всё это? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. И не совершил там многих чудес по неверию их.

«Соблазнялись» здесь менее удачно, чем «сомневались» для перевода греческого εσκανδαλιζοντο.

Здесь три интересных момента. Первый – данные о родственниках Иисуса. Возможно, они отражают часть реальности. Мы видим простую многодетную семью, в которой Иисус – один из детей, вполне «законно» рожденный. Горькая ирония Иисуса тоже оставляет привкус биографической достоверности.

Второй – знаменитое замечание про пророка. Действительно, для людей психологически очень трудно признать знакомого, а тем более, близкого знакомого Выше себя. В этом проявляется наша духовная слепота. Мы охотно верим авторитетам – тем, кто признается Высоким в общественном мнении. Это делает нас очень удобным предметом для манипулирования. Но у замечания о пророке есть и другая сторона: правда пробивает себе дорогу всегда, хотя очень нечасто это происходит быстро: человеческий материал не очень податлив, и даже мощным идеям нужно время, чтобы напитать его.

И наконец, третье: еще одно упоминание о связи чудес и веры. Скептики интерпретируют эту связь, как то, что существование чудес просто внушено себе верующими людьми. И это, в самом деле, иногда так и есть. Но этим связь чудес и веры не ограничивается: иногда вера (конечно, не любая, а вера

особого качества) позволяет творить чудеса. Но о ней, о такой Вере мы поговорим позже.

Глава 14

Четыре истории составляют эту скорее «беллетристическую», чем «дидактическую» главу евангелия от Матфея.

1-12. В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им. Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка. Во время же [празднования] дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей. Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли его; и пошли, возвестили Иисусу.

Речь идет об одном из сыновей Ирода Великого (якобы приказавшего «избить младенцев») – Ироде Антипе, правителе четвертой части (тетрархе, четвертовластнике) царства отца, а именно Галилеи и Переи. Иродиада была, правда, женой не Филиппа, а другого брата Антипы – тоже Ирода. Но все эти подробности не имеют для нас большого значения.

13-21. И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком. И, выйдя, Иисус увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их. Когда же настал вечер, приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь

пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи. Но Иисус сказал им: не нужно им идти, вы дайте им есть. Они же говорят Ему: у нас здесь только пять хлебов и две рыбы. Он сказал: принесите их Мне сюда. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей.

В этой главе евангелист как бы пытается доказать своим оппонентам, что Иисус был не просто целителем, но настоящим чудотворцем. В следующей истории, это стремление заметно особенно явно.

22-31. И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?

Наиболее интересный момент здесь заключается в том, что неудача Петра связана с его сомнениями, недостатком веры. С избытком веры же связывает евангелист (да и сам Иисус) способность творить чудеса. Но какой веры? Вот главный вопрос здесь.

32-36. И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий. И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую. Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных, и просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись.

Продолжение доказательств божественности Иисуса: исцеляет даже не он сам, а его одежда.

Глава 15

1-9. Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои преступают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб. Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим.

Здесь нужно пояснить. Едва ли не весь ритуал иудаизма основан на жертвоприношениях. И согласно еврейской традиции то, что человек обещает принести в жертву богу, произнося слово קָרְבָּן (корбан), не может быть использовано никаким другим образом. Но обещание такой жервы не обязательно должно быть исполнено моментально, возможны были и задержки, причем, весьма продолжительные. Таким образом, открывалась возможность уклоняться от исполнения своих обязательств под предлогом отсутствия средств, когда человек необходимыми средствами обладал, но обещал их принести в жертву Богу: грубо говоря, я тебе должен три рубля,

но я их не отдам, потому что я обещал их Богу. В частности, так можно было уклоняться и от помощи родителям.

Однако спор Иисуса с книжниками и фарисеями здесь куда более масштабен. Это спор о том, где и как искать Волю Бога. Иисус отменяет попытки подмены воли Бога религиозной традицией («преданием» в синодальном переводе, хотя «традицией» гораздо точнее переводит греческое *παράδοσις*), так как такие традиции очень часто – просто результат стремления приспособить Писание под себя, сделать Писание удобным в том или ином смысле. В этом смысле слова Иисуса крайне актуальны для православных церквей, в чьей жизни роль традиций («церковного предания») просто-таки огромна.

Но «за кадром» этого спора остается другой важнейший вопрос: если не в традиции, то где искать волю Бога. На первый взгляд, кажется, что Иисус призывает следовать букве Писания, но это только первое и очень поверхностное впечатление. Ведь именно с этой позиции критиковали фарисеев саддукеи-книжники: не нужно ничего придумывать, а нужно буквально исполнять написанное. Иисус же критикует и тех, и других, так что очевидно, что призывает он не к буквализму. А к чему?

Ответ – здесь же, в вольном цитировании слов Исаяи (29:13): не языком нужно чтить Бога, оставаясь сердцем от Бога далеким, а сердцем нужно чтить Бога, то есть сердцем нужно прилепляться к Богу и в своем сердце находить Божью Волю. Вот о чем идет разговор: не вольная интерпретация и не буквальное понимание текста, а поиск настоящего, глубинного смысла Божьих слов – смысла, который может быть открыт только в своем собственном сердце, в собственной душе, если душа достаточно высока для такого открытия и сердце приближено к Богу.

10-20. И, призвав народ, сказал им: слушайте и разумейте! не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека. Тогда ученики Его, приступив, сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились? Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму. Петр же, отвечая,

сказал Ему: изъясни нам притчу сию. Иисус сказал: неужели и вы еще не разумеете? еще ли не понимаете, что всё, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? а исходящее из уст— из сердца исходит—сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления— это оскверняет человека; а есть неумытыми руками — не оскверняет человека.

Это очень важный урок повторяет сказанное ранее вскользь: слова, в которых отражается состояние души человека, – вот что оскверняет (а точнее, свидетельствует о скверне человека). Можно по-разному относиться к тем или иным предписаниям религии: выполнять их скурпулезно или игнорировать. Ни то, ни другое не гарантирует того, ради чего существуют религии, - духовного роста. И формальное выполнение тех или иных предписаний (как мытье рук в данном случае) часто не только не помогает духовному росту, а тормозит его. Это очень актуально для современных людей церкви: *чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим.*

Но еще важнее для нас сегодня другой урок Иисуса. Люди всегда (и сегодня не меньше, чем всегда) были ловки придумывать всякого рода отговорки для оправдания своего отказа от соблюдения неудобных для них заповедей – точно, как обличаемые в этом отрывке Иисусом фарисеи придумывают предлог, чтобы отказаться от помощи родителям. Особенно часто замечены в подобном люди церкви, любящие ссылаться на «церковное предание» для оправдания самых бессмысленных и нелицеприятных дел. Как один из множества примеров, который просто больше запал мне в душу, напомним слова патриарха, что замалчивание правды не есть ложь (не пустая фраза, а просто-таки церковное кредо в отношении к делам светско-политическим). И поэтому так грозно звучит иисусово *слепые вожжи слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.*

«Соблазнились» (εσκανδαλίσθησαν) здесь «обиделись».

21-28. И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест,

кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час.

Я уже говорил, почему только к погибшим овцам дома Израилева. Только они одни в мире, полном язычников, были способны услышать проповедь Иисуса. Конечно, не все, конечно, только немногие. Но для язычников эта проповедь была недоступна. Понадобилось несколько поколений первых христиан, чтобы проповедь Иисуса была адаптирована под понимание людей, вскормленных только эллинской культурой, далекой от философии монотеизма даже в высших взлетах своей философии. «Погибших» же – потому что современный Иисусу иудаизм переживал очередной кризис и в очередной раз оказывалось, что уже несколько раз ремонтируемая религия опять-таки не делает своего главного дела – не ведет к Богу. Оттого-то так напряженно наиболее чуткие современники Иисуса ждали Мессию.

Поэтому же «дети» и «псы». Не потому что одни были лучше, а другие хуже по своей природе. Просто одних история подвела ближе к Богу и из их среды могли появиться те, кто сделают следующий шаг, а другие отставали в своем развитии и не были способны дать Иисусу учеников, которые понесут его учение дальше. Первоначальный отказ Иисуса женщине здесь сродни отказу учителя дать первокласснику учебник тригонометрии, которые он раздавал семиклассникам. Но стоило женщине продемонстрировать свою веру, как все меняется. И уже даже не столько сам Иисус, сколько вера женщины исцеляет ее дочь. Конечно, это, скорее всего, притча, у которой могло и не быть никакого реального события-прототипа. Но от этого ее «информативность» для нас не

становится меньше.

29-39. Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева. Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге. И говорят Ему ученики Его: откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа? Говорит им Иисус: сколько у вас хлебов? Они же сказали: семь, и немного рыбок. Тогда велел народу возлечь на землю. И, взяв семь хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал ученикам Своим, а ученики народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных, а евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей. И, отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские.

Это просто повторение точно такой же истории, рассказанной в предыдущей главе. Евангелист не боится подобных повторов. И он, конечно же, прав: он создает целую ауру евангельских чудес, погружаясь в которую, читатель невольно проникается и главными идеями христианского учения. Впрочем, это замечание литературоведческое.

Глава 16

1-4. И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел.

История с требованием знамения повторяется. Только сейчас с единственной разницей, что фарисеи и саддукеи требуют знамение (в оригинале σημεῖον – «знак») с неба.

В ответе Иисуса не вполне удачно разделено «красно» и «багрово». В оригинале это одно слово πυρράζει (огненно-красное), но с добавлением еще одного определения для утра - γὰρ στουγιάζων («мрачный», «нависающий» (русский аналог по отношению к небу)). Смысл ответа в том, что умея тонко различать оттенки неба, фарисеи и саддукеи не могут различать знаки (знамения) времени. О чем говорит Иисус? Что это за «знаки времени»?

Каждое время предъявляет к людям свои требования – требования своих дел, которые люди должны совершить. Это не метафора, а вполне реальные требования, существующие во вполне материальной форме. Правда материя такая - тонкая, неизвестная современной физике. Реальность этих требований проявляется в том, что множество людей их улавливают и воплощают в СОВМЕСТНОЙ работе. Без подобных требований жизнь людей была бы гораздо более хаотичной и гораздо менее организованной. Но, конечно, та степень, в которой люди способны не просто уловить, почувствовать, а «расшифровать», правильно и полно понять требования времени, у разных людей различается очень сильно – от очень смутного чувства у одних людей до развернутого и полного понимания у других. Зависит умение понимать «знаки времени» от уровня духовного развития человека, от его способности настраиваться на «тонкие волны» и «глушить внутренние помехи» – различные голоса в своей душе (привычные мнения, свои и чужие, желания видеть одно и не видеть другое и т.п.), которые иногда «рвут его на части», а иногда просто отвлекают от должного, подталкивая к тем или иным действиям. Умение слышать, различать «знаки времени» делает человека пророком; а неумение, когда оно активно выдается за умение, – «слепым вождем слепых». Именно это обвинение, но сейчас в несколько измененной форме и бросает Иисус фарисеям и саддукеям.

5-12. Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски

фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: [это значит], что хлебов мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали? как не понимаете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского.

Удалось ли христианам от этих учений уберечься? Не очень.

В чем суть этих двух «заквасок». Саддукеи остались в истории как сторонники буквального толкования Моисеева Пятикнижия – закона Моисея. Фарисеи – основоположники талмудического иудаизма – как *интерпретаторы* Закона, способные путем манипулирования словами вывести из его текста все, что им хотелось бы получить. (В этом смысле, фарисеев можно считать и предшественниками юриспруденции.) Иисус предостерегает против обесмысливания Закона, неважно каким путем – путем ли буквалистского понимания его текста, или путем произвольного манипулирования с этим текстом (см. также комментарий к 15:1-10). Призыв Иисуса - не извращать *суть* закона, а выявлять его подлинный смысл.

В дальнейшем же развитии христианства мы видим оба вида извращения Сути: и отказ за буквой видеть смысл (одна из причин, побуждающая меня писать эти комментарии), и стремление приспособить учение Иисуса к своим нуждам и оправдать им свои даже очень неблагоприятные деяния. Впрочем, последнее в христианстве обычно происходит без особых тексто-логических ухищрений фарисеев и их последователей – талмудистов.

13-17. Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр,

отвечая, сказал: Ты—Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах;

Чем Петр заслужил похвалу Иисуса? Тем, что увидел две вещи.

Первое – миссию Иисуса как спасителя человечества, Мессии (по-гречески, Христа). Спасителя, конечно, не в популярном понимании принятия на себя грехов человечества и избавления тем самым человечества от грехов – мечте любого лентяя, чтобы кто-то сделал его, лентяя работу за него. Спасителя в смысле прокладывателя Пути к Спасению, Пути, которым за ним могут последовать другие люди.

Второе, что увидел Петр, – это божественность Сыновство Иисуса, что сын человеческий – это и Сын Божий. Конечно, опять-таки не в популярном понимании непорочного зачатия и бессмысленных «биологических» отношений Иисуса с Богом, а в смысле того, что в душе Иисуса явно присутствует Божественность. Правда, здесь, как и в других местах евангелиев, «за кадром» остается рукотворность этой Божественности, Ее сделанность руками самого Иисуса. Но это и понятно – подобная «рукотворность» абсолютному большинству современников Иисуса понятна быть не могла. Она и сегодня может быть понята далеко не всеми.

18-19. и Я говорю тебе: ты—Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

Здесь уместно вспомнить, что среди задач евангелиста (или его позднейших редакторов-переписчиков – что еще более вероятно) было и укрепление авторитета церкви. Таких посвященных церкви фрагментов в евангелиях немного, и это один из них. Так как возможности, которыми наделяет Петра здесь Иисус, явно избыточно-фантастичны, то и попытки поиска в данных стихах какого-то иного смысла (кроме

превознесения церкви) не имеют никакого смысла.

20. Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.

Почему (если такой запрет, в самом деле, был)? Очевидно, чтобы иметь возможность доделать свою Работу, не провоцируя ни врагов на ускоренную расправу, ни сторонников – на народные волнения.

21. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Знал ли Иисус свою судьбу? Вне всяких сомнений. Человек такого духовного уровня, который демонстрируют слова Иисуса, может исполнять свою миссию только с полным осознанием.

22-23. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

Очень интересный момент! Из него видны отличия между Иисусом, с одной стороны, и евангелистом, а также Петром, каким его изображает евангелист, с другой.

У евангелиста Петр, которому только что была дана огромная власть, пытается спорить с Иисусом, а по сути - с Божественным промыслом. Владельцы ключей от Царства так не делают. Евангелиста же это нимало не смущает. Он не понимает, что ТАКОМУ Петру Иисус не мог сказать те слова, о которых пишет евангелист (стихи 18,19).

Но еще интереснее здесь изображение евангелистом самого Иисуса. Иисус у евангелиста смущен, от смущение разгневан и едва ли не способен соблазниться предложением Петра. Все это по-человечески очень понятно, и картина, изображаемая

евангелистом, могла бы считаться психологически достоверной, если бы не одно «но». «Но» состоит в том, что такой Иисус очень мало похож на того духовного гиганта, который произносит Нагорную проповедь, да и почти все иные речи, которые мы слышим в евангелии.

Другими словами, мы видим здесь явную попытку евангелиста принизить Иисуса до своего уровня (кстати, тоже очень высокого) и можем понять, насколько реальный Иисус был выше евангелиста. Именно подобные моменты достовернее любых иных доказательств доказывают историческую реальность Иисуса. Мы увидим их и позже, особенно в последних, самых драматических главах.

24. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною,

«Отвергнись себя» (то есть откажись от себя) значит откажись от всех своих эгоистических желаний. «Возьми свой крест» здесь имеет несколько смыслов. Первый - делай что должно, что тебе предназначено и велено Богом, т.е. чего требует от тебя твоя Совесть. Второй – приготовься к страданиям, с которыми сопряжено такое делание не человеческого, но Божьего. Но есть и еще один смысл: на этом кресте будет распято то «я», от которого отказывается ученик Иисуса. Христиане же издавна придали этому приказу смысл «слушайся церкви и делай, что она велит».

25-26. ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?

Снова повторяется эта центральная мысль христианства: чтобы обрести Высшую душу, нужно потерять низшую. Причем не просто потерять ее, а потерять ее в духовной работе («ради Меня», то есть здесь «ради Бога», «для Бога»).

Душа же человека – самое ценное, что у него есть.

27-28. ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

Еще одно место, заставляющее вспомнить о том, что евангелист не только излагает учение Иисуса, но и решает иные, более «конъюнктурные» и более преходящие задачи. Мысль о том, что второе пришествие будет вот-вот, через несколько лет, была очень нужна для поддержания энтузиазма христианской общины. И сегодня разного рода деятели активно подобную мысль эксплуатируют, провозглашая близкие даты конца света.

Стоит заметить, что ни сам евангелист, ни, что еще интереснее, его поздние редакторы не смущаются тем фактом, что в уста Иисуса вложена явная ошибка. Они ее не замечают. Так было устроено их мышление.

Глава 17

1-5. По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте.

Преображение. Еще одно важнейшее событие на Пути Иисуса – грандиозный этап и грандиозный успех на Восхождении к Свету. Что же произошло, что увидели Петр, Иаков и Иоанн? А произошла важнейшая трансформация души Иисуса: его сознание впервые ПРОИЗВОЛЬНО, то есть по его собственной воле, поднялось к слиянию с Божественным. Он не просто увидел Божественное внутри себя и через себя – свою Божественность, свое Сыновство, своего Христа, но он впервые

сделал это по своей воле: это не *случилось* с ним, а он *сам* преобразил всю свою душу, весь свой психический состав в Высший Психический Свет.

Этот-то Свет и увидели ученики. Он, этот Свет, вообще, хорошо заметен посторонним (даже если они и не отличаются большой чувствительностью), когда им посчастливится встретить человека «в Духе», человека, который Светится – добротой, мудростью, святость, в общем, – Светом. Человек в таком состоянии, в самом деле, соединен, точнее сказать – слит с Высшим Миром и его обитателями (хотя о раздельном существовании этих обитателей можно говорить только условно) и потому может беседовать и с «Моисеем», и с «Илией», а точнее с Теми, кто в своей земной жизни были Моисеем и Ильей.

Еще раз. Конечно, и до Преображения Иисус знал и о Высшем Мире, и о своем предназначении. Он поднимался Туда постоянно (и когда учил, и когда лечил). Но слово «поднимался» здесь не совсем точное – гораздо точнее, «Что-то его Туда поднимало» так же, как хотя бы раз в жизни то же Что-то поднимало туда каждого, кто сможет понять эти строки. Но есть большая разница между мячиком, который кто-то подбрасывает вверх, и воздушным шариком, который взлетает вверх сам. Большое счастье и большая удача стать «мячиком» в доброй Руке. Но это не конец пути: «мячику» предстоит преобразовать себя в «шарик», утончив и грубые («резиновые») оболочки своей души, и ее внутренний («воздушный») состав. Такое преобразование тоже далеко не конец Пути, но это очень важный этап, через который необходимо пройти: преобразовать *постоянные* связи с Высшим в *произвольные*.

6-9. И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

Точно так же, как по своему желанию Иисус поднялся Наверх, точно так же он и спускается, чтобы продолжить свою

земную работу. Но преждевременная огласка может ему помешать, создать ненужные препятствия или, наоборот, ускорить ход событий. Отсюда и запрет ученикам рассказывать о Преображении.

Мы не знаем, конечно, насколько этот рассказ точен биографически – было ли это, действительно одно событие, свидетелями которого стали три ученика, или же этот рассказ обобщает многие подобные превращения Иисуса в Свет, но нам и нет необходимости в знании подобных деталей. Важно понимать, что безотносительно к его биографической точности рассказ о Преображении точен психологически, он рисует психологически достоверную картину и готовит нас к пониманию того, что произошло позднее на кресте.

10-13. И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илия надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Еще одно место, из которого ясно видно, что во времена Иисуса представления о реинкарнации были настолько общепринятыми, что реальность реинкарнации не нужно было никому доказывать, подобно тому, как жителям северных стран (но не тропиков) нет смысла доказывать, что зимой идет снег.

Здесь есть еще один интересный момент, на который обращают внимание современные комментаторы этого отрывка. Почему такой тяжелой оказалась судьба второго воплощения едва ли не святого Илии? За что ему досталась такая страшная смерть в застенках Ирода. Конечно, мы не знаем всех законов кармы, но мнение комментаторов по этому вопросу любопытно и я его приведу. Комментаторы связывают такую судьбу Иоанна с убийством Илией 450 пророков Ваала (3-я Царств 18:40). Впрочем, насколько это было так в действительности, мы не знаем и нам этого не нужно знать.

14-18. Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колени, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния [беснуется] и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду, я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. И запретил ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час.

К кому обращена гневная вспышка Иисуса и в чем ее причина? Обращена она к его ученикам и вызвана еще одной демонстрацией их безверия. Но что это такое – вера и безверие. Об этом Иисус говорит в следующих стихах.

19-20. Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: `перейди отсюда туда', и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас;

О чем говорит Иисус? Что это за вера такая, которая двигает горы? И почему о ней ничего неизвестно? Почему баранье упрямство и непоколебимость в своих религиозных убеждениях, которую часто демонстрировали и демонстрируют сегодня многие христиане, не помогает им двигать горы, да и вообще никак не помогает?

Вера, о которой все время толкует своим ученикам Иисус, ничего общего не имеет с тем, что обычно называем верой мы – с твердой уверенностью в истинности чего-либо, например, в истинности того мировоззренческого положения, что Бог есть. Такая уверенность свидетельствует только о замирании внутренней жизни верующего, о его неспособности разотождествиться со своими мнениями и посмотреть на них со стороны – то есть об остановке духовного развития. Иисус же говорит о совершенно иной вере в Бога – вере, которая и верой-то в нашем обыденном понимании не является, потому что она не столько вера, сколько знание Бога, основанное на личном

опыте и оттого такое же несомненное, как наше знание тепла и холода, света и темноты или как знание нашего собственного тела. Это знание дается (тем, кому оно дается) через расширение их сознания до такой степени, когда им открываются Иные Реальности, Иные Миры – то есть именно то, что люди называют словом «Бог». При таком расширении сознания происходит как бы слияние человека с Богом и способности человека возрастают многократно, становятся несопоставимыми с обычными человеческими способностями. Но при этом, человек утрачивает возможность использовать свои новые способности для удовлетворения своих эгоистических желаний, так не его воля (как и все в его душе), тоже растворяется в Воле Бога.

Вот такую Веру имеет в виду Иисус во всех тех разбросанных по евангелиям фрагментах, когда он говорит о вере.

21. сей же род изгоняется только молитвою и постом.

Любопытное замечание, показывающее, что разные бесы изгоняются (то есть разные «психические аномалии» лечатся) разными методами. Если пост (физическое очищение организма) более-менее известен психотерапевтам как метод воздействия на психическое состояние пациента, то в чем смысл молитв и какие это должны быть молитвы – все это психотерапии еще только предстоит освоить. Здесь я коротко обозначу только главные принципы «молитвенной терапии». Молитва (если это, конечно, правильная молитва, а не механическое безразличное или того хуже алчное бубнение непонятных слов) меняет состояние самого молящегося – делает это состояние более Высоким. При правильной молитве человек несет Богу самое чистое, что есть в нем, и если это «самое чистое» достаточно чисто, между сознанием человека и Богом (Высшими Мирами) устанавливается такая связь, которая сама еще больше очищает душу человека. Очищенная, возвышенная душа переносит, «индуцирует» свое состояние на окружающих – как бы «заражает» окружающих своей возвышенностью. Именно о таком заражении Серафим Саровский говорил «Спасись сам – и спасешь тысячи». А дальше все просто – бесы

в возвышенной душе не живут, и тут неважно, возвысилась ли душа в результате собственной работы человека или ее возвысила «психическая индукция» от другой возвышенной души.

22-23. Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились.

Еще одна подготовка читателя к последующим событиям, снова подчеркивающая, что Иисус действовал сознательно, с пониманием того, что он делает, для чего и что за этим последует. Таким образом, кульминация евангельской истории все больше походит на некую мистерию, подготовленную и «разыгранную» самим Иисусом.

24-27. Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свободны; но, чтобы нам не соблазнить их, пойдя на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя.

Речь идет о сборщиках «налога на храм», пол-сикля, или 2 драхмы (дидрахма) с каждого иудея старше 20 лет (Исход 30:11-16). В статире было 4 драхмы, то есть как раз налог с двоих человек. Иисус походя говорит, что они как дети Бога не должны платить своему Отцу – Царю Небесному, потому что и земные цари не берут налоги со своих детей. Как и в других местах, перевод *σκανδαλίσωμεν* как «соблазнить» здесь оставляет много неясностей. Чтобы не соблазнить на что? На репрессии против Иисуса и Петра? Или просто на обиду (есть перевод этого места как «чтобы нам не обидеть их» и множество подобных переводов на английский, например, *not to give offense to them* в Стандартной Английской Версии)? По-

видимому, смысл реплики Иисуса в том, чтобы не давать повод для скандала, когда еще столько нужно сделать, скорее, чем о гуманистической попытке сохранить душевное спокойствие сборщиков налога.

Глава 18

1-4. В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает;

Важнейший вопрос здесь – в чем именно нужно стать, как дети? В оригинале *ταπεινώσει* означает «смириться, унижить себя, покориться». Но какое отношение имеет смирение к детям? Детям не свойственно смирение и самоуничужение. Что имеет в виду Иисус?

Ответ лежит на поверхности – нужно почувствовать себя ребенком Бога. Иными словами, нужно установить правильные взаимоотношения между своим «человеческим, психическим составом» и Высшим в своей душе. Выражаясь современным языком, нужно перестроить, переорганизовать свое самосознание: понять, что в душе (психике) есть Высшее, своего рода, пуповина, которая связывает нас с Высшим Миром (Богом) и что ВСЕ остальное в нашей психике – все наши кажущиеся нам очень умными мысли и кажущиеся нам очень благородными порывы – все это ничтожно по сравнению с Высшим в нашей душе.

Другими словами, здесь речь не идет о том, чтобы стать «детоподобными» – наивными как дети, непосредственными как дети, чистыми как дети и т.д., как часто понимают эти слова. Речь идет о совсем другом – о восприятии себя, как ребенка Бога, осознании своей малости по сравнению с Богом и грандиозности пути своего развития («взросления») для сокращения этой дистанции. И только отсюда начинается работа по осознанию своей нижней души и «переплавке» ее в

Высшую. Результатом этой работы становится, в самом деле, некоторая «детоподобность» с той только разностью, что при отсутствии нижней души у человека, ее переросшего, в отличие от ребенка, нижнюю душу еще не обретшего, место нижней души занимает не детская наивность, а мудрость и просветленность.

Поэтому и принятие ребенка «ради Меня» – это не акт детолюбия, а создание образа себя как Божьего ребенка, и таким образом создание в психике и своего рода «образа» Бога, то есть «принятие Меня». Я взял «образ» в кавычки, потому что этот образ Бога не есть образ в традиционном понимании – это не некая мысленная картинка, а как бы «образ без образа» - представление, не стремящееся обрести свойствами, отношениями и «картинными образами», но зато стремящееся обрести опытное переживание, пережить опыт знания Бога. Это как бы некий градиент психической жизни, идеальная цель, старающаяся очиститься как можно полнее от всех налетов фантазии и интеллекта.

6-9. а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.

Опять-таки здесь популярное понимание (а в истории христианства были времена, когда оно приводило к отрубанию реальных человеческих рук и выкалыванию реальных человеческих глаз) сильно расходится с тем смыслом, который скрыт в этих словах.

«Малые сии» - это Божьи дети, которые еще не окрепли настолько, чтобы знать, как, когда и что им делать. Это не только дети, но и «взрослые дети» - все мы. «Соблазны» - это

то, что провоцирует нас на отклонение от прямого пути к Богу. Именно они, не позволяя нам приблизиться к Богу, становятся причиной того, что мы живем в наиболее грубых слоях мира – в мире ненависти, алчности, страха – и поэтому несчастны. В этом смысле «горе миру от соблазнов». Соблазны необходимы, так как, именно преодолевая их, человек прокладывает свой путь к Богу (ср. «Не согрешишь – не покаешься»), преодолевает свою нижнюю душу и строит Высшую душу. Но «соблазнитель», как и любой человек, причиняющий другому зло, по кармическим законам утяжеляет собственную карму и должен будет в последующем этот завязанный собой же «кармический узел» развязать. Это и есть наказание соблазнителя, которое Иисус сравнивает с адским огнем. Действительно, развязывание подобных узлов часто бывает очень долгим, трудным и болезненным процессом.

10. Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.

И здесь «малых сих» - это не о детях, а о нас с вами – о детях Бога. Это нас, детей Бога нам не надо презирать – как бы малы мы себе ни казались. Потому что каждый из нас имеет своего Ангела, Высшее в нашей душе (сейчас модны такие слова, «Истинное (подлинное) Я», «Индивидуальный Дух» и т.п.), который плотно связан («всегда видит») с Высшими Мирами («Отца Моего Небесного»). Эти Ангелы и есть наши проводники к Богу. Они же, впрочем, и наши христы.

11. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

Этот стих есть не во всех манускриптах и является слишком вольным переводом греческого ἦλθε γὰρ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου σῶσαι τὸ ἀπολωλὸς, дословно – «сын человеческий пришел спасти заблудших овец».

12-14. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится

найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти заблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.

То есть - чтобы погибла хоть одна из незрелых человеческих душ. Они и не могут погибнуть. Правда, жизни их (наших душ, нас) могут складываться очень по-разному.

15-17. Если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не слушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не слушает их, скажи церкви; а если и церковь не слушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.

Стих про церковь выглядит явным поздним добавлением, а не словами Иисуса. Были ли они добавлены евангелистом или более поздними редакторами, не имеет большого значения. Что касается порядка обличений (сначала с глаза на глаз, а потом в присутствии двух-трех человек), то это правило весьма эффективно при разрешении личных конфликтов.

18. Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.

Эти слова уже звучали раньше, но тогда они относились только к Петру. В данном контексте адресованные ко всем людям слова эти наполняются очень глубоким смыслом: по сути в этом и заключаются законы кармы: поступки, включая и сказанные слова, имеют свои тонкие следствия («на небе»), и таким образом, все сделанное «на земле», то есть во внешнем, физическом плане, сохраняется и в тонких планах, как груз (багаж), с которым душа совершает свой Путь. В ходе этого Пути каждый завязанный узел должен быть развязан. Развязывая кармические узлы, которые были завязаны ею ранее, душа вырастает, поднимается Вверх.

19-20. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Важнейшие слова для понимания сути *русской (соборной)* версии христианства. О чем идет речь? А идет она об одном мало изученном феномене социальной психологии: объединение духовных действий нескольких человек усиливает результат этих действий. Объединение как бы создает новый, групповой психический организм – общность «мы», которая больше и выше составляющих ее «я». Именно об этом говорит Иисус: встреча двух-трех верующих (то есть встреча «во имя Мое») ведет к духовному взлету («Я посреди них»). Оказавшись включенным в эту общность, человек поднимается к более высоким состояниям, чем те, которые достижимы для него в одиночку. Это свойство психики, хотя и не будучи полностью осознанным, издавна было замечено русскими и легло в основу русской соборности («миром господу помолимся»). Молитва «миром» характерна именно для русского христианства.

21-35. Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз. Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить; тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю

своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его.

Почему так важно прощать? Ответ очень прост: потому что прощающий избавляет СВОЮ душу от груза гнева и обиды, который ЕГО душу тянет вниз, от Бога. Отсутствие же прощения является самонаказанием – погружением СЕБЯ в пучину гнева – обиды или даже жажды мести. И пока человек из этой пучины не выберется и будет продолжаться его наказание (то есть он не будет прощен Отцом).

Глава 19

1-9. Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, Заиорданскою стороною. За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там. И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует.

В чем смысл этих запретов? Понят он может быть только из тех слов Иисуса, которые он говорит дальше (стихи 10-12).

Сексуальную жизнь нужно ограничить только необходимым для деторождения, так как все, что вне того, мешает духовному росту. И любое потакание своим (развод ради женитьбы) или чужим (женитьба на разведенной) сексуальным желанием вредно как отвлечение от духовной работы. Вообще говоря, это верно «теоретически», но предполагает соблюдение одного важного условия, на практике, практически, никогда не соблюдаемого, – это верно для тех, кто умеет переплавлять всю свою сексуальную энергию в энергию духовной работы. На практике, этого почти никто делать не умеет и потому требование Иисуса здесь имеет то же смысл, что и другие его невыполнимые требования («Будьте совершенны, как Отец Небесный», «Подставь другую щеку» и т.д.) – они подразумевают не буквальное выполнение, а задают некий идеал, к которому нужно стремиться. Но в истории христианства было много попыток соблюдать эти требования буквально, как, например, запрет на разводы у католиков, которые приводили ко множеству человеческих трагедий.

Что именно подразумевает Иисус, становится понятно из следующих строк.

10-12. Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

В этом все дело – кто что может «вместить». Если человек в состоянии «оскопить себя» ДЛЯ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО – прекрасно. (Опять-таки речь не идет о физической кастрации, хотя находились и ретивые христиане, которые шли и на это, и даже очень Высокие христиане, как несправедливо униженный церковью через несколько веков после своей кончины легендарный церковный учитель Ориген.) Но это дано очень немногим. То есть «оскопить себя» пытаются все монахи и все католические священники, но вот «оскопить себя» ДЛЯ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО получается только у единиц: уж

больно это сложное и многотрудное дело. Так что «вмещающих» совсем немного. Остальным же нужно помнить, что источник половой энергии, которым наделен, каждый человек, является его потенциальным врагом в его движении к Богу. Льва Толстого очень волновала эта проблема, что и нашло отражение в «Отце Сергии» и «Крейцеровой сонате».

И в то же время этот потенциальный враг может стать и лучшим другом, так как именно он может вознести человека к очень тонким переживаниям. Судьба Данте, как и судьбы и многих других гениев дают много ярких иллюстраций к этому тезису. Поэтому-то человеку Пути и необходимо все время изыскивать меры для того, чтобы из раба своего врага стараться стать хозяином своего.

13-15. Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда.

Здесь отчасти повтор «Будьте как дети» из предыдущей главы, но здесь есть и иной смысл. Дети – будущие взрослые, люди будущего. И именно как людям будущего им принадлежит Царство Небесное. Речь здесь идет, конечно, не о конкретных приводимых к Иисусу детях, а о детях как СИМВОЛЕ будущего. Это подчеркивается тем, что Иисус говорит не «их» (есть Царствие Небесное), а «таковых» - τοιοῦτων.

16-19. И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь [вечную], соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя.

Здесь неудачный перевод. Слово «благий» добавлено

произвольно. В оригинале его нет. Ответ Иисуса такой: «Что ты спрашиваешь меня про добро? (τί με ἐρωτᾷς περὶ τοῦ ἀγαθοῦ) Есть только одно доброе [в мире] (εἷς ἐστὶν ὁ ἀγαθός)». Другими словами, добро – это Бог. Но так как ни сделать Бога, ни быть Богом нельзя, то и доброе делать нельзя; путь же в Царство ведет через соблюдение заповедей. Иисус перечисляет здесь не все десять заповедей, а только шесть, заканчивая последней, самой трудной, но не подчеркивая ее трудности.

Почему такой «упрощенный» совет? У каждого человека есть свои возможности, и совет хорош только тогда, когда тот, кому его дают, может им воспользоваться. В этом и состоит смысл простых предписаний-заповедей – они посильны (или кажутся таковыми), их можно исполнить, или, точнее, стараться исполнить. Поэтому и важно, что данный совет дается именно юноше – человеку неопытному в духовных делах.

20-22. Юноша говорит Ему: всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Тоже произвольное добавление от переводчика: «от юности моей» в оригинале нет – просто «все это я соблюдаю» (ταῦτα πάντα ἐφύλαξα). «Совершенным» здесь тоже сомнительно (в контексте, что совершенен только Бог). Правильнее кажется перевести εἰ θέλεις τέλειος εἶναι как «Если ты хочешь пройти путь до конца». Но в любом случае Иисус советует обменять земные сокровища на небесные – бескорыстие, отсутствие алчности, непривязанность к земным благам. Такой совет юноше не понравился. Но то, что он не просто «отшел», а «отошел с печалью» означает, что он задумался над тем, как ему взять очередной барьер на Пути. Для Иисуса же его уход стал поводом для еще одного урока.

23-24. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю

вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

Почему? Потому что нельзя служить двум господам, двум богам. Богатство отвлекает на себя душевные силы и тем самым отвлекает от Бога, то есть от духовной работы. В этом проблема. Но в реальности, как и с почти всеми заповедями, здесь все гораздо сложнее, чем решили для себя многочисленные проповедники христианской бедности. Буквальное понимание и здесь ведет в забавные тупики. Богатство дается людям не просто так, а для выполнения определенных функций в обществе. И когда богатство перестает быть средством удовлетворения собственной алчности, привязанности к материальным благам, наконец, средством самоутверждения, а становится средством, необходимым инструментом собственного духовного развития и помощи в духовном развитии другим людям (то есть единственной настоящей любви к ближнему) богатство из тормоза в духовной работе превращается в инструмент духовной работы и перестает мешать верблюду проходить сквозь игольные уши. (Просто потому что «верблюд» становится тонким, воздушным.)

25-26. Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же всё возможно.

Еще один важнейший момент, сплошь и рядом наивно трактуемый в популярном христианстве в том смысле, что для спасения ничего делать не нужно, а нужно просить Бога, чтобы он тебя спас, или же что и того делать не нужно, так как Иисус уже всех спас и теперь просто достаточно оставаться при ношении креста, платка, длинного платья, и все будет отлично – рай обеспечен.

О чем говорит Иисус на самом деле? Человеку невозможно спастись потому, что он нагружен человеческой природой – теми самыми грехами, которые не пускают душу в рай. (Точнее даже, не грехами, а греховной человеческой природой). Эта природа, «нижняя психика» надежно держит человека вниз, не

давая ему подняться надолго (а часто и вообще подняться) Наверх, к Богу. Но эта привязанность не данность. В своем развитии, преобразовывая «нижнюю психику» в «Высшую», человек как бы теряет свою человеческую природу и обретает природу Божественную, то есть как бы сам становится Богом. И вот этому Богу, бывшему раньше человеком, возможно все. По сути, это по-другому выраженная мысль о том, что вера делает человека всемогущим. «Обрести Веру», «стать Богом», «достичь Бога», «слиться с Богом», «спастись» - все это разные слова для обозначения одного и того же терминального состояния духовного развития. Не какой-то посторонний Бог спасает человека – спасает человека сам человек, но не просто человек (которому невозможно спастись), а человек, ставший Богом (для которого все возможно).

Здесь же обозначен и ставший главным христианский инструмент Спасения, или оБожения. Этот инструмент – любовь к Богу (см. также комментарий к 22:37). Любовь к Богу – это стремление к Нему, памятование Его и желание как можно более полного соединения с Ним. Любовное Соединение с Богом на языке психологии – это осознание, осознание Высшей души, Христа. Такое осознание «прилепляет» низшее «я» к Высшему «Я». Выращивание сознательно любящей Бога части души, которая постоянно стремится к Этому Соединению, – важный этап Пути.

27-29. Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою; что же будет нам? Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

Снова, для наивного интерпретатора слова Иисуса выглядят как предложение сделки: Вы помогаете мне, а я устрою вам теплые места на небе. Зараженные антисемитизмом христиане (а таких всегда было немало) добавляют к этому право на

осуждение евреев (12 колен). На самом же деле, речь здесь, конечно, идет совсем о другом.

«Последовавшие за Мной» означает последовавших Путем Иисуса, Путем, открытым Иисусом, путем, который требует отказа от всех земных привязанностей – подчинения всего духовной работе. Эти-то духовные делатели, пройдя свой путь и завершив преобразования своей души, достигнут Царства и обретут «жизнь вечную». Что значит «жизнь вечную»? Об этом мы еще поговорим в свое время отдельно.

30. Многие же будут первые последними, и последние первыми.

Эта фраза звучала и раньше, но здесь ее смысл раскрывается в контексте предыдущих слов Иисуса. Многие из преуспевающих в земных делах («первые») отстают в духовном развитии и потому придут к концу Пути после тех, кто отставал в земных делах («последних»). Другими словами, часто за земные успехи нужно платить очень дорогую цену отставания в развитии собственной души, или, грубо говоря, - духовной деградацией.

Глава 20

1-16. Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по

динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему [то же], что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званных, а мало избранных.

Прежде всего, нужно «почистить» перевод знаменитой последней фразы - πολλοὶ γὰρ εἰσι κλητοί, ὀλίγοι δὲ ἐκλεκτοί. К слову, она есть в 20-й главе не во всех редакциях. Значение греческого слова ἐκλεκτοί – избранные в смысле «отборные», «отобранные», лучшие. То есть общий смысл здесь в том, что из многих приглашенных к Спасению откликнулись на приглашение лишь немногие (ср. с повторением этих же слов в главе 22.). Но связки «ибо» («потому что») в оригинале нет вовсе.

Вся притча рассказывает нам очень много о том, как происходит Спасение (духовный рост) не одного человека, а всего человечества. Разные люди, разные народы в разное время становятся активными участниками «христианского процесса», в разное время и по-разному понимают правду христианства, в разное время и по-разному приобщаются к религии. Но те, кто приобщились к христианству раньше не обязательно обгоняют тех, кто приобщился позже. В этом движении вставшие на Путь раньше, пройдя некий отрезок, обычно останавливаются и подтягивают к своему уровню («учат») тех, кто вышел позже. Но их «ученики», достигнув уровня «учителей», на этом не останавливаются и двигаются дальше, прокладывая путь, по которому пойдут за ними их «ученики». Так появляются в истории как бы разные христианства, из которых более старые через какое-то время начинают отставать от более молодых. Например, протестантизм, «встав на плечи» своему «учителю» католицизму, поднялся выше учителя. (Это видно по тому, насколько выше оказалась созданная им культура.) Точно так же и католицизм создал культуру более высокую по сравнению со своими предшественниками, которых можно назвать

«палеохристианами», или «первохристианами»: «дикие» германские племена обошли высококультурных наследников римлян. Так «последние» обгоняют «первых». Нередко нечто похожее можно наблюдать и в более локальном масштабе: в духовном развитие отдельных людей – ученики обгоняют своих учителей. К духовной работе приглашены все люди, но способности к ней у всех разные, и очень способных («избранных») мало.

17-19. И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет.

Почему «восходим»? Причин две. Наиболее явно-очевидная – Иерусалим находится на высоте 650-850 метров над уровнем моря и к нему, в самом деле, нужно подниматься. Менее явная – поход Иисуса в Иерусалим был частью его духовного восхождения. Здесь же в очередной раз евангелист подчеркивает, что Иисус знал о своей судьбе и сознательно шел к ней.

20-23. Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцем Моим.

Еще один важный урок – человек не может и не должен знать деталей посмертной жизни. Как и многие другие уроки, этот был мало понят и скоро вообще забыт христианами: редко кто

из людей церкви не расскажет во всех деталях, что ждет того или иного человека после смерти – рай или ад. В этом специалисты абсолютно все. Почти – как в футболе.

Что значит «пить мою чашу» и «креститься моим крещением»? Конечно, не то, что видят в этих словах большинство христиан. Это не значит пить вино во время причастия и совершать крестообразное движение рукой, дотрагиваясь до своих (реже - чужих) лба, живота и плеч. Не значит это и «повторите мои страдания», то есть пейте ту чашу, о которой Иисус позже молится, чтобы она его миновала, и пройдите через распятие на кресте (хотя так и думают многие из тех, кто пытается найти в евангелиях смысл более глубокий, чем открывается при их буквальном прочтении). Такое требование Иисуса не имело бы смысла, так как у каждого своя чаша и свой крест. Повторить же его судьбу просто невозможно, ведь она – *его* судьба. Смысл здесь иной. «Пить мою чашу» значит так же, как и я, ловить голос Бога в своей душе, пить Святой Дух. «Креститься моим крещением» значит так же, как и я, очищать свою душу от всего того, что ее загрязняет, чтобы смочь наполниться Святым духом.

24-27. Услышав [сие, прочие] десять [учеников] вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подозревая их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;

Это тоже было начисто забыто, хотя и приходит время сегодня об этом вспомнить. (Утрачено в русском языке и исходное значение слова «дьякон», δίακονος – слуга. Смысл слов Иисуса, конечно, не в том, чтобы унижать и эксплуатировать стремящихся к первенству в христианской общине. Смысл в том, что духовный лидер должен полностью отречься от всего человеческого в себе и полностью сосредоточиться на служении общине. (Это, к слову, еще один смысл стиха о первых и последних.) Только в этом случае он может быть лидером. Тут речь идет даже не о том, чтобы «умалиться» и лучше других осознать свою человеческую

природу и ее ничтожество по сравнению с природой Божественной, а именно о самоотречении во имя и для пользы других. Если лидеру и приходится повелевать, то суть его приказов все равно в том, что он служит тому, кому повелевает, помогает ему в его духовном восхождении.

28. так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Еще один пример церковной забывчивости. Для церкви оказалось гораздо приемлемей сделать из Иисуса предмет поклонения и кумир для церковной службы, нежели помогать реальному Иисусу в его Работе (службе людям). Я уже говорил о том, что эта за Служба и в каком смысле Иисус отдал свою душу для искупления многих. Конечно, (хотя в это и верят очень многие христиане) это не «делка» Иисуса с Богом: дескать, возьми мою невинную душу и прости всем христианам их грехи: и уже совершенные, и еще не совершенные. Сама такая мысль была бы кощунственной. (Хотя она и стала так популярна среди христиан, прежде всего, из-за своей «приятности»: в самом деле, тебе делать ничего не надо – за тебя и так Иисус Христос все сделал). Речь идет о совсем другом: о прокладывании Пути к Спасению, которым могут последовать (и со временем обязательно последуют) все люди. В этом служба Иисуса человечеству, на это тратит он свою душу. Вот эта служба и сделала его первым.

29-34. И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа. И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Народ же заставлял их молчать; но они еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Иисус, остановившись, подозвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши. Иисус же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним.

Греческий оборот κύριε ἑλέησον лучше перевести, как «господин, пожалей нас», слепые не молятся здесь Иисусу, хотя и признают в нем Мессию. В этой истории есть и иносказание: Иисус сделал слепых зрячими, открыл им свет. Это как раз именно то, что Иисус сделал со всем человечеством – открыл Свет всем нам. Впрочем, чаще всего мы предпочитаем жить с закрытыми глазами. Так нам удобней и спокойней.

Глава 21

1-5. И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Всё же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной.

Уже знакомый нам и много раз встречающийся прием «подгонки» истории Иисуса под пророчества Ветхого Завета (Захария 9:9).

6-11. Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа постлало свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постлало по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних! И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.

Эта история тоже не кажется исторически достоверной. Евангелист решает свои задачи – нарисовать картину жизни Иисуса как можно более величественной, чтобы он был как

можно более похож на Бога.

12-13. И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников.

Тоже едва ли достоверно историчеки, так как торговля в храме была старинным установлением, необходимым для совершения жертвоприношений, требуемых законами Моисея. Но зато здесь есть глубокий смысл аллегорический – храм место молитвы, а не место жертвы. Об этом начинали говорить пророки задолго до Иисуса – не физические жертвы (кровавые, как животных и птиц, и бескровные, как хлебное подношение), а жертвы духовные, жертвы наиболее злыми, «нижними» частями своих душ и вознесение к Богу в молитве настоящего «благоухания» – Высших частей души, – вот что угодно Богу. Такое же низкое дело, как торговля, оскверняет храм. К сожалению, это так и не было в должной мере понято всеми последующими христианами-торговцами, которые и сегодня (конечно, всегда под очень благовидными предложениями) предпочитают забыть эту евангельскую историю.

14-16. И приступили к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их. Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восклицающих в храме и говорящих: осанна Сыну Давидову! – вознегодовали и сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?

Речь идет еще об одной ссылке на Ветхий Завет. Псалом 8: *Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя. Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его*

пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его.

Отсюда видно, что пафос слов Иисуса в подчеркивании своего человеческого начала и Божественности именно человеческой природы человека, а не некой самостоятельной, другой, альтернативной, как это стало в позднейшем богословии. Смысл возражения Иисуса – нет ничего богохулящего в том, чтобы возносит хвалу человеку, если это «правильная хвала», такая, как в псалме Давида. Это тоже ЧРЕЗВЫЧАЙНО важный момент сегодня при разрешении острых идеологических противоречий между христианством и гуманизмом. Что является высшей ценностью – человек или Бог? Правильный ответ на этот вопрос не в выборе какой-то одной из предлагаемых к выбору альтернатив, а конструирование третьей: высшая ценность – Божественное в человеке.

17-22. И, оставив их, вышел вон из города в Вифанию и провел там ночь. Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла. Увидев это, ученики удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница? Иисус же сказал им в ответ: истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что [сделано] со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, – будет; и всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите.

Я уже говорил, о какой Вере идет речь, – о Вере-Знании Бога, которая достигается только при слиянии с Богом. Но притча о смоковнице интересна и в других отношениях.

Прежде всего, это очень редкий случай, когда сотворенное Иисусом чудо имеет не созидательный, а «разрушительный» характер – убийство, пусть даже и убийство только дерева. Но во-первых, это так только с нашей современной точки зрения – ни ловля рыбы, ни рубка деревьев во времена Иисуса как убийства живого не воспринимались, а во-вторых, история со смоковницей (инжирным, или фиговым деревом) – только

притча, правда рассказанная не Иисусом, а самим евангелистом, и у нас нет оснований полагать, что в ее основе лежит реальный исторический эпизод. Аллегорическое же значение здесь совершенно очевидно. Оно то же, что и в иной знаменитой притче, притче про зарытый талант (От Матфея 25:14-30): каждый должен делать то, что дано ему от Бога, бездействие же, неспособность или нежелание делать влечет за собой гибель. Подобных «разрушительных» притч, приспособиваясь к восприятию своих слушателей Иисус рассказывал немало. Многие из них позже становились оправданием реальных злодейств, совершаемых христианами.

23-32. И когда пришел Он в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какую властью это делаю; крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков? Они же рассуждали между собою: если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не верили ему? а если сказать: от человеков, – боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и Я вам не скажу, какую властью это делаю. А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не верили ему, а мытари и блудницы верили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему.

В очередной раз Иисус обличает своих «оппонентов», что их вера на словах, но без дел не помогает Спасению души. Притчей о двух сыновьях Иисус отвечает на вопрос об источнике своей силы – этот источник в том, что его Вера, вера деланья Божьего дела, дела Спасения (и себя, а через себя – и

всего человечества), в отличие от веры первосвященников, веры совершения мертвых обрядов без понимания их смысла, живая – она соединяет его с Богом и тем самым доставляет ему силы для сотворения чудес. Но, конечно, его ответ остается непонятым. Он не понят и сегодня.

33-46. Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдём, убьём его и завладеём наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших? Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит. И слышав притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка.

В синодальном переводе не расставлены знаки препинания. Слова про отвергнутый строителями камень – это цитата из псалма 117 (стихи 22-23): «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших».

Здесь и предупреждение, и пророчество, которое отчасти сбылось уже, а а отчасти еще только сбывается. Что значит

«отнимется Царство Небесное»? Это значит, что мировое духовное лидерство перейдет от вас к другим людям. Именно это и произошло в последствии: сначала при переходе лидерства от иудаизма к христианству, потом – от христианства к исламу, потом – от ислама к другому христианству, католицизму, потом от католицизма – к гуманизму, и происходит сейчас, когда и гуманизм утрачивает свои лидерские позиции. Все такие переходы, когда строители сначала спотыкаются об отвергнутый ими камень, а потом этот камень их давит, связаны как раз с тем, что строители перестают приносить «плод Царства Божьего», – та же самая история, что и с засохшей смоковницей, отказавшейся плодоносить.

Что же это за камень такой? Это очень важно понять нам сегодня. А камень этот, краеугольный камень любого храма, то есть любого здания религии, на котором все это здание покоится, состоит в том, что главное в любой религии то, что она должна вести к Богу. И пока она ведет своих адептов к Богу, пока помогает их духовному развитию, пока совершенствует их души – делает своих адептов умнее, добрее, тоньше, до этого момента религия имеет право на жизнь. Когда же религия перестает выполнять эту свою главную и единственно-главную функцию, она отмирает: хозяин виноградника передает его другим виноградарям.

Глава 22

1-10. Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и всё готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили [их]. Услышав о сем, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех,

кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими.

Здесь кончается первая половина притчи, которая, в сущности, сама – отдельная притча. Пересказанный немного более современным языком рассказ звучит так: «Царь устроил свадьбу сына и разослал приглашения, но приглашенные отказались прийти: одни из-за своих дел, другие же вообще убили рабов, принесших им приглашения. Царь наказал отказавшихся и разослал рабов привести всех, кого они найдут. И рабы привели на свадьбу разных людей – и добрых, и злых».

Отказ от приглашения царя имеет для отказавшегося самые печальные последствия. Отказы же такие – вещь самая обычная и во времена Иисуса, и в наше время. Человек, которому дано больше: больше способностей, больше ума, больше возможностей – очень часто использует эти дары не по назначению: кто идет «на свое поле» (скажем, заниматься наукой или «чистым искусством», или даже работой в церкви), а кто-то – «на торговлю свою», в бизнес. И не дай бог, напомнить им, что они званые – схватят и убьют. Не в буквальном, так в переносном смысле. А потом обижаются, когда обнаруживают свои города сожженными, как удивляются сегодня все наши соотечественники вообще, и наша культурная элита в частности. И непонятно им, почему вместо них на пир собираются совсем иные, и, казалось бы, гораздо менее достойные люди, среди которых немало и злых.

А обижаться не на что. Так человечество поднимается по лестнице духовного развития. Одни идут впереди. Другие сзади. Но идущие впереди часто останавливаются или отходят в сторону, в общем, не могут сохранить своего лидерства. И тогда идущие сзади, те, к кому вчерашние лидеры относились едва ли не с презрением (и нельзя сказать, чтобы совсем без оснований), вдруг оказываются впереди бывших лидеров. Это относится и к отдельным людям, и к целым группам внутри одного народа (например, наша интеллигенция уже несколько раз оказывалась не на высоте своего предназначения; не на высоте оказались и коммунисты), и к разным народам: то и дело в истории в культурных лидерах оказываются вчерашние «дикари и

варвары». И только потому, что они смогли услышать Зов, которым «цивилизованным людям» мешала услышать их цивилизованность и их цивилизация. Нам, в России очень важно сегодня знать этот закон.

11-14. Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных.

А это уже другая притча: на свадьбу нужно приходить в свадебной одежде. Что это значит? Это значит, что нельзя подняться Наверх не очистившись от грязи своей «нижней, или внешней души». Пока помыслы человека злы, эгоистичны, себялюбивы, пока его душа наполнена алчностью, злобой, страхами, ревностью, обидами, жаждой мести, «одежда» его души грязна, и в таком рубище ему место не на брачном пиру, а только во «тьме внешней», где он, собственно говоря, и находится. Чтобы попасть на Брачный Пир, нужно сменить одежду – рубище «нижней души» на сияющее одеяние «верхней» – наполнить свою душу любовью, добротой, мудростью, сиянием.

15-22. Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли.

Кто такие иродиане, мы можем только догадываться. Ясно,

что они сторонники Ирода (какого-то одного или всей династии Иродов) и могли иметь некую внутреннюю организацию, напоминающую современные партии или секты. Очевидно, что в данном случае они пытаются спровоцировать Иисуса на высказывание о ненужности платить налоги. Но в реальности они спровоцировали Иисуса на совсем иное высказывание – на очень важное высказывание о правильном отношении к государственной власти. Смысл его в том, чтобы разделить религиозную и гражданскую жизнь. Церковь через несколько веков с большой охотой подхватила эту идею, которая помогала ей укреплять свое влияние в государстве, а затем пошла и дальше – к так называемой «симфонии», полной гармонии между церковной и государственной властями. Но для нас очень важен другой вопрос – как мы сегодня должны относиться к «Богу Богову, а кесарю кесарево»?

Для СВОЕГО ВРЕМЕНИ слова Иисуса были по-своему революционны. В то время, когда по всей империи царили культы императоров, императоров обожествляли и строили им храмы, сами слова, что кесарь не Бог и должен получать ТОЛЬКО кесарево, могли стоить говорившему жизни – фарисеи и иродиане знали что делают. Но вместе с этим «уничужительным» для кесаря смыслом в словах Иисуса звучит большая и очень выгодная для власти недосказанность. Иисус идет на компромисс в главном вопросе – «Только одному своему Богу поклоняйся и служи». Казалось бы, логичным продолжением должно было бы стать «Служи кесарю только в той мере, в какой этого требует от тебя служение Богу». Но Иисус этого не говорит, и понятно почему: такие слова стали бы самоубийственны для будущих христиан, поставив их изначально в оппозицию правителям империи и сделав уже не просто новым религиозным течением, но прямыми политическими противниками, бунтарями, делом чести каждого императора в отношении которых должно было бы стать их полное уничтожение. Для только что нарождающейся религии, еще не набравшей сил и не успевший привлечь миллионы адептов, это было бы смертью. Но это для времени Иисуса. А как обстоят дела для нашего времени?

Подобно тому, как Иисус смело редактирует многие положения закона Моисея (например, «око за око»), которые

были верны и нужны для современников Моисея, но ко времени Иисуса устарели и требовали более глубокой трактовки (как например, «подставь другую щеку» вместо «око за око»), точно так же и сегодня многие положения учения Иисуса требуют более глубокого осмысления. И в первую очередь, это относится к отношениям с государственными властями (и с церковными властями). Сегодня для современного человека двойственность, провозглашенная Иисусом, когда гражданская и религиозная жизнь текут, не пересекаясь, больше не является приемлемой. Сегодня гражданское и религиозное поведение у человека с более-менее развитым сознанием должны быть плотно «сопряжены» в единое поведение человека, которое, используя традиционный религиозный язык, можно назвать «служением Богу», а на чуть более светском языке то же самое можно назвать «послушанием голосу Совести». Этот голос и только он может диктовать современному человеку, что и как ему делать и в его религиозных, и в его гражданских делах. И здесь уже «Богу Богово, а кесарю кесарю» звучит архаично – «Только Богово – и Богу, и кесарю». А уж какое «Богово» заслужит «кесарь», это зависит от самого «кесаря».

23-30. В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его: Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семья брату своему; было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее. Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах.

Еще одно важнейшее место, доставившее позднее много головной боли христианским богословам, которые в конце концов не нашли для себя лучшего решения, чем просто забыть эти слова Иисуса. Речь идет о том, что такое воскрешение. Для современников Иисуса и еще много веков позднее здесь не

было вопроса: воскрешение – это, конечно же, воскрешение в физическом теле: крышка гроба должна откидываться и умерший должен встать на ноги, потягиваться, протирать глаза и требовать завтрака, а после завтрака отправляться в туалет для отправления естественных нужд. Из этого понимания и исходят саддукеи, не без иронии спрашивая Иисуса о том, чьей женой будет воскресшая жена нескольких мужей. Ответ Иисуса прост и однозначен: воскрешение – это НЕ воскрешение в физическом теле, это воскрешение в некоем тонком, «ангельском» теле. Точка. Именно этого христиане не слышат, не понимают и оттого не хотят слышать уже две тысячи лет. И это вполне естественно – как можно понять такое, если оно непонятно и даже непонимаемо.

Что же это за «ангельское тело», о котором говорит Иисус?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно расширить наши представления о мире за пределы границ современной науки. Наука сегодня знает материальное (вещество и несколько видов физических полей) и нематериальное. Психика и все ее «наполнение», включая идеи, мысли, чувства, желания и т.д. и т.п. относится наукой к области нематериального так же, как и, например, содержание культуры. Нематериальной считает наука и информацию. И наука по-своему права, так как все эти «идеальные вещи», в самом деле, не «сделаны» ни из вещества, ни из известных науке полей – гравитационного, электромагнитного и т.д. Но это не означает, что идеальные вещи не «сделаны» из других, неизвестных науке видов материи. На самом деле, и идеальные вещи вполне материальны, просто материя их науке только еще становится известной: о ней уже много говорят, но пока что еще не научились «щупать руками». Но без понимания реальности и свойств этой материи, без знания «физики духовного» мы не можем понять того, что происходит при воскрешении. Я еще не раз буду возвращаться к этой теме, но пока ограничусь замечанием, что духовная работа не просто меняет состав души заменяя низшее высшим, но меняет и силу взаимосвязей, как бы плотность души, переводя ее из газообразного состояния, когда, лишившись внешней оболочки, душа разлетается подобно тому, как разлетается газ, бывший внутри лопнувшего воздушного шарика, к твердому, когда разбитая и выброшенная бутылка

никак не меняет состояния замерзшего в ней льда. Грубо говоря, наши души всегда «газообразны», воскресшая же душа – «ледяная». Слово «крепкий», часто встречающееся в разных религиозных текстах, относится именно к такой крепости души.

31-33. А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. И, слыша, народ дивился учению Его.

Это просто ответ тем, кто отрицает воскрешение как таковое. «Я Бог Авраама» означает не «Я был Богом Авраама», а «Я сейчас Бог Авраама», то есть то, что Авраам сейчас жив (хотя естественно пребывает не в человеческом, а в тонком, «ангельском» теле).

34-40. А фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе. И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

И еще одно важнейшее место. Тут несколько вопросов. Что это значит – люби Бога всей душою? Почему эта заповедь подобна заповеди «Люби человека»? И почему на этих двух заповедях основан «весь закон»?

Любовь к Богу – что это такое? Это стремление быть с Богом, устремление души Вверх. В этом устремлении, в этом движении суть любой религии, включая и те религии, в которых нет понятия «Бог» вовсе, и даже включая некоторые атеистические идеологии. Смысл религии в том, чтобы помогать движению души Вверх, то есть помогать ей любить Бога. Если мы любим Бога (конечно, я говорю не о детских привязанностях к созданному нашей фантазией образу старика, сидящего на облаке), то главное в нашей жизни делается – мы растим свою душу, ведем ее в нужном направлении. Если нет, то неважно, как часто мы ходим в церковь, постимся, молимся и т.д. – всей

этой нашей псевдоактивности грош цена.

Ну, а почему заповеди «Люби Бога» и «Люби человека» похожи? Ведь, кажется, объекты любви у них совсем разные. Объекты-то разные, да состояния души похожи. Наполни свою душу бескорыстной любовью, и неважно, к кому это будет любовь, она будет к Богу. Это одно объяснение, но оно не единственное. Любовь к Богу помимо «чистого драйва», устремленности к Богу, градиента духовной работы, включает в себя еще и поведенческую реализацию этого «драйва», мотива – то поведение, тот образ жизни, в которых этот мотив себя выражает. Поведение это состоит в том, чтобы делать Божью работу, становиться соратником Бога в Его делах, заменять свою волю Волей Бога, слушать и слышать Голос Бога в своей душе, где он звучит как голос Совести. Что это за работа Бога? Она заключается в том, чтобы растить людей, выращивать их души, приближая состояния этих душ (конечно, очень медленно с нашей, человеческой точки зрения) к Божественности. В помощи, которую один человек оказывает другому в подъеме его души и заключается высшее благо, которое один человек может сделать для другого. Другими словами, помощь в росте души – это высший любовный акт, на который мы способны по отношению к ближнему. Именно поэтому наша любовь к Богу неизменно оборачивается нашей любовью к ближнему, а настоящая любовь к ближнему, то есть желание сделать ему хорошо, становясь действием, является поведенческим проявлением нашей любви к Богу. И опять-таки неважно, ходим ли мы при этом в церковь, молимся ли и делаем ли мы другие «религиозные дела». Их деланье не гарантирует любви к Богу так же, как их неделанье не означает отсутствия этой любви.

И наконец, почему на этих двух заповедях (на самом деле, на этой одной «двух-ликой» заповеди) основан «весь закон и пророки». А потому что в этой заповеди и заключено главное в «законе» – главное в любой религии.

41-46. Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их: что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног

Твоих? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему? И никто не мог отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже не смел спрашивать Его.

Речь идет о псалме 110 (стих 1). «По вдохновению» не очень удачный перевод ἐν πνεύματι. Более точный – «будучи в Духе». Вопрос же поставлен очень масштабный – кто такой Мессия, человек или Бог? Этот вопрос будет долго занимать умы богословов. Не утратил он своей актуальности и сегодня. Но сегодня мы больше готовы к тому, чтобы *понять* ответ Иисуса «Мессия (Христос) – Бог», понять что стоит за этими словами. Стоит же за ними то, что Мессия – это Божественное в человеке, или, что то же самое, человек, сумевший сделать себя Богом. Это превращение человека в Бога и есть самое важное в христианстве. Хотя и сегодня это самое главное еще только-только начинает пониматься сколько-нибудь широко.

Глава 23

1-7. Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиришествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!

«Книжники» (γραμματεῖς) здесь в смысле «буквоеды». Иисус имеет в виду саддукеев.

«Неудобноносимые» – не вполне удачный перевод δυσβάστακτα (кстати, имеющегося не во всех рукописях) – «с трудом переносимого, трудного» – без смыслового оттенка «непереносимого», имеющегося в синодальном переводе.

«Расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих» - неудачный перевод πλατύνουσιν γὰρ τὰ

φυλακτήρια αὐτῶν καὶ μεγαλύνουσιν τὰ κράσπεδα. Точнее – увеличивают свои филактерии (по древнееврейски – «тфилин» (תפילין – коробочка с текстами торы (пятикнижия Моисея), которые религиозные евреи привязывают к голове и руке во время молитвы) и удлиняют кисти на своих одеждах.

Общий смысл отрывка в обвинении религиозных учителей в непонимании смысла закона Моисея и в лицемерном тщеславии. Но при этом очень важно, что Иисус призывает исполнять все предписания, исходящие от религиозных лидеров (и только не подражать им в их нечестивом образе жизни). Другими словами, здесь Иисус призывает к скупуплезному соблюдению иудейской обрядовости и образа жизни. Есть основания думать, сравнивая это предписание с другими заповедями Иисуса, что здесь имеется попытка вложить в уста Иисуса слова, которые по тем или иным причинам евангелисту было нужно приписать Иисусу.

8-10. А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос.

Перевод не очень удачный, хотя здесь и задача переводчика неразрешима, так как в разных греческих версиях тексты не одинаковы и могут быть по-разному проинтерпретированы.

В одной редакции (Stephanos 1550), отражающей сложившиеся в Византии к 16-му веку текст Нового Завета, стихи 8 и 10 выглядят так: (8) υμεῖς δὲ μὴ κληθεῖτε ραββί εἰς γὰρ ἐστὶν υμῶν ὁ καθηγητὴς ὁ χριστὸς πάντες δὲ υμεῖς ἀδελφοὶ ἐστε («никому не говорите «Рабби» (учитель), так как у вас один **высший учитель** (καθηγητὴς) – Христос, вы же все братья, и (10) μὴδὲ κληθεῖτε καθηγηταὶ εἰς γὰρ υμῶν ἐστὶν ὁ καθηγητὴς ὁ χριστὸς (и пусть вас не называют высшими учителями (καθηγηταὶ), так как так как у вас один **высший учитель** (καθηγητὴς) – Христос.

В другой редакции (Westcott and Hort, 1881), основанной на двух древнейших известных манускриптах, Синайском и Ватиканском, стих 8 звучит несколько иначе: (8) υμεῖς δὲ μὴ

κληθητε ραββι εις γαρ εστιν υμων ο διδασκαλος παντες δε υμεις αδελφοι εστε («никому не говорите «Рабби» (учитель), так как у вас один **учитель** (διδασκαλος), вы же все братья), в то время, как стих 10 звучит почти так же, как и в версии Стефаноса. То есть здесь не уточняется, кто учитель христиан (это может быть и Иисус сам, и Бог), но зато различается учитель и высший учитель, лидер (то, что в синодальной русской версии стало «Наставником»). Высший учитель христиан – Христос.

В чем смысл этих стихов? Напрашиваются несколько вариантов интерпретации. Самый распространенный в среде верующих – что Иисус требует никак не называть высшим учителем, лидером, кроме его самого. Другая возможная интерпретация состоит в том, что оба пассажа вложены в уста Иисусу евангелистом или его поздними редакторами, чтобы подчеркнуть величие и монополию на истину Иисуса Христа. Такая интерпретация вполне возможна, так как пафос слов самого Иисуса в возвеличивании Бога, а не себя, а себя – только тогда, когда нужно подчеркнуть Божественное в человеке. Но есть и третья интерпретация, которая примеряет первые две: эти слова, действительно, принадлежат Иисусу, но слово «Христос» означает не человеческую личность – Иисуса Христа, а нечто совсем иное – Божественную «часть» человеческой души, Бога в человеке. Только у Бога в себе должны учиться и только Богу в себе должны следовать все христиане.

Именно эта третья интерпретация выявляет скрытый, но единственный подлинный смысл слов Иисуса, согласующийся с его требованием не делать из его личности объект культа, о чем он говорит часто.

Это важнейший момент для понимания евангелия – необходимо развести личность человека Иисуса и Божественную сущность человека – Христа. Иисус и Христос – это не одно и то же. Без понимания этого евангельские тексты оказываются очень легко уязвимыми для критиков.

Третья интерпретация делает слова Иисуса легко понятными: прежде всего, вы – дети Бога: вы несете в себе Божественную сущность, Которая и есть ваш единственный учитель и вождь.

11-12. Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится.

Это повтор того, о чем Иисус уже говорил: задача старшего в духовной иерархии служить младшим, помогать им в работе духовного роста. Только через эту службу возможно реальное возвышение, иные любые славлюбивые, властолюбивые, тщеславные попытки возвысить себя ведут к духовной деградации.

13. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете.

Очень серьезное обвинение. В самом деле, сосредотачиваясь на обрядовой, поведенческой, стороне религиозных предписаний, религиозные лидеры (и не только во времена Иисуса, но очень часто и потом, и сегодня, в наше время) препятствуют духовному развитию «паствы», загораживают им вход в Царство, утяжеляя тем самым и свою личную карму и карму своей организации. Потому то и «горе вам». Но... здесь надо сказать и об одном «смягчающем обстоятельстве» такого поведения религиозных иерархов. Сохраняя «ритуальную религию», они очень часто в старых формах хранят великое Содержание, которое еще не может быть восстребовано современными людьми, еще пока не доросшими до понимания этого Содержания, пока еще не могущими его «вместить». Люди дорастут только через несколько веков (или даже тысячелетий). И тогда им откроется тайный смысл того, что десятки поколений их предков бездумно исполняли как «глупый» религиозный обряд.

Так что и «музейном христианстве» сегодняшнего православия или сегодняшнего иудаизма есть свой смысл. Но карму закрывавших путь в Царство это «оправдание» облегчает несильно.

14. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение.

Речь идет о практике, распространенной и сегодня, – принуждению человека добровольно отдать свое имущество религиозной организации. Вдовы были и остаются особенно беззащитными перед такой практикой.

15. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас.

Это еще более жетский упрек – вместо того, чтобы вести человека к Богу, религиозные деятели препятствовали его духовному росту. По сути о том же Иисус говорит и в стихе 13.

16-22. Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? Также: если кто поклянется жертвенником, то ничего, если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен. Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? Итак клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем; и клянущийся храмом клянется им и Живущим в нем; и клянущийся небом клянется Престолом Божиим и Сидящим на нем.

Неудачный перевод. Смысл оригинала (λεγοντες ος αν ομοση εν τω ναω ουδεν εστιν ος δ αν ομοση εν τω χρυσω του ναου οφειλει) в том, что поклявшийся храмом не связан клятвой, а поклявшийся золотом храма связан. (Аналогично и с клятвой жертвенником.) Здесь видна полемика с ранне-талмудическими попытками, играя словами и логикой, произвольно интерпретировать текст Закона так, как этого хочется интерпретатору. Подобного рода попытки предпринимались и предпринимаются сегодня и внутри христианской церкви, когда нужно обойти то или иное неприятное для интерпретатора требование Иисуса. Против такой игры со словами,

извращающей их суть, и выступает Иисус.

23-24. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцезживающие комара, а верблюда поглощающие!

По сути, продолжается разговор о том же – формальном отношении к требованиям религии, при котором утрачивается суть этих требований – *важнейшее в законе*. И эта болезнь перешла к будущим христианам: они совершают десятки разных действий, не заботясь о том, насколько их действия совершенствуют их душу, приближают ее к Богу. В словах Иисуса здесь звучит жесткий сарказм: нужно давать десятую часть храму, так вы и даете ее пусть даже и с любой полевой травы, а вот о главном вы не помните.

25-26. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

Речь идет о требовании чистоты посуды (идущего со времен Моисея (Числа 31:20-23) до наших дней, когда новую посуду моют в микве, бассейне с проточной водой, который используется так же и при принятии еврейства – своего рода, «иудаистского крещения», см. комментариев к 3:5-6). Смысл слов Иисуса в том, что посуду чистите, а свои души - нет. Упрек, который в наши дни можно отнести ко многим современным фарисеям разных вероисповеданий.

27-28. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Тот же упрек, но выраженный другими словами. Более современным был бы перевод не «окрашенные гробы», а «изукрашенные гробницы» (или «мавзолеи»).

29-33. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в [пролитии] крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?

Здесь два вызова фарисеям и книжникам.

Первый, что они – дети убийц пророков. А это означает, что на них все равно лежит вина за эти убийства, даже несмотря на то, что они лично в этих убийствах не участвовали. (В Ветхом Завете Бог часто говорит, что он наказывает потомков за вину предков.) Так работают законы кармы – ответственность за деяние переносится и на потомков. Это нетрудно заметить в окружающей нас жизни и с отдельными людьми, например, когда сын богача наследует богатство, а сын бедняка – бедность (на самом деле, подобных «наследований» гораздо больше – образование, культура и т.д. и т.п.), и с целыми народами, когда отцы своими деяниями поготавливают хорошую или плохую жизнь для своих сыновей.

Второй – что они «недалеко упали от яблони» и, хотя они это и отрицают, но и сами готовы обagrить и обagrят руки кровью пророков – Иисуса и первых христиан, продолжив тем самым дело убийц-отцов. («Дополняйте меру отцов ваших» перевод почти дословный, хотя «пополняйте» было бы здесь точнее для πληρώσατε, но другой русский перевод «продолжайте пополнять чашу злодейств ваших отцов!» («Слово Жизни») передает смысл яснее).

34-39. Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного

до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что всё сие придет на род сей. Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!

В этих словах довольно явно читается дополнения евангелиста, вложенные в уста Иисусу (все, что подчеркивает Божественность Иисуса, например, многочисленные попытки «собрать птенцов» (к слову, в оригинале насадка собирает цыплят - ορνίς τα νοσσία εαυτης υπο τας πτερυγας)), но, возможно, основа тирады принадлежит и самому Иисусу.

В переводе некоторые места переведены слишком вычурно и их смысл теряется. «На род сей» (γενεάν) может с равным успехом иметь смысл и «на это поколение». Если смысл такой, то данное пророчество сбылось – Второй Храм был разрушен, максимум, через несколько десятилетий после проповеди Иисуса (в 70-м году). (Впрочем, можно и предположить, что евангелист, пишущий после разрушения Второго Храма, специально вложил в уста Иисуса сбывшееся пророчество.) «Пуст» есть не во всех манускриптах. Без этого добавления – «Оставляю вам дом ваш» – звучит еще более драматично, хотя смысл остается тем же. «Грядый во имя Господне» точнее «идуший во имя Господина (κυρίου), другими словами, речь идет не о Мессии, а о тех, кого Мессия послал: «угроза» состоит в том, что Мессия не придет до тех пор пока не благославят его учеников (то есть христианскую церковь). Отсюда видно, что эти слова тоже могут быть «авторским (или редакторским)» добавлением.

Глава 24

1-2. И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено.

Евангелист, пишущий уже после того, как второй храм был разрушен в 70-м году римлянами, вкладывает в уста Иисуса уже сбывшееся пророчество. Едва ли стоит, как это сделал Булгаков в «Мастере и Маргарите» искать в этих вторых второй смысл – «разрушение храма старой веры». Это же сбывшееся пророчество проходит красной нитью через всю 24-ю главу евангелия от Матфея. Разрушение храма было для евреев того времени, в самом деле, концом света, фактически, в буквальном смысле слова.

Но тем не менее, этим внешним и самым очевидным смыслом пророчество Иисуса о конце света не исчерпывается; у него есть и более скрытые смыслы. Один из них стал основой всех христианских фантазий о Страшном Суде – одном из главных сюжетов всех культур, созданных христианством, - фантазий, хорошо нам знакомым и по нашему собственному времени, когда ощущение происходящих в мире изменений порождает просто-таки массовый психоз ожидания грядущего конца мира и чуть ли не официального объявления наступающего 2012 года «Годом конца света».

Однако у пророчества Иисуса есть и еще более глубокий смысл, обычно мало понимаемый, который делает его даже не вполне пророчеством, а скорее – рассказом о нашей жизни, такой, какой она пребывала и во времена Иисуса, и в наше время, и будет пребывать еще долго. Грубо говоря, этот самый глубокий смысл Иисусова пророчества состоит в том, что нам не нужно ожидать, когда мы окажемся под властью антихриста и сатаны, потому что мы все время живем под их властью. И будем жить под их властью, по крайней мере, до тех пор, пока этого не поймем. А вот когда мы это поймем, тогда-то и начнется наше избавление от их власти и подготовка ко второму пришествию и воцарению Власти Света.

3. Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Как относиться к последующему рассказу о втором пришествии? В самом ли деле Иисус говорил о том, что должен

прийти на землю еще раз? Или же евангелист мешает здесь реальные слова Иисуса с уже ставшей легендарной в христианской среде историей о конце мира и пришествии Мессии, добавляя к ним и свои собственные впечатления от гибели Иерусалима в 70-м году в ходе Иудейской войны? Думается, что второй ответ гораздо ближе к истине – едва ли Иисус стал бы говорить о том, о чем знает точно (по его же словам) только Отец.

4-5. Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: 'Я Христос', и многих прельстят.

Тут два возможных прочтения. Первое – Иисус предостерегает против лже-мессий (χριστός в переводе с греческого «мессия»). Второе – Иисус предостерегает против лже-христиан, когда его последователи будут говорить якобы от его имени, но вещи совершенно чуждые христианству. Первое прочтение кажется более точным текстологически, второе – исторически: не так много было в истории желавших объявить себя Мессией, но очень много «знатоков христианства», которые говорят от лица самого Иисуса. Они действительно прельстили многих, в очень многом выхолостив христианское учение.

6-8. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это – начало болезней.

Греческое ἀρχὴ ὀδύων может быть переведено в переносном смысле как «начало мучений», но гораздо более осмысленен буквальный перевод – «начало родовых схваток». Так начинается новый мир. Начало это продолжается уже два тысячелетия и неизвестно, сколько еще продлится (об этом речь пойдет ниже). Мы все эти две тысячи лет слышим о войнах, о столкновениях между народами и царствами, голоде и землетрясениях. И не знаем, сколько нам еще слышать обо всем

этом. Но, конечно, нам **ОЧЕНЬ** важно понимать, что это все – родовые муки прихода Нового Мира.

И, наконец, еще один важнейший вопрос – почему всему этому «надлежит быть»? Об этом мы поговорим дальше.

9-12. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь;

О чем говорит Иисус? Когда и кто будет ненавидим? Идет ли речь о первых трех веках христианства или же Иисус говорит о будущем (даже по отношению к нам сегодняшним) времени, как думают сегодня христиане, готовясь к наступающему концу света и готовые «претерпеть все до конца»? Очевидно, что обе такие трактовки наивны. Речь идет о гораздо более долгом историческом периоде, растянувшемся уже на 2000 лет. Все это время – и до, и после официального признания христианства – ненавидимы были те христиане, которые изобличали социальные и пороки. Те, кто говорили и говорят народам об их язвах, об их нехристианской жизни. Дело это никогда не было ни благодарным, ни легким. И по разным причинам – часто благовидным, но всегда не без самообмана – многие христиане уклоняются от этой работы («соблазняются») и предают друг друга, а главное саму суть учения христианства – требование жить по Совести. Недостатка же в «учителях», которые призывают к подобному уклонению и поощряют его, среди христиан никогда не было. Это и есть лже-пророки. Впрочем, сегодня в канун очередного апокалиптического 2012 года нет недостатка и в иных пророках, которые тоже не остаются без последователей.

И все это время, все две тысячи лет, мы наблюдаем охлаждение любви, или правильнее сказать – ее катастрофический недостаток, почти полное ее, любви отсутствие.

13. претерпевший же до конца спасется.

Спасется тот, кто сумеет пройти через все это. Что это значит, особенно учитывая, что продолжительность «всего этого» гораздо дольше времени человеческой жизни? И почему (как только что это говорил Иисус) всему этому (всем предсказанным им бедам) надлежит быть?

Речь идет в данном случае не столько о спасении одного человека, сколько о спасении человечества – о переходе человечества в качественно новое состояние, в состояние, когда сознание людей будет гораздо более развитым и царить в нем будут не низкие мысли и чувства, а высокие – любовь и мудрость. Это и есть «спасение». Но переход к этому новому состоянию очень болезненен, так как неразвитое сознание может расти, главным образом, «из-под палки»: ему необходимы разного рода страдания, которые стимулируют его к росту. Вот почему «надлежит быть» и вот почему, только пройдя путь страданий до конца, человечество сможет перерасти страдания.

14. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.

В наивном популярном понимании речь идет о первых веках распространения христианства, но, конечно, это не так. Мало прочитать евангелие – нужно его понять. Вот когда Евангелие Царства будет не только услышано, но и ПОНЯТО всеми людьми, тогда и «придет конец». Конец старого мира и он же – начала Царства Бога на земле. Но до такого пока что нам еще очень далеко.

15-19. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, –читающий да понимает, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни!

Поверхностный смысл здесь в том, что евангелист устами Иисуса говорит о разрушении Иерусалима в 70-м году (сравни с прямой передачей этого смысла у Луки (21:20-28)). Но автор евангелия от Матфея пишет гораздо менее явно, чем автор евангелия от Луки. И не случайно. Потому что у этих слов есть и более глубокий смысл.

Ключевые слова здесь – «читающий да понимает». Это явное указание, что понимать сказанное нужно в переносном смысле. И действительно, ни от наводнения, ни от извержения вулкана – бедствий самых обычных, бегством не спасешься. Значит, речь идет о других бедствиях и о другом бегстве. Нужно своей душой убежать вверх от мерзости запустения, которая затапливает мир. Только так можно спастись. Только так избранные и спасаются уже две тысячи лет. Не берите с собой ничего из земных ваших привязанностей – все это будет мешать бегству. Даже – привязанности к детям («горе беременным...»). Бегите Наверх («в горы») как вы есть.

20-22. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни.

«Ибо» здесь добавлено переводчиками произвольно. В оригинале такой связки нет. Смысл двух последних фраз понятен – если человечество продолжало бы всегда вести себя так, как оно себя ведет, то оно бы просто уничтожило себя. Но такое самоуничтожение не вечно благодаря тому, что лучшие люди человечества «вытягивают его из болота» самоуничтожения.

Почему нехорошо бежать в субботу, понятно – это нарушение заповеди о субботе – евреи не могли ходить на далекие расстояния в субботу. Адресуясь к религиозным евреям, евангелисту естественно сделать такую вставку. Вероятно, упоминание зимы имеет тот же смысл придания пророчеству жизненной достоверности. Символичность здесь не просматривается.

Но, конечно, первые читатели евангелия от Матфея

воспринимали эти слова в совершенно ином контексте – как бегство от римлян, обрушившихся на Иерусалим. И в этом контексте ни молитвы о том, чтобы это событие не пришлось на зиму или на субботу, звучали для них совершенно естественно: в горах лучше прятаться летом, а не зимой.

23-26. Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: `вот, [Он] в пустыне', – не выходите; `вот, [Он] в потаенных комнатах', – не верьте;

Очень актуальное предупреждение, которое звучит уже не первый раз. Речь опять-таки идет не о личности – Иисусе Христе, а о Мессии, за которого будут выдавать себя лжемессии. В самом деле, едва ли не всю историю христианства верующих пытаются убедить, что Христос находится в потаенных, залтарных комнатах церковных зданий. Впрочем, немало было и тех, кто искал Христа в пустынях и в пустынях, будучи направлен туда теми, кто говорили, что уж они-то точно знают, где находится Христос и как его найти. Так, в самом деле, прельщали и избранных.

Опять-таки самый поверхностный и естественный для первых читателей евангелия смысл заключался в том, чтобы не верить лжемессиям и лжепророкам, во множестве появившимся во время Иудейской войны, закончившейся для евреев так плачевно.

27-31. ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их.

Этот пассаж, в котором грядущий Мессия несет наказание людям и опускается на виновных, как стервятник на труп, заставляя все племена восплакать, по-видимому, принадлежит исключительно самому евангелисту, рассказывающему о событиях пережитых им во время разрушения Иерусалима (трупа) орлами-римлянами.

32-35. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите всё сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё сие будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

Греческое γενεά имеет два значения – род и поколение. Соответственно, и смысл слов Иисуса о времени – двойной. Поверхностный (когда речь идет о поколении) – это сбывшееся пророчество о гибели Иерусалима в 70-м году и рассеянии евреев, которое евангелист приписывает Иисусу. Более глубокое – о том, конец света произойдет при жизни человечества (рода человеческого).

36. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один;

Очень важное замечание для всех многочисленных «математиков», вычисляющих дату конца света. Нет смысла в подобных пророчествах. Никто не знает этого дня. (Или – этого тысячелетия.) Не менее важно здесь и то, что это добавление показывает, что слова Иисуса относятся не к разрушению Второго Храма и, уж определенно, не только к этому событию – у них есть и более глубокий смысл – тот самый, который только и важен для нас.

37-41. но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого; тогда будут

двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется.

И здесь евангелист говорит о втором пришествии в трагических тонах: если раньше приход Сына Человеческого сравнивался с налетающими на труп стервятниками, то теперь – со всемирным потопом. Такая трагичность постигающего человеческого род божественного наказания вполне однозначно свидетельствует о том, что данные слова принадлежат самому евангелисту и, скорее всего, не имеют никакой первоосновы в словах Иисуса. Эту же мысль подтверждает и отношение к гибели одних людей и к спасению других, как к роковой случайности.

42-44. Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

А вот здесь слова Иисуса явно выглядывают из-под передачи евангелиста. Знаменитое «бодрствуйте» – важнейшее требование не только христианской, но и любой продвинутой религиозной жизни. «Бодрствуйте» значит пребывайте в особом, «бодрствующем» состоянии сознания – состоянии, когда человек воспринимает мир и, прежде всего, самого себя реальным, а не фантастическим, придуманным. Когда человек видит вещи в мире и, прежде всего, в своей собственной душе, такими, какие они есть на самом деле. Обычно нам только кажется, что мы видим мир реальным. На самом же деле, наше сознание остается полусонным, и мир мы видим наполовину придуманным, полуиллюзорным. Избавиться от этих иллюзий, «проснуться» - важнейшая задача духовного развития. Но задача совсем не простая.

45-51. Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет

поступающим так; истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его. Если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, – то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов.

И здесь слова Иисуса явно слышны через угрозы зубовного скрежета и рассечения (в оригинале это даже более натуралистично: διχοτομήσει – «он рассечет его на две половины»): раб, кого поставили кормить других рабов (вообще-то, стих 45 имеет в разных манускриптах несколько редакций, но общий смысл остается тем же), должен делать то почетное дело, которое ему поручено, – кормить всех домочадцев (в том числе, и духовной пищей) вовремя. И негоже ему пьянствовать и, тем более, измываться над теми, о ком он поставлен заботиться.

Глава 25

Три притчи. Об этом необходимо помнить: речь идет не о реальных событиях, а о притчах – способах представить мысль в образной форме. Христиане частенько об этом забывали, когда им хотелось отправить кого-то во «тьму внешнюю», или в «муку вечную» (а желания такие посещали и посещают сегодня христиан нередко), полагая, что они следуют учению Иисуса, и, подобно любому двоечнику, они не сомневались, что понимают Писание правильно – «в самом деле, че тут понимать-то – все же написано».

1-13. Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои.

Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.

Комментаторы (прежде всего, западные) интерпретируют эту притчу просто: чтобы встретить смерть, которая может наступить в любой момент (так они понимают встречу с женихом), нужно все время вести праведную христианскую жизнь в соответствии с правилами церкви.

Но при этом они не обращают внимание на бросающуюся в глаза загадочность. Действительно, смотрите – как странно получается, как история расходится с моралью (выводом): ведь заснули и те, и другие – никто не бодрствовал. В то же время на пиру, оказались не те, кто бодрствовал, а те, кто взяли с собой масло. В чем тут дело? Пересказчик (евангелист) что-то перепутал? Или переводчик на русский язык? Давайте посмотрим.

Нет, переводчик ничего не напутал: в самом деле, значение ὑπνῳρεύετε в оригинале – «бодрствуйте, будьте бдительны». Тогда в чем же здесь дело: почему одни из спящих оказались на брачном пиру, а другие нет? Именно такие бьющие в глаза противоречия и указывают на то, что где-то здесь спрятан очень глубокий смысл.

В самом деле, что такое масло в светильниках, о котором мудрые девы позаботились, а глупые – нет? Чем светят наши светильники? Послушанием приказам церкви? Это делает нас достойными Царства? Или что-то другое? Конечно, другое. В Царство нас доставляет определенное состояние души. Это состояние, когда мы разотождествлены (используя психологический слэнг) со всеми земными заботами и как бы приподняты над своей душой. Мы как бы сливаемся со своим «Высшим Я» и пребываем в особом, «бодрствующем»

состоянии, когда ясно видим и себя самих, и большой Божий Мир таким, какой Он есть. Тогда-то и горит наш светильник. Так вот в чем тут дело: само состояние духовного бодрствования – это и есть наше масло, масло для нашего светильника! Пребывая в этом состоянии, мы начинаем светиться душой. Вот что имел в виду Иисус. (Здесь можно определенно сказать, что это был он, так как только самые высокие из авторов Библии были способны задавать читателю подобные загадки.)

14-30. Ибо [Он поступит], как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал [его] в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во

тзму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Талант – примерно 17 килограмм (у римлян еще больше – 26 с лишним килограмм). Вот сколько серебра доверил хозяин своим рабам. И талант – способность, талант.

Почему имеющему дасться еще, а у неимущего отнимется? У имеющего и неимущего *что? Что* именно дается и (это еще более интригуяюще) *что* отнимается? *Как* дается и *как* отнимается? И, наконец, как бы более частный, но от этого не менее загадочный вопрос – что значит «жнешь где не сеял и собираешь, где не рассыпал»? В общем, что именно Иисус призывает услышать имеющих уши?

Ответы, как ни странно, лежат почти на поверхности. Речь идет именно о талантах – не о древних деньгах, а о наших талантах-способностях и наших возможностях свои способности реализовывать и тем самым развивать. Впрочем, способности и возможности только кажутся разными вещами. На самом деле, это просто два взгляда на одну вещь: мы способны что-то сделать только тогда, когда у нас есть для этого возможность, а возможность есть только при наличии способности. Грубо говоря, возможность – это «внешняя способность», а способность – «внутренняя возможность». Вот эти-то способности-возможности и есть те таланты, которые нам и даются (у нас отнимаются). Впрочем, чтобы лучше понять состав таланта, нужно раскрыть содержание того, из чего состоят наши возможности. Но об этом чуть позже.

Мы по-разному поступаем со своими возможностями-способностями. Иногда реализуем и тем самым развиваем. Иногда – нет («закапываем в землю»). Реализованная способность дает нам новые способности, то есть возможности делать то, чего раньше мы делать не могли. Реализуя свои способности, мы прежде всего обогащаем свою душу и только таким образом обогащаем Хозяина – делаем его раба лучше. То, что было только потенцией, возможностью, становится нашим опытом, нашим умением-знанием. А когда мы этот опыт отчуждаем, он попадает не только в нашу личную сокровищницу, но и в сокровищницу опыта всего человечества. Но, расширяя свой опыт, мы расширяем и свои возможности

делать – получаем возможность делать то, что было для нас раньше слишком крупным делом, и таким образом получаем новые способности. Совсем простенький пример такого рода: ученик освоивший сложение, получает возможность заняться изучением умножения, а освоивший умножение – заняться изучением возведения в степень. Так построено математическое образования: освоив одни формализмы, человек подготавливает себя к освоению других. Таким образом «дается имеющему». Умному дается больше ума, доброму – больше доброты.

А каким образом отнимается у неимущего? Дело в том, что отказ от реализации имеющейся возможности ведет к уничтожению самой это неиспользованной возможности. Наша жизнь устроена так, что возможности наши не вечны – они открываются и исчезают. То, что может быть легко выучено в 2 года, например, язык, в 20 учится с большим трудом или не учится вовсе. Пропущенное очень трудно, а часто и вовсе невозможно наверстать. Возможность закрывается, а вместе с нею – и способность. Такие похороненные способности мы видим во множестве: сколько многообещающих поэтов, музыкантов, математиков так и остаются вечно обещающими!

Значит, имущий и неимущий в притче – это не просто имеющий и не имеющий способность-возможность, но имеющий или не имеющий *рвение* реализовывать свои способности, используя свои возможности для этого. Впрочем, это рвение тоже составляет часть способности-возможности – без него сделать ничего нельзя: сколько безвольных, ленивых и как будто бы очень способных людей так и остались лишь с воспоминаниями о своих способностях, в то время как их вроде бы менее способные, но трудолюбивые товарищи преобразовывали мир и свои собственные души. Вот эта триада, этот сплав – *способность-возможность-рвение* – и образует талант. Тот самый, который дается имеющим его (то есть имеющим: а) способность, б) рвение, в) возможность) и отнимается у тех, у кого его нет (то есть кому не хватает любого из трех ингредиентов, составляющих талант).

А почему «жнешь где не сеял»? Потому что весь этот процесс созревания таланта и гибели таланта идет как бы сам собой – так устроен наш мир: его кармические и его психологические законы. Все происходит так же «само собой»,

как сами собой воспроизводят себя и гибнут растения. Но результатом этого процесса является формирование биосферы земли – урожай в «божьей житнице». Таким же урожаем является и формирование психосферы – совокупной души человечества, которая развивается и растет через развитие талантов отдельных людей. Так работа по реализации своих талантов – поднимает душу и одного человека и человечества в целом, приближая их к Богу, к Царству Небесному. «Жнешь где не сеял» вообще очень важная ремарка, так как она приоткрывает завесу над механизмом участия Бога в жизни людей. У христиан (и не только у них) всегда существовало стремление преувеличить эту роль, сделать Бога непосредственным участником своей жизни и тем самым перевалить на Его плечи значительную часть своих забот и своей ответственности. Реальный же мир устроен совсем иначе: очень многое зависит от нас самих – Бог же «жнет, где не сеял».

31-46. Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда

и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

Еще одна загадочная притча. Конечно, ее поверхностный смысл очевиден: ожидается большой суд, на котором милосердные получают награду, а жестокосердные будут наказаны. Точка. Вывод простой: идя в церковь, не забудьте медные деньги, чтобы дать их нищим. За это будет вам хорошо (даже если все остальное время вы этих нищих обираете), а без этого будет вам плохо. С таким пониманием мира и без каких бы то ни было сомнений в своей правоте большинство христиан прожило 2000 лет и продолжает в той же уверенности пребывать сегодня.

Однако минимальная пытливость не может не заставить человека задуматься, а что же все-таки имел в виду Иисус? И если человек не отгонит этот вопрос привычным «Все сказки, никакого Иисуса не было и поэтому ничего он иметь в виду не мог», то перед ним может открыться очень величественная картина. Чем, в самом деле, хороша милость для Бога и чем плохо жестокосердие? И что значит, что милосердие награждается райским блаженством, а жестокосердие карается адскими муками?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно представлять характер наших взаимоотношений с Высшими Мирами – Тем Самым, что мы, люди авраамических культурных традиций называем словом «Бог» (или по-арабски «Аллах», а по-английски «God» и т.д.). А для этого нужно представлять устройство и жизнь всего Мира, состоящего и из Высших Миров, и из миров пониже, и из совсем низких миров вещественных, «построенных» из физического вещества. Все эти миры находятся в непрерывающемся взаимодействии, которое можно назвать «круговоротом Духа»: Дух спускается из Высших Миров в нижние, а затем снова поднимается Вверх. Работу же и по спуску и по подъему Духа осуществляют обитатели Мира, существа-организмы, наделенные

соответствующими способностями: воплощать, «сгущать» дух, преобразуя его в более плотные формы, и «возгонять», «разуплотнять» дух, преобразовывать его в менее плотные формы. Одни существа передают продукты своей работы другим – более высоким в «разуплотняющем», «возгоняющем» потоке поднимающегося духа или более низким в «сгущающем», воплощающем духовном потоке. Эти процессы легко видеть в нашей жизни. Например, мы получаем духовные потоки сверху в виде идей. Воплощаем эти идеи, а затем осмысливаем сделанное нами и передаем смыслы проделанной нами работы Наверх. Можно сказать, что мы кормим Верх смыслами, а Верх кормит нас идеями. Но мы кормим Верх не только смыслами и кормимся не только идеями. Точнее сказать, пища, которую мы получаем, кажется нам идеями только, когда мы воспринимаем ее в определенном ракурсе. Воспринимаемая в другом ракурсе (другими «духовно-вкусовыми рецепторами»), она предстает для нас как красота, гармония мира. А в еще одном ракурсе – как Божественная любовь. Здесь все зависит от того, какие из «рецепторов» у нас сильнее развиты. И точно так же, направляемые нами Наверх потоки представляют собой не «чистые смыслы», а имеют более сложный состав, в котором задействованы все лучшее, что есть в наших душах, и прежде всего, любовь.

Вот поэтому и «сделали Мне». Помощь «малым сим» важна не сама по себе. Она важна, прежде всего, потому, что она преобразует душу помогающего, поднимает ее, наполняет ее любовью. И эта наполнившая душу любовь передается в Высшие миры, питает их. И точно так же, жестокосердие души приземляет ее и душа перестает питать Высшие миры.

И в то же время, душа, наполнившаяся любовью, сама поднимается Вверх и ее усилившиеся связи с Высшими мирами питают и ее саму, причем, питают именно тем, что люди называют райским блаженством. И наоборот, душа, ослабившая свои связи с Высшими мирами, вынуждена переходить на иное питание, которое она получает из совсем иных миров: ледянящий ужас, огненная злоба, засасывающая алчность – в общем, «муку вечную».

Глава 26

1-2. Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

Символичность всего последующего рассказа не просто бросается в глаза вдумчивому читателю, но и многократно подчеркивается самим евангелистом. Тем не менее, это не помешало многим поколениям христиан воспринимать весь этот рассказ буквально, не обращая внимания на всю его противоречивость и нереальность, которые призваны подчеркнуть символичность описаного.

Итак, все начинается с того, что именно в Пасху должна быть принесена страшная жертва Богу – не барашек, не козленок, как это делалось у евреев на Пасху (Песах), а лучший из людей. Впрочем, годовалый козленок или барашек-агнец, закалываемый на Пасху, не должен был иметь порока (Исход 12:5). Кровь пасхального козленка была оберегом бегущих из Египта евреев в то время, как Бог поражал всех египетских первенцев. Таким образом, убитый козленок спасал души еврейских первенцев.

Так создавался смысловой контекст, который формировал у читателей евангелия определенный образ: невинный агнец, спасающий своей кровью других людей. Почему и зачем понадобилась Богу ТАКАЯ кровавая жертва, христиане предпочитают себя не спрашивать. Но мы обязаны этот вопрос себе задать и получить на него до конца ясный ответ: зачем понадобилось распинать сына человека?

3-5. Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

Здесь начинаются «несуразицы». Зачем было брать Иисуса хитростью, когда это можно было сделать без всякой хитрости. И почему возмущение народа (если оно предполагалось)

должно быть связано именно с пасхой. Западные комментаторы полагают, что дело тут в большом скоплении народа в Иерусалиме, включая и присутствие многих последователей Иисуса из Галилеи, которые могли бы отбить своего пророка. Но весь последующий ход событий показывает, что это не остановило священников. Такие «несуразицы» наводят, прежде всего, на мысль, что самого события в описываемом виде не было вовсе. И что в рассказе о смерти Иисуса важна не историческая, а символическая его составляющая.

6-13. Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

Символический смысл здесь – помазание, коронование, провозглашение царем. Слова Иисуса важны особенно, так как предупреждают учеников о недопустимости «формальной добродетели», даже такой, как помощь нищим. Добрые дела лишь тогда добры, когда делаются добрым сердцем. Именно поэтому, Иисус восстает против своих учеников и защищает женщину.

14-16. Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его.

Продолжение «нелепостей». В чем была нужда в предательстве, когда Иисуса знали в Иерусалиме едва ли не все его будущие палачи? Но ученик-предатель и предательство

учеников – очень важные символы. В самом деле, в некотором смысле, едва ли не все или просто все последователи Иисуса предают его, отклоняясь тем или иным образом от его Пути. Именно поэтому тема предательства вообще становится едва ли не центральной в этой главе. Правда, παραδῶσθω в оригинале соответствует русскому «предам» не в смысле совершу предательство, а в смысле «доставлю его вам», но это здесь ничего не меняет.

Любопытно, что западных комментаторов этого пассажа едва ли не больше всего занимает «цена вопроса». Все они разъясняют, что цена эта была совсем небольшой, равной цене одного раба, и увлеченно обсуждают причины такой низкой цены.

К списку «нелепостей» отнесем и то, что Иуда «с того времени ищет удобного случая» ровно два дня. Евангелист как бы специально предупреждает нас – «все было не так», не верьте, ищите глубинный смысл.

17-19. В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими. Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

То есть все это происходит 14 нисана. Здесь очень важный момент, что первый сейдер песаха (пасхальная трапеза, она же «тайная вечеря» или «последний ужин», если дословно перевести с английского «Last Supper») совершается в кругу семьи. То есть евангелист подчеркивает, что Иисус и его ученики – одна семья, и других семей у них нет.

20-25. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, на горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается:

лучше было бы этому человеку не родиться. При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? [Иисус] говорит ему: ты сказал.

Еще раз – тема предательства. Обратим внимание, как спокоен здесь Иисус – полное понимание, что происходит, что он делает и почему. Обратим внимание и на вложенную евангелистом в уста Иисуса ссылку на Ветхий Завет, буквально, «все идет по писанному». Речь идет об Исае (52:13-15 и особенно 53:7-12) и Данииле (9:26).

26-28. И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

Христиане превратили это в причастие – поедание в церкви хлеба, запиваемого кагором и сопровождаемого самовнушением, что они едят тело Христа и пьют его кровь. В реальности же Иисус говорил об ином – о необходимости помнить его слова («есть его тело», то есть слова, оформившие учение) и проникать в их смысл («пить его кровь», то есть дух его учения).

Дословный перевод $\alpha\iota\mu\alpha \mu\omicron\upsilon \tau\omicron \tau\eta\varsigma \kappa\alpha\iota\nu\eta\varsigma \delta\iota\alpha\theta\eta\kappa\eta\varsigma \tau\omicron \pi\epsilon\rho\iota \rho\omicron\lambda\lambda\omega\nu \epsilon\kappa\chi\rho\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu \epsilon\iota\varsigma \alpha\phi\epsilon\sigma\iota\nu \alpha\mu\alpha\rho\tau\iota\omega\nu$ – «кровь моя, которая есть мое завещание многим и которая течет для прощания грехов». Ясно, что синодальный перевод сильно отходит от подстрочника по смыслу, идеологизируя слова Иисуса таким образом, чтобы они ближе подходили к устоявшейся в церкви их интерпретации (вообще говоря, бессмысленной и нелепой, но, тем не менее, единственной доступной пониманию многих десятков поколений верующих). Мы только сегодня приближаемся в своем развитии к возможности понять их истинный смысл.

Почему кровь изливается за многих во оставление (не оставление, конечно, а прощение – $\alpha\phi\epsilon\sigma\iota\nu$) грехов? Это уже и о духовной, и о физической крови тоже. Потому что распятие венчает Путь Иисуса, а точнее два пройденных им пути – Путь

личностного совершенствования своей души и путь учительства, соединяя их и в один и становясь их общей кульминацией и триумфом Иисуса. Именно поэтому такой жестокий конец жизни, ставший началом Жизни Вечной, и был необходим. Об этом мы еще будем говорить не раз.

29. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое [вино] в Царстве Отца Моего.

Здесь очень важная мысль. Иисус не говорит «пока не буду пить вина в Царстве», а говорит «пока не буду пить нового вина в Царстве **с вами**». Учитель поднимается Наверх и удостаивается «нового вина», только когда он поднял за собой Наверх и учеников.

30-31. И, воспев, пошли на гору Елеонскую. Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада;

Еще одна ссылка на ветхозаветное пророчество – Захария 13:7. «Воспев» имеется в виду спев по обычаю в конце пасхальной трапезы четыре псалма – со 115 по 118.

32-36. по воскресении же Моем предварю вас в Галилее. Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики. Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

Снова тема предательства. Оно подстерегает каждого, даже самого верного и вопреки его намерениям: стоит только на секунду поддаться своей «нижней психике» или же просто неправильно понять происходящее – и предательство готово: путь верности тонок как острие бритвы.

37-39. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты.

Это важнейший момент. До сих пор казалось, что Иисус сознательно и добровольно идет на крест с полным пониманием необходимости распятия. И вдруг здесь евангелист рисует совсем иного Иисуса – Иисуса очень человеческого и подверженного самому обычному искушению, искушению жизнью. Однако при этом евангелист говорит нам и другое – у этого последнего моления свидетелей не было: Петр, Иаков и Иоанн в это время спали. Другими словами, это означает признание в том, что рассказ этот вымышлен, не биографичен. Но евангелисту нужно показать внутреннюю борьбу Иисуса и его сознательное решение подчинить себя воле Отца. Таким образом, хотя, казалось бы, и очень психологически достоверный эпизод имеет, прежде всего, дидактическую нагрузку – дать пример последователям Иисуса. Что же касается его реальной, а не кажущейся психологической достоверности, то ни он, ни некоторые последующие слова Иисуса, как раз психологически достоверными не кажутся. И вот почему. Уже впервые появившийся в рассказе евангелиста Иисус, еще во время крещения у Иоанна и, тем более, искушаемый в пустыне дьяволом, предстает перед нами человеком очень высокого уровня духовного развития. Мы, конечно, не знаем и не можем знать, где и как Иисус поднялся на эту ступень, но то, что ступень эта очень высока, никаких сомнений не вызывает. И уже на этой ступени внутренняя борьба, подобная той, которую евангелист описывает на Гефсиманской горе, была для Иисуса пройденным этапом. Духовное развитие поступательно, и поэтому возврат на уровень, гораздо более низкий, чем тот, который мы видим у Иисуса на протяжении всего евангельского рассказа, невозможно. Оно недостоверно для ЕВАНГЕЛЬСКОГО Иисуса именно психологически. Но зато оно очень достоверно для

самих читателей евангелия на протяжении двух тысяч лет. Все мы, читая эти строки, и отождествляя себя с Иисусом, прекрасно чувствуем, что такая внутренняя борьба ДЛЯ НАС была бы совершенно естественной и еще неизвестно, кто в этой борьбе бы победил. Вот это-то последнее обстоятельство и «оправдывает» вымысел евангелиста. Этим вымыслом он «втягивает» читателя в евангельскую историю, делает нас ее соучастниками, заставляет нас пережить ее вместе с Иисусом.

40. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?

Мы всегда готовы много обещать. И не только другим – самим себе. Но порой не можем сделать и самого малого. Об этом было раньше иисусово «Не клянитесь». Сейчас к этому «не клянитесь» приложена яркая иллюстрация. Путь тяжел, и сорваться можно каждую секунду.

41. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

Снова «бодрствуйте». Это важнейшее «бодрствуйте». Пребывайте в бодрствующем состоянии души (о нем много говорил Г.И.Гуржиев) – разотождествленными сами с собой, наблюдающими за собой, постоянно помнящими себя. Правильная молитва помогает держать душу в бодрствующем состоянии, соединяя ее с духом и вырывая из объятий убаюкивающей ее «плоти». Такой плотью является не только наше тело, но и вся наша «нижняя психика», то и дело погружающая душу в мир грез, мечтаний, планов, размышлений, желаний и т.д. и не позволяющая ей вырваться Наверх, к Духу, к бодрствованию.

42-45. Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово. Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы всё еще спите и почиваете?

вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников;

Ох, как это непросто – бодрствовать! Даже тем, кого учил сам Иисус. Они даже не слышат его упрека – они спят. Впрочем, и этот рассказ очевидно вымышлен. После всего того, что ученики Иисуса уже знали с его слов, они, конечно, так себя вести не могли. Но в таком литературном вымысле большая жизненная правда.

46-50. встаньте, пойдём: вот, приблизился предающий Меня. И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его.

История предательства Иуды опять-таки поражает своей нелогичностью и как бы подчеркиваемой литературностью. Но особенно странным выглядит диалог Иуды и Иисуса: «Радуйся, Учитель (χαῖρε ραββί)!» - говорит Иуда и крепко (!) целует (κατεφιλήσε) Иисуса. – «Друг, делай то, для чего ты здесь (Ἐταίρε, ἐφ’ ὃ πάρεи)» - отвечает Иисус. Почти так же отвечал Иисус Иоанну, когда приходил к нему креститься – «Мы должны сделать свое дело». Это дает основание современным комментаторам выстраивать свои версии о том, что Иуда был не предателем, а партнером Иисуса в предстоящей страшной мистерии заклания пасхального агнца. Но, еще раз – у нас немного шансов *узнать*, как и что происходило на самом деле. Но зато мы можем постараться *понять*, о чем нам рассказывает евангелист. А одна из его главных тем в этой главе – тема предательства. И рассказ об Иуде при всей подчеркнутости его вымышленности (неестественность всей ситуации, когда в предательстве просто нет нужды, отсутствие мотива у Иуды, искусственность всей ситуации с ночным поцелуем) – это именно рассказ о предательстве близкого человека, которое, однако, не смогло пробудить в Иисусе вспышки ненависти. Мы

слышали на протяжении всего евангельского рассказа, каким резким мог быть Иисус в некоторых случаях. Но в его обращении к Иуде нет ни «отойди, Сатана», ни «порождения ехиднины» – нет ничего похожего.

51-52. И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут;

Очень важные слова, особенно если вспомнить «Не мир я принес, а меч». Ясно, что тогда Иисус говорил о мече в переносном смысле, сейчас же - в буквальном. И в самом деле, попытка решить дело силой по кармическим законам оборачивается рождением точно такого же намерения у того, против кого сила применена. Маховик злобы начинает раскручиваться. Сегодня, когда кулаки чешутся у очень многих, об этом особенно важно помнить. Это не означает, что сила может быть исключена из человеческих отношений вовсе. Это еще долго не станет возможным. Но уже сегодня возможно контролировать применение силы умом – не выпускать наружу свою злость и крушить все вокруг, а применять силу с пониманием того, *что* и *почему* ты делаешь. Но даже и такое регулирование сегодня скорее исключение, чем правило.

53. или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?

Фраза про вымолить у Отца легионы ангелов кажется явно не имеющей к реальным словам Иисуса никакого отношения. Можно предположить и то, что она принадлежит не самому евангелисту, так как во всей алогичности и непсихологичности событий этой главы даже она выбивается в сторону совсем полного неправдоподобия. Только что Иисус в рассказе евангелиста пытался о чем-то подобном молить Бога и сам же от этих попыток отказался. Поэтому совсем нелогично звучит сейчас его возвращение к этой теме. Впрочем, подобная парадоксальная алогичность является здесь и одним из главных

литературных приемов, которые использует евангелист.

54-56. как же сбудутся Писания, что так должно быть? В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же всё было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

Вопрос «Почему так должно быть?» евангелист не обсуждает, оставляя его нам. Ему, решающему определенные идеологические и литературные задачи, здесь важнее указать на предопределенность всех событий пророчествами Ветхого Завета.

Почему бежали ученики? От страха? В данном контексте более логично выглядит версия, что они бежали, исполняя в этой мистерии свою роль – роль рассеянных овец, точно так же, как Иуда исполнял роль предателя. Впрочем, у нас нет и не может быть достаточных оснований, чтобы превратить такие догадки в историческое знание.

Но ощущение, что евангелист описывает не реальные исторические события, а некую мистирию у непредвзятого читателя только крепнет. Особенно когда Иисус своими словами сам подводит читателя к мысли об абсурдности всего происходящего: зачем все это ночное действие, когда все то же самое можно было проделать уже давно, как только выяснилось, что предлагаемая Иисусом реформа старую религию разрушает?

57-66. А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: [что же] ничего не отвечаешь?

что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.

Странности продолжаютя. Казалось бы, найти доказательств вероотступничества Иисуса от канонов традиционного иудаизма для людей, не видящих за словами и обрадовыми действиями их смысловой сути, совсем нетрудно. Ну, скажем, он оправдывал работу в субботу, многократно называл себя (и других людей) детьми Бога, «редактировал» установления Моисеева Закона и т.д. и т.п. Но синедриону этого всего вроде бы как и недостаточно. Зато их почему-то задевают слова о разрушении и последующем восстановлении Храма, которые уж если о чем-то и свидетельствуют, то только о безумии говорящего их (либо уж, если воспринимать угрозу серьезно, о такой его силе, при которой любые покушения на такого человека сами становятся безумными). Но дальше оказывается, что и это Каифу не занимает, а занимает вопрос о том, считает ли Иисус себя Мессией. И почему положительный ответ на этот вопрос Каифа и синедрион считают богохульством? Ведь Мессия и должен быть человеком – во всяком случае, в пророчествах не сказано ничего, чтобы указывало на нечеловеческую природу Мессии. А раз так, то любого претендента на звание Мессии нужно было бы подвергнуть испытанию, чтобы убедиться, что его претензии необоснованы. Но и в случае необоснованной претензии здесь нет никакого богохульства и нет нужды первосвященнику рвать на себе одежды, что делалось лишь в случае большого горя, тем более что рвать на себе одежды первосвященник вообще не имел права по закону Моисея (Левит 21:10) (впрочем, о том, как, в самом деле, проходили судебные процессы такого рода во времена Иисуса, существуют разные мнения). Странное впечатление от всего происходящего усиливается тем, что дело

происходит ночью, хотя гораздо естественнее было бы отложить суд до утра.

В общем, все эти странности только подкрепляют все ту же догадку – рассказ евангелиста нельзя понимать буквально. Это еще одна притча: притча о том, как функционеры официальной религии убивают истинного Вестника Бога. Иллюстрациями такого рода – увы! – история богата и в последовавшие после смерти Иисуса времена.

67-68. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?

Странные игры – завязывать глаза и заставлять человека угадывать, кто его ударил, – для такого важного судебного процесса, проводимого Синедрионом. Слишком не вяжется с реальностью, но очень подходит для притчи.

69-75. Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько.

Кульминация темы предательства. Но это предательство не отдалило Петра от Иисуса и никак не повлияло на главенство Петра в церкви. Очевидно и эта история – притча, главная мораль которой, тем не менее, очень важна: любой грех, даже такой большой, как тройное предательство, искупается раскаянием.

И это в самом деле так – иначе, бы человечество с нашей склонностью к греху находилось бы в безнадежном положении.

Но что есть грех и что есть раскаяние – вот здесь важнейшие вопросы. И каким образом раскаяние уничтожает грех?

Грех – это любое наше деяние – внешнее или внутреннее – которое делает нас хуже, то есть удаляет нас от Бога, или, иными словами, делает состояние нашей души ниже. Для разных людей такие деяния различны. Более того, то, что понижает душу одного человека, состояние души другого будет повышать. Например, чтение Пушкина для ребенка может быть очень полезным занятием, развивающим его душу. А для пожилого книгочея то же самое чтение может быть данью привычке и даже попыткой убежать от реальности и, таким образом, очень греховным делом, мешающим его духовному развитию. Кармические свойства таких поступков заключаются в том, что, не будучи до конца осознанными, они влияют на нашу судьбу, как бы притягивая к себе свои последствия. Механизмы подобных притяжений могут быть самыми разными. Из наиболее известных таких механизмов – психологические и физиологические, но ими список всех кармических механизмов, конечно, не исчерпывается.

Роль греха в духовном развитии чрезвычайно велика: грех наращивает наш опыт и тем самым дает нам материал для его осмысления – покаяния. Наши грехи как бы насыпают гору, по которой мы всходим на Небо. Покаяние – это посох, на который мы опираемся в этом восхождении.

Покаяние (раскаяние) – это полное осознание, осмысление наших поступков. Это мощная алхимическая установка, которая возгоняет грубое вещественное деяние греховного поступка в тончайшую сущность – смысл этого поступка, и тем самым переносит нашу душу в тончайший мир смыслов. Осмысленный поступок в результате такой «возгонки» становится похож на руду, из которой выплавлен металл. *До конца осмысленный* поступок утрачивает свою, определенную его кармическими свойствами способность влиять на нашу судьбу – он больше не «притягивает» ни другие поступки, ни события нашей жизни.

Глава 27

Самая страшная глава евангелия. Но... давайте вчитаемся внимательнее, помня, что это – текст, написанный одним

человеком для других людей. И тогда получается престранная вещь: самая драматическая глава евангелия от Матфея оказывается и наименее наполненной смыслом: она много рассказывает о самом евангелисте – как он писал, к чему стремился, но очень мало – об Иисусе и христианстве. Вот такой странный парадокс. Впрочем, судите сами.

1-2. Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

Зачем они совещались и решили вести Иисуса к Пилату, когда они могли забить его камнями сами, как и поступили позже со Стефаном (Деяния Апостолов, 7)? Богохульников в соответствии с законом Моисея полагалось побивать камнями. Западные комментаторы пишут о их страхе перед народом. Но весь последующий рассказа показывает отсутствие каких бы то ни было признаков поддержки Иисуса народом. Наоборот – его гибель в рассказе евангелиста поражает, прежде всего, полнейшим одиночеством казнимого и, фактически, полным отсутствием какого бы то ни было сочувствия с чьей бы то ни было стороны. Только стоящие вдалеке женщины. Так что синедриону не нужно было вести Иисуса к Пилату. Они могли забить его камнями еще до восхода солнца. Более того, они и должны были бы поступить таким образом (тайно или более явно и публично), иначе смысл казни во многом утрачивался вообще, так как казненный римлянами за призывы против римлян Иисус неизбежно превращался в народного героя, и результат от казни получался прямо противоположный тому, к какому они стремились. Ведь Пилат не мог решить казнить Иисуса по обвинению в богохульстве – для Пилата им предстояло выдумать иное обвинение – обвинение в нарушении римских законов. Не удовлетворительно и объяснение, что синедрион пытался переложить ответственность за казнь Иисуса на римлян, так как чуть позже подчеркивается, что народ с охотой принял эту ответственность на себя и даже на своих потомков. «Странность» номер один.

3-5. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился.

«Нелепости» продолжают. Иуда получается очень странным. То он намеренно решает предать Иисуса, заработав на этом немного денег. Совсем немного. Получив же деньги, через несколько часов кидает их в лицо заплатившим и вешается. За всем этим поведением не усматривается НИКАКОЙ логики, даже и логики раскаяния, так как ученик Иисуса, конечно, должен был понимать, что самоубийство не выход. Евангелист снова как бы нарочно подчеркивает вымышленность, притчевость своего рассказа. Мы увидим ее и дальше.

6-10. Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та 'землею крови' до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь.

Здесь ссылка на пророка дана с ошибкой. Похожие (хотя и не очень сильно похожие) слова были произнесены не Иеремией, а Захарием (11:12-13): *«И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, – высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника».* Комментаторы по-разному пытаются объяснить эту ошибку, но сама по себе она не так важна, как явная очередная попытка привязать евангельский рассказ к ветхозаветным пророчествам. Эта попытка может

объяснять и всю историю с предательством Иуды за 30 серебрянников – она была необходима так же, как и родословная Иисуса и масса других деталей – чтобы показать, что история Иисуса не вымысел, а сбывшееся пророчество.

11-25. Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился. На праздник же [Пасхи] правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом? ибо знал, что предали Его из зависти. Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него. Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

И эта история выглядит более чем странно. В отличие от всей своей нацеленности на еврейскую аудиторию на протяжении всего текста, здесь евангелист рисует картину, обеляющую римскую власть и очерняющую евреев. Трудно отделаться от мысли, что такой идеологический поворот является позднейшей вставкой. Кто послал такой вещий сон жене Пилата, если все происходящее было Божьим промыслом? Чем объясняется молчание Иисуса, которое он нарушил только один раз? Зачем

Пилат отправляет на казнь того, кого считает праведником? (Правда, в оригинале нет слов «Праведника Сего», они добавлены переводчикам на русский, но смысл это добавление меняет мало.) Зачем он, представитель императора так заискивает перед подвластным ему народом, выпрашивая приказа, что ему делать? Почему он боится «смятения», а не пресекает его в корне? Почему, убедившись в том, что Иисус ни в чем не виноват, тем не менее, «умывает руки»? Почему, за какую вину приговаривает Иисуса к распятию? В отличие от распространившегося у нас мнения, распятие не было обычной римской казнью. Это казнь для рабов, разбойников и самых отъявленных негодяев. А в чем была вина Иисуса? Пока об этом не сказано ни слова. Дальше последует некий намек, но опять-таки не удовлетворительный.

Все это подводит к одной мысли – рассказ вымышлен, как минимум, в большей его части.

26-32. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие. Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплели венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.

Зачем Пилату было не просто распинать Иисуса, которого он считал невиновным праведником, но еще и приказать бить его, а затем еще и подвергать изощренным издевательствам со стороны «всего полка» (нескольких сотен человек)? Если считать порку обязательной предварительной частью распятия, как полагают западные комментаторы, то уж одевание обвиняемого в пурпурную мантию («багряницу»), которую носили императоры и высшие сановники империи, никак не выглядит обязательной частью процедуры, равно как и все остальное. Опять ткань рассказа расползается – концы не

сходятся с концами. Были ли римляне настолько жестоки, чтобы подвергать приговоренного к смерти дополнительным мучениям по собственной инициативе? Вполне возможно, но у нас нет оснований утверждать это. А вот то, что евангелисту требовался рассказ, соответствующий пророчеству Исаяи (53:4-9) *Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрижушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его* – это как раз никаких сомнений не вызывает. Обратим внимание «на погребен у богатого». Скоро мы к этому вернемся. И еще одна странная деталь – привлечение Симона нести крест. Зачем это было сделано? Потому что сам Иисус был слишком слаб, как объясняют западные комментаторы? Это мало согласуется с той звериной жестокостью (хотя какая уж тут звериная – звери не бывают ТАК жестоки), которую палачи демонстрируют раньше и позже во время казни. Интересно и другое: в 21-м году Римский Сенат постановил, что казнь приговоренных должна происходить на десятый день после приговора (об этом пишет Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» в 75-й разделе главы, посвященной Тиберию). В общем, у нас больше чем достаточно оснований относиться к исторической достоверности рассказа о казни Иисуса предельно скептически. Что же тогда остается от рассказа? Высокий драматизм и указание на то, что все это было предсказано пророками. И то, и другое необходимо для автора евангелия, но мало-что дает нам для понимания происходящего.

33. *И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место,*

Дословно - «Место Черепа» (κρανίου τοπος).

34. дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить.

В части манускриптов не уксуса, а вина (οίνου). Существует два варианта интерпретации этого места. Более распространенное – то, что предлагаемая смесь должна была сделать казнимого менее чувствительным к страданиям, и Иисус отказался от этой «анестезии» сознательно, стремясь в страданиях «испить чашу до дна». Эта версия мало согласуется и со стремлением доставить казнимому как можно больше страданий, которое мы видим в сцене после приговора Пилата, и с тем, как евангелист далее описывает Иисуса на кресте. Вторая версия – то, что смесь вина с желчью была продолжением издевательств над Иисусом, но в этом случае права на отказ у казнимого могло и не быть.

35-36. Распявшие же Его делили одежды его, бросая жребий; и, сидя, стерегли Его там;

В наиболее принятой у греков версии (Стефанус, 1550) этот стих имеет продолжение: ινα πληρωθη το ρηθεν υπο του προφητου διεμερισαντο τα ιματια μου εαυτοις και επι τον ιματισμον μου εβαλον κληρον («чтобы исполнилось то, что было предсказано пророком: делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Псалом 22:18)). Но и без такого уточнения понятно, что деталь с палачами, разыгрывающими между собой одежду казнимого, нужна евангелисту для того, чтобы еще, в какой уже раз привязаться к ветхозаветному пророчеству (пусть даже сам псалом Давида считать подобным пророчеством и очень трудно).

37. и поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский.

А вот и вина. Вот о чем спрашивал Пилат и в чем обвинялся Иисус – в том, что он царь Иудейский. Но тогда история

становится еще более нелепой: если Иисус обвинялся в заговоре против римлян, то Пилат был обязан тщательнейшим образом расследовать все дело и принять меры к поимке других заговорщиков, а не «быстренько-быстренько» казнить Иисуса.

38-44. Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую. Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста. Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын. Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

То есть на казни присутствовал и весь синедрион. В первый день псаха. Не очень вероятно. Но для картины бесчеловечного глумления над несчастным вполне уместная деталь. Но заглянем снова в 22-й псалом. *«Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: `он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему»* (6-8), *«псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище»* (16-17). Вот он источник вдохновения евангелиста. Вот какую картину он пересказывает своими словами.

К списку «нелепостей» можно было бы добавить и то, что распятым вместе с Иисусом разбойникам было на их крестах не до того, чтобы поносить Иисуса. Но евангелист понимает, что его читатели на все такие мелочи внимания обращать не будут.

45. От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого;

Тьма была примерно между 12 и 3 часами дня (часы отсчитывались от восхода солнца).

46. а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

А вот и кульминация, срыв.

До сих пор рассказ евангелиста был недостоверен исторически и очень противоречив, но он не вступал в противоречие со смыслом всего евангелия. А вот здесь евангелист «сорвался». Причину, почему евангелист вкладывает в уста умирающему Иисусу эти слова, совершенно понятна: это первые слова того же 22-го псалма. Они же придают Иисусу в глазах множества читателей черты высокой человеческой достоверности, так по-человечески эти слова понятны.

Но в том-то и дело, что понятны они именно *по-человечески*, а Иисус, такой, каким его рисует евангелист, и такой, каким он, несомненно был, если судить по сказанным им словам, уже давно не совсем человек, а в конце своей жизни уже почти совсем не человек. Он почти совсем Бог. И его добровольный крестный путь это только подтверждает. Поэтому Бог уже не может оставить его (в этом отличие Иисуса от Боголюбивого Давида – праведника высокой души, но все же только человека) – Иисус уже неразрывно слит с Богом. Евангелист же этого по-видимому не понимает, и когда он описывает моление о чаше, и особенно сейчас, когда умирающий Иисус произносит в его рассказе слова, которых реальный Иисус произнести не мог, потому что в этом случае и христианства никакого бы не было. Двое из евангелистов – Лука и Иоанн – понимали это, и у них при описании распятия мы этой нелепости не встречаем.

47-49. Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его.

Большинство комментаторов сходятся в том, что уксусом здесь названо кислое вино, которое пили римские солдаты, и что здесь описывается акт милосердия, а не изощренного

глумления. Это выглядит логично, так как этому действию противопоставлена попытка остановить поящего, чтобы посмотреть, явится ли Илия. В некоторых манускриптах у стиха 49 есть продолжение: *αλλος δε λαβων λογχην ενυξεν αυτου την πλευραν και εξηλθεν υδωρ και αιμα* – «А другой взял копье и пронизил Ему бок, и потекла вода и кровь».

50. Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух.

Этот важнейший момент евангелист изображает во все той же выбранной им стилистике – человек в страданиях умирает на кресте. И его нетрудно понять – иного его читателям было не понять. Однако уже в следующем стихе стиль рассказа резко меняется.

51-54. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.

Вот что было способно убедить современников евангелиста и многие поколения их потомков – чудеса: рвущаяся завеса, землетрясение, воскресшие мертвые и т.д. Они должны были «устрашиться», иной язык им был не понятен. Разорванная завеса Храма символизирует то, что вход в Святая Святых открылся для всех. Но этот символ по своей литературной выразительности уступает буквальному образному прочтению – рвущейся без внешних усилий плотной ткани.

55-56. Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служба Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых.

А вот, наконец-то, упомянуты и те, кто сочувствовали убиваемому Иисусу и делал его одиночество на кресте не

абсолютным; апостолов среди них не было, только женщины. Впрочем, без всяких дополнительных деталей – одни имена.

57-61. Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело; и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился. Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.

Как мы видели, согласно предсказанию, Иисуса должен был похоронить богатый (*Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, Исая 53:9*). Евангелист этому предсказанию и следует.

62-66. На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать.

Главное здесь, конечно, печать, готовящая чудо воскресения и делающая его несомненным. Попутно же идет дискуссия с современными евангелисту правоверными иудеями, утверждавшими, что тело Иисуса было просто похищено (хотя и из рассказа евангелиста ничто не противоречит тому, что тело Иисуса могло быть похищено в ночь с пятницы на субботу, а закрывающий гробницу камень привален на то же место). Ну, и еще один, правда, сейчас косвенный комплимент Пилату, не пожелавшему принимать участие во всех этих «иудейских играх».

Глава 28

Самая важная, но почему-то едва ли и не самая короткая глава евангелия. Почему она такая короткая?

1-7. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устраившись его, стерегушие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; Его нет здесь—Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам.

Впечатление такое, что автор евангелия сам не верит тому, что пишет. Впрочем, кажется, это его сильно и не волнует — главное, чтобы нашлись читатели, которые поверят. И они нашлись! И их не беспокоили никакие вопросы. Ни о том, какими отважными оказались стражники, не уверовавшие тут же в Иисуса, а вместо того побежавшие докладывать в синедрион и брать в синедрионе деньги за ложь. Ни о том, почему воскресший Иисус сам не отвалил этот камень и, если он воскрес в физическом теле, то как он вышел из гробницы (впрочем, это еще не так поразительно). Ни, вообще, какую роль во всем этом играл ангел: он не свидетель, так как Иисус сам свидетельствует о своем воскресении, не освободитель воскресшего Иисуса... Единственная его роль — роль привратника, открывающего женщинам дверь гробницы. Не слишком ли эта роль незначительна, чтобы посылать Ангела и устраивать землетрясение? Уберем из этого рассказа Ангела и землетрясение — что остается? Женщины пришли и нашли гробницу открытой, гроб пустым, а стражников перепуганными. Ну, и что из этого следует? Синедрион (см. чуть ниже) рассудил все логично.

Так что же, вся эта история с воскресением — просто

выдумка? Нет, конечно, не «просто выдумка». Но все было совсем не так. Просто то, что произошло в реальности, было выше понимания первых христиан. Они чувствовали большую Правду случившегося, но понять ее не могли.

8-10. И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.

Самое главное в этом пассаже – «ухватились за ноги его». Для людей этого времени и этой культуры не существовало сомнений в том, что душа в момент смерти отделяется от тела и продолжает существовать отдельно. И греческая мифология с ее царством Аида, и Библия (хотя и в меньшей степени) полны призраками мертвецов, являющихся людям. Так что сам по себе факт отдельного существования души для них не был чем-то исключительным. Воскресение же современники Иисуса понимали единственно как продолжение жизни души в своем же теле. Никакое другое воскресение для них не было понятно. Поэтому и евангелисту нужно убедить читателя, что женщины (а потом ученики) встретили не призрак Иисуса, а «настоящего» Иисуса в его физическом теле. Поэтому наличие ног, которые можно обнять (равно, как и раны на теле Иисуса, в которую Фома мог «вложить персты», у Иоанна) – чрезвычайно важно для евангелиста в его споре с теми многочисленными соплеменниками, которые говорили, что никакого воскресения не было. Этот спор ведется на протяжении всей этой главы.

Еще одна важная деталь здесь (может быть, единственная реально важная) – «братьям моим». Уже полностью преобразенный Иисус говорит о своих учениках не как высший о низших, а как равный о равных.

11-15. Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно

денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.

А вот и аргументы противников – они более чем весомы: если гроб пуст, а гробница открыта, то тело похитили.

Здесь, вообще, евангелист явно запутался (но и это не смутит его читателей). В самом деле, кому подчинялись стражники – Пилату или синедриону? Пилат отказался участвовать в охране гробницы, так что стражники были подчинены синедриону. Так что их не нужно было подкупать – никаких иных неприятностей, кроме как взыскания от самого синедриона, им не угрожало.

Я уж не говорю о том, какими отважными должны быть люди синедриона, чтобы не усомниться в своей правоте и не испугаться ни явления ангела, ни землетрясения!

16-17. Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились.

«Усомнились» здесь самое информативное. То есть не все ученики поверили в воскресение. Даже не все ученики!

И неудивительно, что евангелист здесь так лаконичен. Ему нужно убедить читателей в том, во что он, кажется, и сам очень слабо верит. А это для писателя почти невозможно. Но... в отношении большинства современных и особенно будущих читателей евангелисту это удалось.

18. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле.

Это правда. Но что означает эта правда?

19. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа,

«Крестя их Во имя Отца и Сына и Святого Духа» - это явно более поздняя «церковная» вставка – подгонка слов Иисуса под уже формирующуюся церковную доктрину – «теорию Троицы». Время этой вставки установить трудно, возможно, она принадлежала и самому евангелисту, но, если и так, это ничего не меняет – слова про крещение во имя Троицы самому Иисусу принадлежать не могли, у них иной, «неиисусов» смысл.

20. уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.

За исключением того, что слово «аминь», то есть «Истинно так!», присутствует не во всех манускриптах, и это правда. Но опять-таки тот же вопрос – что означает эта правда?

Чтобы понять ее, нужно сначала уяснить себе, что вообще произошло во время казни Иисуса и что происходило после его смерти. Почему нужна была такая страшная смерть (а она, вероятно, была страшной, даже если реальные события и сильно отличались от описанных в евангелии)? Попробуем разобраться.

Начнем с того, что история жизни Иисуса имеет в себе две тесно связанные между собой, но все-таки самостоятельные линии: линию личного духовного совершенствования Иисуса (линию прокладывания Пути к Спасению) и линию учительства, водительства людей, линию преобразования культуры и истории (линию водительства людей по проложенному им Пути).

Во времена Иисуса (в отличие, например, от более спокойного и более подготовленного времени Мухаммеда) эта вторая, «культурно-историческая» линия требовала сверхдраматичной кульминации: современники Иисуса, и особенно евреи, среди которых он проповедовал, могли быть убеждены только очень яркими, очень драматичными событиями – не менее драматичными, чем смерть и воскресение. Все остальное было бы для них просто словами за пределами их понимания. Не был готов их ум (да и наш, сегодняшних людей ум тоже не очень-то готов к этому) к пониманию ТАКИХ слов. Поэтому и воздействие «проповеди» Иисуса должно было проходить по иным «каналам» – не через

ум, а через чувства аудитории. Грубо говоря, ТАКИЕ вещи им нельзя было *объяснить*, можно было только *потрясти* их. Поэтому «проповедь» Иисуса должна была стать мистерией его жизни, мистерией полной высочайшего драматизма. Но это только одна причина необходимости крестных мук.

Вторая, не менее важная причина состояла в том, что Иисус должен был проложить Путь до конца. Пусть и почти никто из его последователей не сможет пройти весь этот путь за одну жизнь, но самые зоркие из них должны видеть, что Путь Иисуса на Небо не обрывается, не «тает в воздухе», а ведет к Цели, что, пройдя свой Путь, Иисус и в самом деле оказался на Небе. А для этого то состояние его души, которое видели апостолы во время Преображения и потом, находясь рядом с ним, было все еще недостаточным.

Произвольная способность души подниматься (сознанием) Наверх, соединяться с Высшим Мирами – это еще не конец Пути. Необходимо преобразовать свою душу так, чтобы вся «нижняя душа» превратилась в «Высшую душу» и чтобы эта «Высшая душа» обрела такую внутреннюю связность и целостность, которая позволит ей самостоятельно существовать в Высших мирах. Эта «алхимическая» (хотя кавычки здесь излишни) задача огромной сложности, так как «нижняя душа» человека обширна и, чтобы преобразовать ее всю, нужна *очень* долгая работа *очень* развитого сознания. Страдания помогают в этой работе, так как актуализируют («вытягивают на поверхность сознания») такие уголки души, в которые в обычной жизни сознание не проникает. (Обычно мы осознаем только мизерную часть себя, например, большинство наших физиологических процессов остаются вне нашего осознания, равно как и большая часть пережитого нами опыта.) Именно в этом смысл добровольного самоистязания в виде постов и иных самоограничений. И именно поэтому, чтобы завершить прокладывание своего Пути, Иисусу было необходимо пройти через крестные муки. Ему нужно было окончательно разделаться со своим человеческим. Не просто избавиться от него – такое избавление дает любая смерть, а переплавить мусор нижней души в золото Высшей.

Результатом такой переплавки и становится Воскресение. Конечно, речь не идет о воскресении в физическом теле (хотя

дзогчен-буддисты и описывают преобразования физического тела в «духовное», или «радужное»). Речь идет о Воскресении как рождении новой, Высшей сущности – самостоятельно живущей Высшей души, которая не нуждается больше в физическом теле.

Такое Существо не призрак. Призрак – это существующие некоторое, иногда весьма значительное время после смерти внутренне связанные части «нижней души», которые могут быть «видны» обычным людям, наделенным особой чувствительностью и способностью к визуализации соответствующих впечатлений. Но разница между Высшим Духом и призраком и сегодня мало кому понятна, а во времена Иисуса не была понятна практически никому. Поэтому и сущность реального воскрешения Иисуса была за пределами *понимания* его учеников. А вот *чувствовать* реальность воскрешения Иисуса они могли. А наиболее чувствительные из них были способны и чувствовать реального Иисуса, каким он стал после своей смерти.

Но хотя Высшая сущность и не нуждается в физическом теле и лишена «нижней души», она, с одной стороны, не останавливается в своем духовном развитии, а с другой - сохраняет определенные кармические связи с землей.

Что касается посмертного духовного развития Иисуса Христа (так я буду называть это Высшее Существо), то мы знаем о Нем очень мало, потому что нам и нужно знать об этом очень мало. То, что мы знаем, – это то, что 2000 лет, прошедшие после Воскресения душа Иисуса (или сам Иисус, сделавший себя Христом) росла и совершенствовалась, достигая все большего и большего Величия. Отражение этого процесса в истории мы можем наблюдать в виде роста культа Иисуса Христа: его превращения из Учителя и Мессии в «полноправного» Бога, за спиной которого христиане уже давно не видят и Бога-Отца. Иисус Христос де-факто (а не теологически) занял собой весь Небосвод верующих христиан.

Что же касается кармических связей Иисуса Христа с землей, то их воплощением и стал культурный институт христианства. Тысячи, а позднее миллионы и сотни миллионов воплощенных и развоплощенных человеческих душ потянулись за Иисусом Христом по проложенному им Пути. Судьбы (включая и

посмертные, конечно) этих душ очень разные, но все вместе они напоминают хвост кометы, взлетающей в Небо вслед за своим Учителем. Вот в этом водительстве, притяжении к себе как воплощенных, так и расвоплощенных душ и заключается та всякая власть на небе и на земле, о которой говорил Иисус Христос.

Конец

Послесловие.

Психотеология: христианство как наука духовного развития и развивающееся христианство

Психотеология – новая дисциплина, возникшая, как это видно из ее названия, на стыке психологии и теологии и рассматривающая Священные тексты как учебники духовного развития – руководства по сознательному и планомерному духовному развитию своей души.

На чем основан такой подход? Прежде всего – на понимании семантической многослойности Священных текстов: каждый из них имеет множество смыслов, которые открываются читателю по мере того, как он дорастает до пониманию этих смыслов, то есть обретает внутренний опыт, который соответствует данному смысловому уровню, и систему понятий, позволяющую этот опыт осмыслять. Процесс такого духовного роста идет всю сознательную жизнь человека, но, конечно, не всегда с одной и той же скоростью: иногда человек за месяцы может подняться к следующему уровню, иногда годами как будто стоит на месте.

Тема духовного развития является главенствующей (если не единственной) в глубинных семантических пластах любого священного текста, но именно из-за своей глубинности эти пласты веками приоткрывали свои сокровищницы только единичным адептам, сумевшим вырастить свои души настолько, чтобы обрести способность понимания глубинных смыслов Писания. Сегодня мы тоже, конечно, далеки от того, чтобы сделать эти глубинные смыслы общедоступными, но сегодня к их восприятию готово все-таки гораздо больше людей, чем раньше, что и оправдывает появление книг вроде той, для которой я сейчас пишу послесловие.

В последнее время так много говорят о духовности, вкладывая в это слово настолько различные смыслы, что самому этому понятию грозит уже потеря всякого смысла. Поэтому я должен точнее определиться, что я имею в виду под духовным развитием. Используя язык психологии, можно

сказать, что духовное развитие это расширение сознания – способность видеть «больше Мира», то есть больше «вещей Мира» и больше связей между ними.

Культурный сдвиг, который происходит на наших глазах, заключается в том, что наиболее духовно развитые современные люди начинают видеть такую связность между «материальными» и «идеальными» вещами Мира, которая открывает для них реальность единого мира без привычного для нас барьера «материальное-идеальное». Это расширенное видение помогает понять, что скрывается за религиозными понятиями, и прежде всего, понятием «Бог», понять существо процессов взаимодействия «материального» и «идеального», понять, что такое человек, какое место в мире он занимает и какой путь проходит, проживая свою жизнь. А дальше, после того, как эти открытия совершены, уже совсем нетрудно обнаружить, что, оказывается, все это известно человечеству еще с незапамятных времен и нашло свое отражение в книгах, которые человечество назвало «Священными», в том числе – и в Библии. И тогда у человека открываются другие глаза для чтения Библии – он читает ее уже не как сказку, придуманную с не очень приглядными целями и вводящую ее читателей в заблуждение, а как инструкцию о том, как ему жить и что делать. Конечно, Библию как руководство к действию читали всегда. Значительная часть ее так и написана – как руководство. Но то, к *какому* действию она руководство, люди разных эпох понимали по-разному. И сегодняшнее прочтение Библии совсем не похоже на ее же прочтение пусть хотя бы и сто лет назад (не говоря уж о 2000 или 3000 лет назад): современный образованный человек вычитывает в Библии иные указы, что и как ему делать и для чего ему это делать. Почему они другие – понятно: ведь у современного образованного человека другие возможности делать: у него иные психические инструменты, которых не было у его предков. Это относится и к инструментам понимания, и к инструментам психотехнического делания – изменения самого себя.

Онтологический абрис

Итак, какую же картину мира может нарисовать себе

современный человек, знакомящийся со Священными текстами? Эта картина существенно отличается от принятой в естественных науках не столько наличием новых фактов, сколько способом осмысления общеизвестных. Именно эти новые способы помогают увидеть Бога в нашей жизни и без мистического опыта, и без развитого художественного воображения.

Идеи и существа

То, что религия называет богами, ангелами, бесами, метафизика именуется идеями. Мы переживаем встречи с этими существами как наши мысли, желания и чувства: контакт с бесами – как темные и эгоистичные, мелкие мысли и желания; контакт с ангелами – как яркие и большие.

В нашей культуре мы привыкли разделять существа и идеи, но такое разделение – это только привычный для нас способ видеть мир, который, как и все наши способы видеть мир, определен нашей культурой. При другом же способе смотреть на мир, нам достаточно вспомнить биографию идеи германского нацизма или русского коммунизма, вспомнить, как они разрушили миллионы жизней, чтобы увидеть в этих идеях огромных монстров, чьи тела составлены из десятков миллионов тел отдельных людей.

Мы также привыкли думать, что идеи – это всего лишь мысли, рожденные человеческим интеллектом. В некотором смысле это так и есть, но только если мы говорим о простых, «маленьких» идеях. Но стоит нам обратить внимание на происхождение больших идей, которые «открывают» одновременно многие люди, чтобы понять, что реальность здесь гораздо сложнее наших представлений: ни гуманизм, ни тот же фашизм не были изобретены одним человеком.

Идеи и души

Жизнь мира в целом и жизнь каждой его частички – это непрерывное движение. Мало того, это не только непрерывное, но и вполне *определенное* движение: каждая вещь в мире движется *определенным образом*. Этот *определенный образ* –

идея движения, или, другими словами, идея жизни движущейся вещи. То есть мы можем сказать, что идея, или программа движения вещи как бы оживляет эту вещь. В этом смысле, идею можно считать причиной или душой движения. То есть, фактически, понятие «идея» и понятие «душа» – просто разные имена одной сущности, первое из философского, а второе из религиозного лексикона.

Может показаться, что идея дает движению только информацию, в то время как источник энергии движения находится где-то еще. Но это разделение энергии и информации – тоже только стереотип мышления нашей культуры, когда мы придаем нашим способам восприятия мира статус реально существующих в мире безотносительно к нам (онтологизируем собственные гносеологические реалии): не существует ни движения без его информационной схемы, ни движения без энергии. Система сил, которая определяет характер движения «снабжает» его и энергией, и в то же самое время программой.

Дерево Мира

Взгляд на идею-душу как на систему управления вещью позволяет легко заметить, что чем сложнее живая вещь, тем сложнее ее душа и тем более она многослойна, многоуровневая. Для управления движения простой, безжизненной вещью достаточно одноуровневой системы управления. Для управления более сложной живой вещью нужен еще один уровень. Для управления еще более сложной вещью, обладающей психикой, нужен еще один уровень, и так далее.

Самая большая идея самой большой вещи в мире, то есть идея самого мира насчитывает очень много уровней. Эта Идея подобна дереву: от ствола – Первопричины – ответвляются толстые ветви, от них другие – потоньше, и так далее вплоть до листьев на самых тонких веточках. Эти листья-феномены растут на причинах феноменов, которые, в свою очередь, растут из «причин причин» и т.д. Другими словами, за миром феноменов есть мир причин, мир причин причин и т.д.. В этих мирах человек и те, в кем он взаимодействует (взаимосвязан), образуют одно существо – существо, объединенное (или, используя другое слово, созданное) идеей их взаимодействия.

Такая «большая», общая идея – общая душа взаимодействующих (взаимосвязанных) вещей мира, которая содержит в себе их отдельные, «малые» души. Самая большая идея, которая содержит весь Мир, может быть названа Идеей Мира. Без Нее мир не был бы даже хаосом – его бы просто не было. Чтобы *быть*, мир должен быть *каким-то*, это *какой-то*, определяющее, какой мир есть, и есть Идея Мира.

Когда человек не видит Идеи Мира, которая объединяет и просто создает Мир, он видит не сам Мир, а только «кусочки мира», видит кукол, но не видит ни реальных актеров, ни, тем более, Режиссера и Автора Пьесы. Конечно, он видит не только листья, но замечает и некоторые тончайшие веточки, но не все Дерево Мира как целое.

Жизнь Мирового Дерева – пульсация. Дерево дает ростки – от очень крупных ветвей до совсем мелких листочков, – а эти ростки «возвращают себя» Дереву, подобно тому как листья питают обычное дерево. Дерево сначала разрастается ветками и листьями, а затем вновь сжимается, выбирая из выросших веток и листьев квинтэссенцию их жизнью. Эту пульсацию можно увидеть в двух ракурсах: в первом ракурсе – как реализацию Мировой Идеи, а во втором – как жизнь Мирового Существа: Всемирной Организация всех существ, или Мирового Организма, в котором в качестве Его органов (или клеток) все существа взаимосвязаны и взаимодействуют.

Первый ракурс. Подобно тому как любое большое дело состоит из множества дел помельче, а те – из еще более мелких, так и Самое Большое Дело – Мировая Идея – рассыпается необозримым множеством «дочерних», «внучатых» и так далее идей. Так устроена Иерархия идей. Дочерние идеи – это этапы реализации материнской. Их реализация нужна материнской зачем-то. Дочерняя идея получает это зачем-то как замысел, который ей предстоит сначала развернуть – во-плот-ить, сделать плотным, грубым, а затем свернуть – извлечь из грубого воплощения его тонкую квинтэссенцию – смысл, и вернуть этот смысл материнской идее, чтобы та реализовывалась дальше.

Второй ракурс. Каждую идею реализует свое существо. И поэтому Мировая Иерархия идей оказывается в то же время и

Мировой Иерархией существ. Во главе Иерархии стоит Верховное Существо – Творец Всего. В Иерархии старшее существо как бы продлевает себя младшими – создает младшее, чтобы то «работало на него». Творение начинается с души – «зародыша» будущего существа. Этот тонкий зародыш растет, «обрастает плотью и кровью», а затем развоплощается – прожившая свою жизнь душа обогащается смыслом прожитого и возвращается к своему создателю. Так Мировое существо живет жизнью своих клеток. Все наши жизни – части Жизни Мира. Все, что мы делаем, делает Мир.

Человек-творец

Схема «воплощение-осмысление» абсолютно универсальна: «так весь мир вертится» – от космических до микроскопических процессов. Но наиболее четко она видна в психической жизни человека. Люди именно так решают свои задачи: пробуют что-то, потом оценивают – а что же получилось, и если получилось «нехорошо», пробуют дальше.

И при этом они творят новых существ. Например, президент своим указом создает министра. Конечно, и до президентского указа был и пост министра, и человек NN. Но NN не был министром. Существо «министр NN» сделал президент. Когда NN перестанет устраивать президента, то есть когда президент получил от него все что можно, NN отправляют в отставку. Это смерть. Конечно, не смерть человека NN, но смерть созданного президентом «министра NN».

Я боюсь собак и на прогулке подбираю палку. Так из своего страха я создаю сначала замысел – «мне нужно средство обороны», а затем из этого замысла – и новое существо, Палку-Пугалку. Палка-Пугалка живет не до тех пор, пока палка сломается, а пока я ее не выброшу за ненадобностью, убедившись, что никаких собак нет. Но я могу и не выбросить палку, а «похоронив» Палку-Пугалку, начать использовать ту же палку как посох, создав таким образом другое существо – Палку-Опиралку.

Творить новых существ можно не только из внешнего материала, но и из себя самого. Когда я решил писать эту книгу, я создал внутри себя, из себя новое существо – «автора этой

книги». Теперь этот автор следит, чтобы книга продвигалась, и время от времени создает себе помощников, например «авторов разных глав», которые «умирают», сделав свое дело. Вообще, всякий раз, когда нам приходит в голову та или иная идея, мы рождаем существ, которые будут эту идею реализовывать: пойдут в кино, будут писать статью или начнут создавать новую партию.

«Внутренние люди». В человеке есть и такие «внутренние люди», которые созданы не им самим, например «нежный отец» и «жестокий начальник». Это те, кого Гурджиев и Успенский называют «множественные Я», а Ассаджоли – «суб-личности». Из-за них человек часто кажется противоречивым. Они почти так же самостоятельны и «отдельны», как самостоятельны и «отдельны» разные люди. Конечно, у них общее физическое тело. Но у двух пильщиков дров тоже общая пила.

Впрочем, я зря похвастался. Замысел и этой «моей» книги, и других «моих» книг «витают в воздухе». Об этом свидетельствует многочисленность книг о наступлении новой эры. И «автора этой книги» создал не только и не столько я. Он, как и существа «авторы других похожих книг», создан этой витающей в воздухе идеей. Она, эта идея, тоже существо, и очень плодотворное существо. Она уже написала тысячи книг. И все мы, писатели, в своем служении этому существу становимся его «руками»: одни – более сильными и искусными, другие – менее умелыми и мощными.

От Создателя к Создателю

Возврат дочерней ветви к материнской, создания к создателю – это слияние душ. Душа-родитель получает состарившуюся душу ребенка. Младшая душа кончается как отдельная сущность, но она продолжается «внутри» старшей (родительской) души. Для душ, наделенных самосознанием – чувством своего «я», своей идентичности, это означает полное отождествление с создателем.

Как и все другие существа, человек тоже реализует замысел своего Создателя, чтобы преображенным вернуться к Нему и вернуть Ему смысл проделанной работы. Работа человека

слишком большая, чтобы успеть сделать ее за одну жизнь. Вот почему умершие часто кажутся такими неуспевшими, неокончившими. Человеку нужно больше времени. Поэтому на пути от Создателя к Создателю он проходит через ряд этапов, из которых жизнь – от рождения до смерти – только один. Смерть – это не конец человека, а конец одного воплощения, когда человек «теряет человеческий облик». Смерть превращает человека в другое существо: грубо говоря, человек сбрасывает одни, пришедшие в негодность оболочки и претерпевает разного рода метаморфозы, связанные с таким «раздеванием».

В чем правы отрицающие бессмертие. В принципе, ничто не мешает ограничивать существование человека одним воплощением. Если мы считаем создателем человека его собственную «душу души», его «высшее Я», тогда в самом деле после смерти человек возвращается к своему создателю. Это дело вкуса – как определять идею человека: как идею всей цепочки превращений или как идею только одного ее звена, одного этапа пути. Во втором случае, упрощая его идею, мы сокращаем век человека и, по сути, низводим его до такого же существа, как умирающий на выпускном балу Школьник (его «похороны» и вносят в выпускные празднества оттенок грусти). За свою жизнь мы переживаем и хороним множество таких существ. Как ни странно, это не так важно – считать ли человека смертным или бессмертным. Важно понимать, во-первых, что мы связаны с Миром, а во-вторых, как мы связаны с Миром.

Нижняя душа и Высшая Душа. Шкала яркости психических состояний

«Составные части» психики различаются своей удаленностью от ствола Мирового Дерева, то есть Верховного Существа, Центра Души Мира. Это расстояние соответствует широте сознания: чем шире сознание, то есть чем больше часть мира – количество вещей мира и количество свящей между ними – которые человек отражает в данном состоянии, тем ближе это состояние к Центру Души Мира, или, используя другую образную систему, тем выше и ярче психическое

состояние.

Шкала высоты (яркости) психических состояний поднимается от полуживотных состояний простейших ощущений (голода или боли) через все более и более сложные к таким сложным состояниям, как разработка управленческих стратегий или решение математических задач, и продолжает свой подъем еще выше к состояниям, которые можно назвать «над-эстетическими», или «религиозными». В «Свете Жизни» я разделил эту шкалу на шесть зон: «черные», «синие», «зеленые», «желтые», «оранжевые» и «красные» состояния.

Первые четыре зоны покрывают почти все состояния повседневной жизни современного человека. «Желтые» состояния включают впечатления от классической музыки, состояния, в которых ученый работает над статьей или менеджер высшего звена принимает решение о развитии своей компании и т.д.. В «желтых состояниях интуиция обострена, человек видит себя объективно и видит большие группы, в которые он включен – вою страну, свое поколение, свое профессиональное сообщество и т.д. В этих состояниях он может переживать светлую грусть или грустную иронию...

Так как более яркие состояния соответствуют более высокому социальному статусу, четыре группы психических состояний могут быть названы по именам ступеней в военной, академической или какой-то иной карьере, например, «первоклассник» («черные»), «старшеклассник» («синие»), «аспирант» («зеленые»), «профессор» («желтые»). Общий принцип увеличения яркости от черных к желтым состояниям может быть проиллюстрирован следующим примером. Одна из важнейших задач, с которой сталкивается любой человек, – побудить более сильного («начальника», то есть того, кого невозможно просто заставить) сделать то, что этот более сильный делать не хочет. Как решают эту задачу в разных состояниях?

В «черном» состоянии – просто потребовать: «Дай!»

В «синем» состоянии – добиться занудливым повторением просьбы (как это делает чеховская «беззащитная женщина»).

В «зеленом» состоянии – объяснить, почему это нужно сделать.

В «желтом» состоянии – создать ситуацию, когда «начальник» просто вынужден это сделать.

«Желтые» состояния самые высокие только среди «обычных», повседневных состояний, которые переживаются хотя бы изредка большинством взрослых членов современного развитого общества. Высшие, «оранжевые» и «красные» состояния встречаются реже. Вдохновение, просветление, откровения и другие формы Высшего религиозного опыта принадлежат к этой группе. Эти над-эстетические, или религиозные состояния знакомы только наиболее духовно развитым людям. В таких состояниях человек теряет чувство своего Я как того, что отделяет его от мира. Он испытывает Всезнание и полное самоосознание как одно интегральное сверхчувство. Но в нашем языке мало средств для описания высших состояний, особенно потому, что их «компоненты» так тесно связаны между собой, что любая аналитическая попытка их декомпозиции ведет к выхолащиванию главного содержания высших психических состояний.

Таким образом, мы можем видеть нечто вроде лестницы, по которой человек поднимается к Богу – ту самую, о которой говорил Иоанн Лествичник. Лестница состоит из «частей» души разной высоты (яркости).

Смысловая многослойность Библии

Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с [именем] 'Бог Всемогущий', а с именем [Моим] 'Господь' (в оригинале *אֱלֹהִים* (Яхве) – А.З.) *не открылся им* (Исход 6:3) – это один из многих, но может быть также одно из наиболее ясных указаний на наличие в Библии множества смыслов и на тот факт, что Бог открывает себя людям постепенно: то, что было неизвестно отцам, открывается детям. Ниже несколько примеров такой смысловой множественности.

Ханаан, Земля обетованная – это территория Палестины. Но это и та Преображенная, обоженная Земля – Божий сад, – какой ей надлежит стать в результате всей Истории. Эта Земля нам пока только обетована, но мы туда еще не пришли. О том же притча о блудном сыне (от Луки, 15:11-32). Человечество как

целое, как и каждый человек в отдельности - такой сын, оставивший Отцовский дом, чтобы вернуться туда после того, как долгий путь сделает его умнее.

Суббота – день недели, когда запрещено работать, день обязательного отдыха. Но суббота – это еще и бескровная жертва каждого седьмого дня своей жизни Богу. А еще это символ вечного покоя завершения человеческого пути и символ Вечного Покоя завершения, а точнее, перерыва в Работе Бога – то, о чем менее аллегорически рассказывает индийская космология с ее Мировыми Циклами.

Обрезание. Казалось бы, что может быть ясней – хирургическая операция по удалению крайней плоти. «Божьих людей» таким образом отмечают, подобно тому как клеймят скот. Но уже Моисей чаще и чаще говорит об обрезании сердца: об удалении черствости и обнажении сущностной сердцевины – Любви к Богу (Второзаконие 10:16, 30:10). Это продолжается и после Моисея: *Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего» Иеремия 4:4* и *«В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым* (Колоссянам 2:11). Это уже тот самый глубокий смысл обрезания, который в «Изумрудной скрижали» назван «отделением тонкого от грубого»: человек поднимается к Богу и несет Ему свои самые тонкие смыслы и чувства («благоухание приятное», Исход 29:18); эта идея проходит через всю Библию, начиная с *Освящайте себя и будьте святы* (Левит 20:7). Отделение глубоких смыслов Библии от поверхностных – это тоже обрезание.

Бог. Самая большая загадка из всех библейских загадок. То Его называют Богом, то Ангелом Божьим. То Его нельзя увидеть, не умерев, то, оказывается, можно. Авраам принимает Бога в гостях, угощает, провожает в дорогу и беседует (даже почти спорит) о судьбе Содома и Гоморры. А во времена Моисея Бог появляется то пламенем куста, то облаком, а человеку (даже Моисею) нельзя увидеть Его лицо. Если Бог – это творец мира, то почему казни египетские, уничтожение египетской армии или обеспечение евреев пищей и водой приводятся как доказательства Его могущества? Если Моисей силой Бога творил чудеса перед фараоном, то чьей силой

творили такие же чудеса египетские волхвы? В каких отношениях находится Бог с другими богами, которым евреи не должны поклоняться? Кто они? Слуги Бога? Соперники? Или младшие братья? И разве Бог – Бог только евреев? А кто же Бог, скажем, египтян? Богу приписывают множество совсем не-Божеских черт. Чего стоит один только разговор с Моисеем! После истории с золотым тельцом Бог говорит, что истребит евреев и создаст из потомков Моисея народ получше. Моисей возражает (Кому?! – дескать, не делай этого, чтобы не сказали, что Он специально вывел их из Египта только для того, чтобы погубить в пустыне. И Бог соглашается. Грубо говоря, Моисей берет Бога «на слабо». Что можно представить, с одной стороны, нелепей, а с другой – кощунственней?! Все эти «загадки» нельзя отгадать, если не знать, что речь все время идет о разном, что это Имя – собирательное и относится к разным Существам – едва ли не ко всему Верху Иерархии: и к тому Богу, который в евангелиях будет назван Отцом, и к Творцу Вселенной, о котором говорится в первых стихах Книги Бытия, и к Создателю Земли (и человека), и в том числе к Богу еврейского народа. Такой могла бы быть солдатская байка про Генерала, где образ Генерала создан на основе деяний разных реальных начальников – от майора до маршала. Только человек, знающий всех «генералов», из которых слеплен образ Генерала, понимает, откуда и что взялось в байке.

Смысл Евангелия

Скрытые смыслы Евангелия могут быть поняты только в контексте психологии развития, потому что центральная евангельская идея – это идея развития человека. Иисус говорит об этом прямо: *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный* (от Матфея 5:48). Ту же мысль он повторяет постоянно, говоря о Царстве Небесном, которое «внутри вас» (от Луки 17:21). Вот это и есть Главное в Евангелие – знание о пути к Богу.

Что означает *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный*? У человека среди различных более низких и более высоких «частей» его души есть зародыш Высшей души, который может (а раз может, то и должен) развиваться и стать

Высшим Человеком – Человеком, который сопричастен Богу. Высшая душа соединена, или, даже лучше сказать, слита с Высшим Миром, с Богом. В евангелиях Высшая душа, Высший Человек назван Христом. (Конечно, это второй, скрытый смысл слова «Христос».)

Человек – Божий работник на Земле, в Божьем винограднике (от Матфея 20:1). *Да придет Царствие Твое... и на земле, как (это уже есть. – А.З.) на небе* (от Матфея 6:10) – вот цель его работы. Но чтобы Царство Божие пришло на Землю, Оно должно прийти в души людей: *Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (от Луки 17:20-21). Без царства Божьего внутри никакого другого Царства Божьего быть не может. Царство Божие внутри – это и есть «направление главного удара».

Для работы по превращению Земли в Царство Божие человеку даны определенные инструменты: физическое тело и низшая психика – наиболее плотные слои души. Работая, человек набирается опыта и сил и, образно говоря, продвигается по служебной лестнице – из разнорабочего становится станочником, потом мастером, инженером и так далее. При этом одни инструменты перестают быть ему нужны, а нужными становятся другие: от носилок он становится к станку, вместо молотка вооружается калькулятором. Так человек заменяет свои низшие орудия более высокими – становится умнее и умелее. Сначала он считает на пальцах, потом складывает столбиком, потом «в уме». Когда нужно что-то узнать, сначала спрашивает родителей, потом роется в книгах, потом начинает экспериментировать. Когда хочется чего-то, что ему не дают, сначала плачет, потом начинает «канючить», потом учится хитрить и, наконец, начинает понимать, что без предмета вожделения можно и обойтись. Человек постоянно из более низкого делает более высокое: из «низшей психики» – «высшую».

Понятия «низшее» и «высшее» относительны: то, что сегодня для нас высшее, завтра, после того как мы откроем в себе более высокое, перестает быть высшим. Но подъем ко все более высокому психическому не бесконечен. Как и у любой другой, у этой лестницы есть верхняя ступень – Абсолютно Высшее.

Абсолютно Высшее – это уже не психика; это выше психики. Это и есть та Высшая душа, которая в евангелиях названа Христом. А подъем от низшей психики через все более и более высокую к Высшей душе – это и есть христианский Путь.

Поднявшийся к Высшей душе обретает Христа и таким образом Спасается. Спасение выводит о-креп-шую (сделанную при жизни крепкой, как в «Боже святыи, Боже крепкий...» или в *возлюби Господа Бога твоего... всею крепостию твоею* (от Марка 12:30)) Высшую душу из «плена» низшего, «плотского» мира, мира низшей психики, «мира страданий» в другой мир – Царство Небесное.

Но для этого сначала нужно закончить работу на земле. Вот почему, чтобы Спасти, нужно погубить низшую душу, «умереть». И Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее (от Луки 17:33); и *Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (от Матфея 16:25); и *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (от Иоанна 12:25) – все это об одном: о необходимости распрячь в себе человека, чтобы стать Богом. Гибель души – это гибель низшей души. Потеря низшей души – не утрата, а обретение – обретение Высшей. Поэтому и *Если... не будете как дети* (то есть не обремененными низшей душой – А.З.), *не войдете в Царство Небесное* (от Матфея 18:13) или даже еще более сильно *Блаженны нищие духом* (от Матфея 5:3). «Нищие духом» значит люди без всего, что составляет низшую душу – мнений, желаний, стремлений и т.д.

Растущий человек все время заменяет низшие части своей души более высокими. Поэтому к старости большинство становится мудрее и добрее. Но весь Путь к Христу очень долгий и трудный. Гибнет низшая душа частями: сначала – одна часть, затем другая. И все они гибнут только тогда, когда проживут свою жизнь до конца, то есть когда человек закончит, перерастет их. Но если такие части души, как вера в Бабу-Ягу, живут недолго, то жизнь других ее частей (таких, как мечтательность или вспыльчивость) бывает очень долгой. И только после похорон множества низших душ, которые в свое время были высшими для других, еще более низких, на вершине всего этого многоярусного могильника расцветает цветок

Высшей души.

Евангелия называют нижние части души грехами, а главное оружие против грехов – покаянием. *Я пришел призвать... грешников к покаянию* (от Марка 2:17; от Луки 5:32); *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (от Матфея 3:2); и *проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах* (от Луки 24:47). Грехи – это не только «плохое поведение» (это поверхностный и в значительной степени детский смысл слова «грех»), грехи – это все содержание нашей нижней души, то есть то, что нами уже освоено, то, к чему мы привыкли – привычные мысли, способы реагирования, просто привычки, в общем, все наши ментальные стереотипы. В свою очередь, покаяние – это не просто мысль о том, что я плохо поступил; такая мысль, в лучшем случае, только первый шаг на долгом пути покаяния. Настоящее покаяние это полное осознание «плохого» поведения вместе со всеми его корнями. Достичь такого полного осознания можно только в конце очень долгого и очень тяжелого (особенно вначале) пути.

Этот путь настолько долог и труден, что поневоле возникает вопрос, а можно ли вообще пройти такой длинный Путь? Кажется, что это вообще невозможно. Евангелия отвечают неоднозначно: с одной стороны, *Кто же может спастись? ...человекам это невозможно* (от Матфея 19:25-26), но с другой – *Богу же все возможно* (19:26), и хотя *Никто не может придти ко Мне, но только если то не дано будет ему от Отца Моего* (от Иоанна 6:65). Здесь намек на главное Средство, которое выпрямляет этот длинный и извилистый Путь, где маленькие успехи чередуются с большими поражениями. Это Средство – Любовь к Богу: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь* (от Матфея 22:37, 38) (Марк (12:30) и Лука (10:27) добавляют очень важное и *всею крепостию твоею*, то есть всю твою окрепшую Высшую душу). Любовное Соединение с Богом на языке психологии можно назвать осознанием Высшей души. Осознать Высшую душу – значит прилепиться своим низшим «я» к Высшему «Я». Любовь к Богу – это стремление к Нему, памятование Его и желание как можно более полного соединения с Ним.

Выращивание *сознательно* любящей Бога части души, которая постоянно стремится к Этому Соединению, важный этап Пути.

Кульминацию христианского Пути символизируют два главных евангельских чуда: Преображение, то есть обретение Иисусом способности по своей воле находить своего Христа, или, другими словами, преображаться из Иисуса в Христа; и Воскресение – переход окрепшей Высшей души (окрепшего Христа, «Боже крепкого»), которая закончила свою работу, к существованию вне тела.

Вера – это опытное, лично пережитое знание Христа, Высшей души. Это совершенно особое психическое (или, точнее, надпсихическое) состояние. Верить – значит открыть в себе Христа, Высшую душу – и тем самым стать Христом. Другими словами, Вера и Христос – одно и то же. И совершенно естественно, что Вера наделяет человека немислимыми (Божественными) способностями – движет горы, даже будучи величиной с горчичное зерно (от Матфея 17:20).

Путь к большой Вере проходит через множество маленьких вер, которые, сменяя одна другую, становятся все ярче. Но даже дальние подступы к Вере, когда Она еще только-только начинает брезжить, как солнце в густом тумане, – это очень яркие для нас состояния – «потолковые» для современных людей.

Разные христианства

Я не выдумал эту «доктрину». Все это есть в евангелиях. Но, хотя все это там и написано, пока мы только-только приближаемся к тому, чтобы евангелия могли быть хоть сколько-нибудь массово так прочитаны. Так читали евангелия только христианские Посвященные.

Огромная идея христианства посеяна в наших душах очень высоко, в сверхсознании. Это то, что роднит всех христиан и что делает христианство близким и древним полудикарям, и современным интеллектуалам. Но, спускаясь вниз, в сознание разных людей, Свет взаимодействует с разными культурами и «одевается» в доступные этим культурам формы. Так Идея Христианства становится разными христианствами: разными мироощущениями и разными религиозными культурами –

разными словами, интерпретациями, обычаями... А уж дальше каждый человек преломляет христианство своей культуры через себя. Так, не умея передать словами Главное, мы выхватываем из огромного Христианства свое маленькое христианство – понимаем слова, освященные традицией, так, как мы способны их понять. Но, хотя люди и не могут выразить Истину христианства словами, она все равно ведет их по жизни в одном и том же Направлении. Только – к разным «промежуточным станциям»: безжалостных – к состраданию, трусливых – к бесстрашию, ленивых – к служению, темных – к образованию, образованных – к мудрости...

Различия между разными христианствами часто настолько сильны, что бросаются в глаза даже человеку, мало искушенному в тонкостях церковной жизни. Одних христиан привлекает пышность церковного убранства, а других отвращает; одни плачут, услышав орган, другие – хоровое пение, а третьих любая музыка раздражает. Одних пространство церкви должно уносить вверх, других – вдаль, а третьим необходима теснота без всякой протяженности. Одним нужно, чтобы здание собора своим величием напоминало им о Боге, даже когда они смотрят на него издалека. А другим это совсем ни к чему. И поэтому одни строят огромные соборы, другие – крошечные церквушки, а третьи – сказочные теремки. И тот, кто молится на иконы в тесной церквушке, не может молиться «голым стенам» огромного собора. Есть христиане, для которых в службе важно не столько единение с Богом, сколько единение с себе подобными. Им мешают неверующие в храме, потому что они разрушают атмосферу собора, общности. А другим совершенно не важно, кто находится рядом, так как они целиком сосредоточены на проповеднике: им нужен направляющий перст – что делать, как жить, и главное для них, чтобы проповедь была хороша. Кому-то необходимо распластаться перед Богом в молитве и биться лбом о пол. Кому-то – целовать иконы и неистово креститься. А кому-то даже стоять неудобно. И тут дело не в боголюбии или искренности веры – Вера может быть у сидящего на мягкой скамейке и Ее может не быть у совершающего сотню поклонов за службу. За всеми этими различиями стоят разные мироощущения.

Вот оно-то – мирочувствование – и заставляет душу резонировать с теми или иными словами Писания. Одних потрясают чудеса, других – заповеди, третьих – Путь к Богу, четвертых – ужасы геенны и возможность купить избавление от нее. У одних наворачиваются слезы от *Любите врагов ваших* (От Матфея, 5:44), а у других сжимаются кулаки от *Не мир я принес, но меч* (От Матфея, 10:34). У одних душа поет при *Святится имя Твое* (От Матфея, 6:9) и *Твое есть Царство и сила и слава вовеки* (От Матфея, 6:13), у других – при *Да будет воля Твоя* (От Матфея, 6:10).. Для одних главное – *Избавь нас от лукавого* (От Матфея, 6:13), для других – *Прости нам долги наши* (От Матфея, 6:12), для третьих – *Да придет Царствие Твое* (От Матфея, 6:10).

Мы различаем обычно только некоторые христианства, например католичество и православие. А ведь не только греческое христианство непохоже на французское, но и испанское христианство совсем не такое, как мексиканское, да и от итальянского испанское христианство отличается существенно.

«Не слышат и не понимают»

Естественно, что, «заземляя» Идею Христианства, все конкретные культурно-исторические христианства искажают и выхолащивают Главное в Христианстве. Каждое из них слышит и понимает Евангелие по-своему. Это только кажется, что все мы знаем Его. На самом деле люди слышат Евангелие только выборочно. Например, сегодня никто не слышит ни *Любите врагов ваших* (от Матфея 5:43), ни *Взявшие меч, мечом погибнут* (от Матфея 26:52). Если есть враг, то нужно его не любить, а, наоборот, взять скорее меч. И хватаемся, объявляя всеобщую мобилизацию на войну то с одним врагом, то с другим и не отдавая себе отчета в том, что тем самым, умножая ненависть, мы умножаем и число врагов. А убийства врагов объявляем самым христианским делом, оправдывая их разными благородными соображениями, вроде защиты родины или защиты свободы. И при этом совершенно забываем, что желание выжить и желание Спастись – это разные желания и

что «жесарева» забота о своекорыстно понимаемых интересах государства – это еще совсем не «Божие».

Людям церкви всегда не хватало в евангелиях призывов к насилию. В этом смысле Ветхий Завет куда «щедрее». Насильничать христианам приходилось не «по-евангельски», а на свой страх и риск. Чтобы восполнить этот дефицит, как оправдание насилия приспособивали и Не мир пришел Я принести, но меч (от Матфея 34:34), и даже Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей и умиртвят их (от Матфея 10:21).

А кто слышит Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения (от Матфея 6:8) или Кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту [хотя] на один локоть (от Матфея 6:27)? Как же не заботиться? Само собой ведь ничего не получится. И о чем тогда вообще молиться Богу, если ни о чем Его не просить?

Никто не боится грозного Кто... скажет брату своему... «безумный», подлежит геенне огненной (от Матфея 5:22). Не слышим. Так нам удобней. А наше восприятие так и устроено – мы не замечаем того, что нам неудобно.

Что бы было, если бы все богатые услышали Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (19:24)? И на что стала бы похожа наша жизнь, если бы имеющие власть услышали Не судите, да не судимы будете (от Матфея 7:1) или Вынь прежде бревно из своего глаза и тогда увидишь, [как] вынуть сучок из глаза брата твоего (от Матфея 7:5)? Но об этом можно и не задумываться – такого трудного, неприятного и опасного христианства быть не может. Оно противно здравому смыслу и логике – нашей логике.

Но это простые вещи. Не легкоисполнимые, конечно, но понятные. Понятно, что нужно делать или, наоборот, чего делать не нужно. Что уж говорить о главном – о *Возлюби Господа Бога всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сие есть первая и наибольшая заповедь* (от Матфея 22:37) и о *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный* (от Матфея 5:48)! Здесь же вообще непонятно, как это делать. И естественно, что Этого мы и подавно не слышим.

Не слышим и Что ты называешь Меня благим? Никто не

благ, как только один Бог (от Матфея 19:17). Не слышим ни Отец Мой более Меня (от Иоанна 14:28), ни Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили (от Матфея 20:28). Куда там! Хотели служить – и служили. Захотели уравнивать с Богом Отцом (без этого не получалось свести концы с концами в богословии) – уравнивали. Захотели помпезных богослужений – и перестали слышать Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу Твоему, Который втайне (от Матфея 6:6). И вот циничные, ни во что не верящие политики зарабатывают очки к своим рейтингам, участвуя в помпезных богослужениях, а верующий электорат, понимая или, во всяком случае, догадываясь об их истинных мотивах, не только не порицает, но даже одобряет такую «политическую религиозность». Конечно – ведь мы не слышим Когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят... молиться, чтобы показаться перед людьми (от Матфея 6:5).

Есть, конечно, в евангелиях и просто загадочные места, которые мы не слышим, потому что не понимаем, что они означают. *Будет жить человек... словом, исходящим из уст Божиих* (от Матфея 4:4). Как это – «жить словом»? *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (от Матфея 5:3). Что это такое – «нищие духом»? Бездушные, что ли? И почему Царство Небесное принадлежит тем, у кого нет духа? *Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (от Иоанна 4:24). Что это такое – «в духе и истине»? *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (от Иоанна 6:54). Ну, а это, если не давать воли фантазии, вообще ни в какие ворота!

Все это для нас как незнакомый язык – так, какие-то звуки, шумит что-то, а что говорят эти иностранцы – непонятно. Такие слова можно повторять хоть на церковно-славянском, хоть на латыни, хоть на китайском – они не станут от этого ни более, ни менее понятными.

В общем, Многое имею сказать вам; но вы **теперь** (выделение мое – А.З) *не можете вместить* (от Иоанна 16:12). В общем, *Видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют* (от Матфея 13:13).

Это уже другое – слышат, но «не разумеют». Так, *Если... глаз твой соблазняет тебя, вырви его* (от Матфея 5:29) было

услышано как призыв вырывать глаза, а Есть скопцы, которые сделали себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит (от Матфея 19:12) – как призыв кастрировать детей, которых родители решили сделать «божьими людьми». Лука единственный из евангелистов заканчивает знаменитую притчу о зарытом в землю таланте словами царя: врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предо мною (19:27). А Петр Сицилийский через восемь веков услышит эти слова как призыв Иисуса убивать еретиков.

Кесарево кесарю, а Божие Богу (от Матфея 22:21) уразумели как призыв на «государеву службу» со всей ее грязью и оправдывали им свою глухоту к обязывающему отказываться от земного Не можете служить Богу и маммоне (от Матфея 6:24).

Прекрасно слышали, конечно, и самое соблазнительное: *Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите* (от Матфея 21:22). Только пропустили мимо ушей самое главное – *с верою*.

Но самое интересное – не то, что многого в Евангелии мы не слышим и не разумеем, а то, что мы учимся слышать больше и разуметь лучше. Начинается все с буквального разумения – с «картинок». Скажем, слышит человек об искушении Иисуса и видит осунувшегося длинноволосого, почти голого человека в пустыне, а рядом – чертика с хвостом и рогами, который пытается сбить человека с толку. Так воспринимают христианство дети. Бог – это бородатый старик, сидящий на облаке, который (точно как Дед Мороз) исполняет желания, если вести себя хорошо. А потом начинается поиск иносказаний, скрытых смыслов. Находит их один в одном, другой – в другом. Это зависит и от опыта – того, что у человека «за душой», и от ментальных умений – в общем, от уровня развития «разумеющих». Например, юноша, наработавший опыт смутного чувства привязанности к «чему-то», что защищает его от подросткового чувства одиночества и облегчает подростковый поиск смысла жизни, может очень умно философствовать об этом неопределенном «что-то», называя «что-то», скажем, Абсолютным духом. Но это только начало. А дорога ведет выше. Туда, где эфемерное и полупридуманное «что-то» превращается в реальное «Что-то». Правда, сюда поднимаются уже совсем немногие. А еще выше,

где неопределенное «Что-то» становится совершенно определенным Богом Живым, Которого не представляют и о Котором не думают, но Которого можно только знать, восходят уже лишь единицы избранных. Так, вырастая, мы все глубже понимаем, что такое вера, что такое Христос, что такое спасение... – в общем, лучше понимаем христианство. Поэтому и получают христианства такими разными: христианство многослойно, и путь к его надежно скрытому «от посторонних взоров» Ядру долог.

Разные христиане слышали и разумели разное. Первым христианам были нужны «знамения», и поэтому они сразу же слышали рассказы про чудеса: И ходил Иисус... исцеляя всякую болезнь (от Матфея 9:35); Пошел к ним Иисус, идя по морю (от Матфея 14:25) и многое другое в том же роде. Но не слышали ни Если будете иметь веру... горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, – будет (от Матфея 21:21), ни Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит (от Иоанна 14:12). И потому не уразумели, что в исцелениях, воскрешениях и даже в превращении воды в вино самое главное – не то, что они якобы доказывают божественность Иисуса, а самое главное – то, что все это символы христианского Пути. Они слышали и про искупление: Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (от Матфея 26:28) или Сын... пришел, чтобы... отдать душу Свою для искупления многих (от Матфея 20:28). Но большинство уразумело это в том смысле, что Спасение уже достигнуто и делать больше ничего не нужно. Правда, такое разумение было самым поверхностным. Многие слышали гораздо больше. Например, необходимость самоотречения: Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (от Матфея 16:24). Но лишь единицы поняли это следуй как приглашение в дальний Путь. Зато многие поняли другое: что мученическая смерть ведет к Спасению – претерпевший же до конца спасется (от Матфея 10:22). И многие слышали приказ пропагандировать христианство: всякого, кто исповедует Меня, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным (от Матфея 10:32).

Прошла тысяча лет, и появились другие христиане – христиане, которые слышали Жатвы много, а делателей мало

(от Луки 10:2) и Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой (от Матфея 20:1). Слышали они и Бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (от Матфея 10:28). Тогда же «заметили» и Кто разводится с женою... тот подает ей повод прелюбодействовать (от Матфея 5:32). (Правда, «услышали» не всегда значило «уразумели».)

А еще через пятьсот лет появляются еще одни христиане – христиане, услышавшие Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (от Матфея 18:20).

Сто с небольшим лет назад Толстой попытался заставить услышать вроде бы никем не оспариваемое Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (от Матфея 5:39). За это его отлучили от церкви. Только недавно (и тоже не «люди церкви», а малоцерковленные, «светские» христиане) стали слышать Начал скорбеть и тосковать (от Матфея 26:37) и Отче Мой! если возможно, да минует меня чаша сия (от Матфея 26:39) – слова, которые много веков заглушались громкими «осаннами». И уже совсем недавно стало расти число тех, кто слышит центральное во всем Христианстве Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет (от Иоанна 10:9).

Мы привыкли думать, что христианство всегда было одинаковым и ничем не отличалось от нашего христианства. Мы привыкли думать, что пришел Христос и принес религию христианства, которая сохраняется и сейчас, через две тысячи лет. Но это только наша привычка. На самом деле сегодняшнее христианство и христианство двухтысячелетней давности – это совсем разные христианства. Мы сами стали совсем другими, и, по мере того как менялись мы, менялись и наши христианства. Христианство сирийца 2-го века было не таким, как христианство вестгота 7-го века, христианство палестинца 8-го века – не таким, как христианство француза 10-го века, а христианство испанцев 12-го века – не таким, как христианство русских 16-го. Более того, христианство итальянцев 20-го века совсем не такое, как христианство итальянцев 13-го века, – и не в том смысле, что верующих стало меньше, а в том смысле, что верующие стали другими. Более того, это значит, что изменения в христианстве еще не завершены. Новое, будущее

христианство грядет. И оно ждет своих апостолов.

Психотеология и будущее христианство

Теология, опирающаяся на психологию, а именно на высшую психологию (психологию духовности), которая и есть единственная настоящая психология развития, открывает двери для появления нового христианства. Конечно, слово «новое» не означает ни того, что этого христианства не было раньше, ни того, что раньше не было христиан, которые жили такой христианской жизнью. «Новое» означает массовое распространение психологического понимания христианского учения и рождение новой христианской культуры, которая не будет противопоставлять себя таким отраслям современной культуры, как искусство и наука, но будет сотрудничать с ними (а иногда и вести их) в общем деле совершенствования человека. Более того, это новое христианство сможет закрыть пропасть не только между наукой и религией, но и между западным и восточным христианством. «Алгоритм» решения последней задачи может быть только одним: (а) извлечение глубинных смыслов христианства, которые в обеих христианских традициях закрыты множеством более поверхностных культурных пластов; (б) очистка этих смыслов от архаических форм их представления; и (в) создание новых форм выражения этих смыслов («мехов новых»). Первые шаги в этом направлении делаются уже сегодня и они определенно будут продолжены.

Дополнение. Отрывки из «христианских» глав книги «Свет Жизни»

От автора. Естественно, что в историческом «Свете Жизни» многие страницы посвящены христианству, или точнее, разным христианствам. Я попробовал собрать все эти страницы и помещаю их здесь в качестве Дополнения к настоящему Комментарию. (А.З.)

Из главы 10. Книга

Многозначность

Книга. Мы Ее вроде бы и знаем, и в то же время совсем не знаем. Мы не замечаем ни что Книга нами не дочитана, ни тем более что Она не дописана. И конечно, не понимаем, что Она живая и живет нами, так же как и мы – Ею. История того, как Книга писалась и дописывалась, понималась и исполнялась, – это наша история, история нашего мира.

Многозначно в Книге *все*. Например... Божий народ. На первый взгляд это евреи. Но есть и более глубокий смысл – Книга рассказывает о том, как История делает из «просто людей» Божий народ.

.....

О многозначности Книги особенно громко кричат ее «несуразности». Например, зачем так много чисел и почему эти числа такие странные? Что стоит за долголетием первых людей? Или откуда взялись 600 тысяч взрослых мужчин и, значит, минимум 2 миллиона всего народа, вышедшего из Египта? Моисей и Аарон – правнуки Левия и, соответственно, праправнуки Иакова. Семья Иакова, пришедшая в Египет, состояла из 70 мужчин. Как за три поколения она выросла почти в 10000 раз? С другой стороны, за 430 лет, которые евреи провели в Египте, должно было смениться не три, а минимум десять поколений. И такие «нелепицы» даже не на каждой странице – чуть ли не в каждом стихе. Как эти два миллиона располагались станом во время своих странствий по пустыне?

Это должен был бы быть огромный блуждающий город – гораздо больше, чем Рим в период своего расцвета. А зачем так подробно описывать устройство скинии, ковчега, жертвенника, одежд священников и т.д.? И эти повторы одного и того же по многу раз... Что это, недосмотр составителей Книги? Об этом и думать нелепо. Книгу писали не двоечники. И тогда остается единственное объяснение – скрытый код, тайнопись.

«Несуразности» просто указывают на тайнопись. Пусть, например, я хочу передать потомкам особый рецепт приготовления кофе. Рецепт же состоит в том, что на одну ложку кофе нужно положить семь ложек сахара. Если я напишу о танце, в котором негр танцует с семью белыми партнершами, это привлечет меньше внимания, чем если я напишу о карлике негре, танцующем с белой великаншей, которая выше его в семь раз.

О цифровом коде Книги сейчас пишут много. Это модная тема. Но доступ к тайнам Библии открывает не искусство дешифровщика. Только дорастая до того или иного понимания, человек «вдруг» обнаруживает, что дни творения – это не дни, а миллионы лет, что первые люди – это не люди, а человеческие расы, а потоп – это просто последняя из мировых катастроф. И тогда его не смущает больше, что светила созданы после света, а когда он натывается (а это все равно происходит постоянно) на непонятные места, то уже не пытается объяснять их наивностью авторов Книги. Впрочем, одно из чудес Книги – в том, что она сама поднимает к пониманию непонятных «нелепостей».

Насколько все эти скрытые смыслы в самом деле присутствуют в Книге, а не привносятся современными интерпретаторами? В конце концов, человек, знающий, скажем, закон всемирного тяготения, может увидеть намек на этот закон и в любом рассказе о разлученных влюбленных – о Тристане и Изольде или о Ромео и Джульетте, хотя авторы этих рассказов и не имели в виду ничего подобного. То, что Книга и в самом деле наполнена скрытыми смыслами, видно по тому, что всегда были люди, понимающий ее Истинный Смысл, – люди, которые вычитывают в Книге все то, что знают о Мире Посвященные.

Египетское происхождение Книги на первый взгляд кажется неочевидным. Прямых указаний на это в самой Книге нет. Есть только намеки. Не говоря уже о раннем визите Авраама в Египет, крупнейшим египетским вельможей и зятем египетского жреца был Иосиф, приемным сыном дочери фараона – Моисей. С другой стороны, примерно во время Исхода хорошо известна знаменитая попытка Эхнатона установить в Египте единобожие. Судя по тому, что мы знаем, Эхнатон поторопился популяризировать то, к пониманию чего «нижние египтяне» еще не были готовы. Не

исключено, что реакцией на эту неудачу и стало создание Книги. Недаром Книга рассказывает, что, покидая Египет, евреи унесли египетское серебро и золото, использованные позже для изготовления еврейских святынь: Ковчега Завета, стола, светильника, жертвенника для курений... Из египетского золота был сделан и золотой телец, которого Моисей сжег, растер в порошок, растворил в воде и напоил этой водой евреев. Ее вкус каждый еврей чувствует и сегодня.

Но гораздо серьезней, чем эти намеки, другое: следы того Знания, которое скрыто в Книге, мы видим из стран древнего мира только в Египте, причем видим их гораздо раньше появления Книги. А дальше логика простая: если вы узнаете от Петра секрет, который из его знакомых знал только Иван, то понимаете, что Петр узнал секрет от Ивана, хотя если рассуждать строго, то нельзя исключить и то, что Петру рассказал его кто-то еще.

Ковчег Завета

Но вернемся к многозначности. Ковчег Завета. На первый взгляд это деревянный ящик для хранения Откровения. При более глубоком понимании Ковчег – это сами евреи. Несколько тысяч лет евреи своими жизнями разыгрывают мистерию, которая символизирует Откровение. Стержень еврейской жизни – это тщательно разработанный ритуал, состоящий из произнесения множества слов, и в том числе перечитывания или прослушивания минимум раз в году всей Книги всеми людьми народа, и выполнения множества действий, которые на первый взгляд кажутся бессмысленными. Но они вовсе не бессмысленны: просто их истинное значение – символическое.

.....

Богоборчество, неисполнимый Закон и идола

Сон Иакова, после которого он получил имя Израиль, оказался вещим. Потомки Израиля никогда не прекращали борьбу с Богом. Но борьба эта очень странная. Евреи все время упрямо делают не то, что хочет Бог. Но самое интересное, что при этом они все время пытаются следовать Божьему Закону. Вот такой парадокс. Почему так получается? Разгадка этой загадки на первый взгляд тоже кажется парадоксальной: Закон требует невозможного, Его невозможно исполнить. Но эта парадоксальность – зачем нужен Закон, который нельзя исполнить, – рассеивается, когда вчитываешься в Книгу и понимаешь, *Что* это за Закон.

Закон очень «простой» – жить по-Божески. В Пятикнижии он

сформулирован так: *Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш.* В евангелиях – *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.* Но что это значит – *будьте святы* (или *совершенны*), и во времена Моисея, и во времена Иисуса, и сегодня, кроме самых высоких Гигантов, не понимает никто. И поэтому, естественно, никто не может Приказ выполнить. Люди стараются жить по-Божески, но у них это не получается: то, что они считают «по-Божески», на самом деле оказывается вовсе не «по-Божески».

В самом деле, легко сказать: *Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш.* Но как? Как быть святым? Книга объясняет: *Положи на сердце твое, что Господь есть Бог на небе вверху и на земле внизу, [и] нет еще [кроме Его].* И потому нужно *ходить всеми путями Его и прилепляться к Нему*, чтобы ты *слушал глас Его.* А для этого *люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всю душою твоею, и всеми силами твоими.* (Выделено везде мной. – А.З.) *Ибо в этом твоя жизнь.* Это значит, что нужно *служить Ему от всего сердца вашего и от всей души вашей. Ему [одному] служи.* Вот поэтому и *не обращайтесь к идолам. Не делайте себе кумиров. Чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились и не стали служить иным богам и не поклонились им.*

Хорошо. Но ведь Бог невидим и невообразим. Любой Его образ как раз и будет тем кумиром, которых нельзя делать. То есть любить нужно то, что невозможно себе даже представить. И нельзя любить ничего другого. Но разве это возможно? Хотя для кого. Книга дает направление, как к этому прийти: *правды, правды ищи.* Но это вообще. А в частности? А в частности: *до сего дня не дал вам Господь сердца, чтобы разуместь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать.*

Вся жизнь обычного человека «до сего дня» (и не до Моисеева «сего», а до нашего, сегодняшнего) состоит в сотворении себе кумиров и служении им. Деньги, власть, благополучие, здоровье, карьера, семья, дети, наука, искусство – все это наши кумиры. Им мы служим и поклоняемся.

Соподчинять все те низкие и все те возвышенные вещи, из которых состоит наша жизнь, Богу: научиться превращать наше служение науке в работу для Бога, нашу заботу о детях – в работу для Бога, нашу влюбленность – в работу для Бога и даже

нашу погоню за деньгами – в работу для Бога – до этого нам и сегодня очень далеко. Но разве об этих кумирах идет речь в Пятикнижии? Ведь там имеются в виду просто «истуканы» – статуи божеств, которым поклоняются язычники. В самом поверхностном смысловом слое это так и есть. Но стоит заглянуть чуть глубже, как немедленно обнаруживаешь, что мы превращаем в кумиров и Иисуса, и Богородицу, а гордящиеся своим «однобожием» евреи и мусульмане, не говоря уже о поклонении все тем же общим кумирам, которых «весь род людской чтит», часто превращают в кумира и самого Бога.

Можно ли вырваться из этого заколдованного круга, когда все, к чему мы ни прикасаемся, мы превращаем в кумиров, которым нам нельзя поклоняться и служить, а Тот, Кому мы должны поклоняться и служить, нам недоступен? Или же мы обречены на жизнь белки в колесе – все так же стремиться к Богу и все так же богоотступничать? Обречены, но вовсе не «все так же». Вырастая, мы начинаем стремиться к Богу по-новому, и хотя богоотступничать мы и не перестаем, но начинаем богоотступничать тоже по-новому. «По-новому» означает, что мы больше понимаем, что такое «по-Божески». И когда мы начинаем жить в соответствии со своим новым пониманием, мы делаем шаг Наверх. Несмотря на то, что хотя мы поняли больше, но – далеко не Все и что со временем нам предстоит понять еще больше. Так мы растем: делаемся выше и лучше понимаем Книгу, лучше понимаем Книгу и делаемся выше. Поэтому наш «заколдованный круг» – не круг, а винтовая лестница, и в своем кружении мы поднимаемся вверх. В этом и состоит мистерия Книги.

Четыре слоя Свитка

Среди многих глубочайших символов в еврейской традиции символичен сам способ хранения и чтения самой старой, центральной части Книги – Пятикнижия, по-еврейски – Торы. Тора написана на очень длинном (несколько десятков метров) листе, который свернут в рулон. К внешнему и внутреннему краям листа прикреплены шесты. При чтении – а евреи читают Тору целый год, каждую неделю свои главы, – свиток перематывается с «внутреннего» шеста на «внешний», и

«внутренний» шест становится внешним, а «внешний» – внутренним.

Но не только евреи – все мы читаем Книгу именно таким образом: «раскручиваем свиток» – переходим от все более поверхностного ко все более глубокому пониманию одних и тех же слов. Так углубляется понимание и отдельных читателей Книги, и того группового читателя, который не перестает читать Книгу уже три тысячи лет. Но этот читатель – не только читатель, но и писатель. Чем глубже он понимает прочитанное, тем больше пишет «комментариев», в которых отражено его все более и более глубокое понимание. Перематывание Торы с шеста на шест символизирует и этот процесс – не только то, как мы читаем Книгу, но и то, как мы Ее дописываем. Прочитав очередной слой, на его обороте мы записываем *понятое*. В результате, когда «свиток чтения» раскручивается, накручивается «свиток комментариев (или продолжений)» – к Книге добавляются все новые и новые слои. Все «продолжения» одинаковы по содержанию: каждое из них – это та же Книга. Но каждое новое «продолжение» раскрывает смысл, который в более ранних частях Книги был скрыт. Моисеево Пятикнижие, Псалмы Давида, Евангелие, Коран – все это разные слои свитка Книги. Но это не конец. История Книги – это история о том, как слой за слоем разворачивался Свиток, все больше и больше открывая свой внутренний Свет и все ярче и ярче освещая мир.

Самый внешний слой Книги превратил людей-0 в народ-I¹. Законы Моисея были написаны для совсем диких людей. Люди-0, станьте людьми-I: смирите буйство, подчинитесь Закону и начните жить по-человечески – вот лейтмотив Пятикнижия при его буквальном прочтении.

Отсюда видна, с одной стороны, древность Пятикнижия, а с другой – что и в вопросе о происхождении евреев нельзя понимать Книгу буквально: евреи не несли явного отпечатка ни египетской, ни месопотамской культуры. Вряд ли они вообще долго жили среди египтян. Евреи во время Исхода – люди-0, а египтяне и месопотамцы к тому времени уже долго были людьми-I. По сравнению с законами Моисея старовавилонские законы Хаммурапи, которые старше на несколько веков,

---

¹ Речь идет об уровне психического развития. «Свет Жизни» выделяет 5 ступеней психического развития, по которым человечество поднимается на протяжении известной нам истории (4-5 тысяч лет) от полной дикости (люди-0) до уровня современных граждан развитых стран (люди-IV). (Везде примечание автора.)

отражают жизнь куда более мирного и организованного общества.

От этого законы Моисея и кажутся такими жестокими – диких жеребцов не треножат шелковой ленточкой. Моисею было что смирять. Поэтому родителям не просто разрешалось, а предписывалось убивать непокорных детей. Поэтому так подробно прописаны (в 11 пунктах) ограничения, чей «наготы не открывать» и на кого не посягать (включая мачех, теток, сводных сестер и тещ). Все это, как и гомосексуализм и скотоложество, до Закона было, по-видимому, обычными явлениями. Не заставляй дочь блудить. *Не грабительствуй*, не давай подножку слепому, *не злословь глухого*. (Боюсь, не нарушить бы мне сейчас последнюю заповедь.)

Впрочем, часто мы не понимаем смысла Закона. Например, сейчас «око за око» кажется призывом к насилию – «тебе выбили глаз, и ты выбей глаз». А на самом деле его смысл не подстрекающий, а сдерживающий: «одно око за одно око – если тебе выбили один глаз, не выбивай обидчику оба». Конечно, это еще далеко от «подставь другую щеку», но это ограничение «беспредела». Такими же ограничениями необузданной жестокости являются запрет убивать отцов за вину детей, а детей – за вину отцов или очень гуманный для того, да и для более позднего, времени запрет калечить – давать виновному больше сорока ударов. И в том, как подробно определены виды жертв, тоже есть значимое ограничение – неявный запрет на человеческие жертвоприношения. Но есть и особые жертвы, которые перекидывают мостик от этих первых времен в далекое будущее. Такова бескровная жертва Богу субботы.

Еще одна часть Закона – заповеди чистоты. Их поверхностный смысл вполне земной – профилактика болезней. Актуальным для этих людей был, например, запрет испражняться внутри стана. (Кстати, уже по одному этому видно, что в стане жили не миллионы и даже вряд ли тысячи людей.) Но за этим поверхностным были и более глубокие смыслы – заповеди внутренней чистоты, которые раскрывают другие слои-продолжения Книги.

Именно потому, что она была адресована людям-0, такой примитивной в поверхностном слое кажется религия Пятикнижия. Мы уже так далеко ушли от его первых читателей-слушателей, что нам даже трудно поставить себя на их место. А

люди-0 не могли вместить больше. Поэтому такая простая здесь любовь к Богу – без какого бы то ни было «общения» и даже без прославляющих молитв. Для этих людей «любить» значило прежде всего «кормить». Поэтому все служение сведено к жертвоприношениям. И конечно, любовь несовместима с изменой, и поэтому отказ от поклонения другим богам тоже очень конкретный: это отказ от поклонения богам-0 и чужим богам-1.

Второй слой Книги – о становлении людей-1 людьми-П. Здесь мы видим уже другой Израиль, Израиль «исторических» книг Ветхого Завета – люди-1, живущие жизнью-1. Евреи Давида гораздо «обузданней», «культурней» евреев Моисея. Они более-менее законопослушны – жервуют, что положено; празднуют, что положено. Они стараются жить по Закону. Но что-то в их жизни не так, и Бог ими недоволен. Ясно скажут о том, что происходит, уже в самом конце этого периода Осия и Исайя.

Осия: Милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений.

Исайя: Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями онов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новолуний и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новолуния ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу... Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды.

Почему? Казалось бы, только-только научились жить по Закону – делают все, что предписано. Но делать, что предписано людям-0, чтобы стать людьми-1, – это хорошо для людей-0. А для людей-1 это плохо. Им нужно прочитать в предписании свое – не то, что было предписано их предкам –

людям-0, а то, что предписано делать им, людям-I, чтобы стать людьми-II. Нужно делать не то, что предписано буквально, а то, что имелось в виду под этим предписанием: милость, добро, правду, Боговедение... Внешняя форма – ничто. Нужно идти к содержанию, к сути. Нужно обрезать сердце, отделять суть от формы – *как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отделию от тебя все свинцовое.*

Но Исайя уже самый конец этого времени. А призыв к новой жизни – к другому Закону и другому служению – начал звучать гораздо раньше. Для евреев-I продолжил писать Книгу Давид. Его Псалмы – это второй слой Свитка – та же Книга, но написанная по-другому. Псалмы так же глубоки и многослойны, как и Пятикнижие, но поверхностные смыслы Пятикнижия адресованы людям-0, а поверхностные смыслы Псалмов – более культурным людям-I. Но и мы, люди-IV, и в Пятикнижии, и в Псалмах можем открыть бездонные глубины или, точнее, бескупольные Высоты. Главное в Псалмах – новый Бог и новое отношение к Богу. О Давидовом любовном порыве, о Давидовой личной, *сыновьей* связи раб Божий Моисей и не мечтал. Псалмы учили людей-I, что кроме искупительных жертв и памятования Бога во время праздников возможна и другая служба Богу – прославления, и другие, личные отношения, основанные на личной молитве. Для них это было другое, новое Небо, другое, новое направление Вверх – не дарить, а славить. Впрочем, обучение у Давида еще далеко не закончено: не только евреи три тысячи лет назад – и сегодня все мы продолжаем учиться у Давида и любви к Богу, а главное, понимаю, что Вверх может оказаться совсем не туда, куда устремляли себя наши предки.

Но хотя Псалмы не позволяют оставаться в культуре-I, зовут они не в культуру-II. Псалмы зовут Выше. Первый же псалом: *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых... и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!* – своим полемическим острием направлен не только против современных Давиду сборищ, но и против симпозиумов культур-II (а кстати, и против наших «тусовок» поздней культуры-IV). Но для людей-I дорога Выше проходит через культуру-II. И Соломон заземляет призыв своего отца,

становясь пророком культуры-II. Культ мудрости в Притчах и особенно в Екклесиасте созвучен мотивам античной философии. Просьба Соломона у Бога «разумного сердца» ставит во главу угла не силу, а ум, и этот «ум Соломона» такой же, как и «ум Платона». И знаменитые Соломоновы Песни песней (хотя в них, конечно, есть и скрытый смысл – они не только и не столько о чувственной любви) своей чувственностью близки античной лирике. Дополняет Соломоново «евангелие культуры-II» Книга Иова, в которой отчетливо слышен мотив стоицизма (хотя и ее содержание не исчерпывается этим). Там же, в Книге Иова, появляются и сыны Божии. Это тоже черта религий-II: собрание богов и управление земными делами – почти как на Олимпе. (Замечу в скобках, что спор Господа с сатаной кажется не менее кощунственным, чем спор с Моисеем. Но это – с нашей колокольни. Оба спора вполне в духе религий-I и религий-II с их представлениями о богах как об очень могущественных людях.)

Завершил и укрепил понимание Книги в духе мышления-II Талмуд. Для мышления-II не существует развития, и Талмуд создал «единственно верное» учение. Талмуд объявлял, что «мы уже пришли в радугу, уже стоим на горизонте» – дальше идти некуда и незачем. Талмудическая схоластика – близкая родственница аристотелевой логики – отвергла живые голоса тех, кто еще на самой заре еврейской культуры-II предупреждал, что евреи-II будут не ближе к Закону, чем евреи-I: *Не учитесь путем язычников... [Мудрецы] народов... во всех царствах... все до одного... бессмысленны и глупы... Безумствует всякий человек в своем знании, срамит себя всякий плавильщик истуканом [своим], ибо выплавленное им есть ложь, и нет в нем духа.* Но еврейская Струна, звенящая в ответ на любое отклонение от Закона, не замедлила зазвенеть и на этот раз. Теперь она зазвучала в проповеди Иисуса (например: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное*), а подхвачена была в первых христианских общинах, которые (к слову) состояли из евреев – евреев по языку и, главное, евреев по мечте о Боге.

Не просто близкие, личные, любовные отношения с Богом – между Богом и человеком вообще нет никакого отчуждения.

Это уже не Давидово *из глубины взываю к Тебе, Господи, а Я в Отце и Отец во Мне* – совершенно другое мироощущение, недоступное людям-II.

Так был записан третий слой свитка Книги – Евангелие. Если Пятикнижие – это священная книга для людей-0, становящихся людьми-I, а Псалтырь – священная книга для людей-I, становящихся людьми-II, то Евангелие – это священная книга для людей-II, становящихся людьми-III. Но это все та же Книга. Как и Пятикнижие и Псалтырь, Евангелие столь же бездонно глубоко и бескупольно Высоко. *Не нарушить [Закон] пришел Я, но исполнить*. Христианство было не другой религией, а реформой, осовремениванием старой. И поэтому так настойчиво учителя церкви искали подтверждения Нового Завета в Ветхом – они писали не новое, они разворачивали, или (что то же самое) дописывали (хотя теперь все больше и больше не по-еврейски, а по-гречески), новый, свой слой Свитка.

Но Евангелие было уже слишком Большим, чтобы его можно было вместить в слова. И поэтому вместо одного Евангелия мы имеем Его пересказы – четыре канонических евангелия (кроме них было и несколько неканонических).

А дальше история Книги, оставаясь историей Божьего народа, перестала быть историей евреев. Евреи продолжали хранить и самую суть Завета, и Его самую внешнюю оболочку, но эта внешняя оболочка для тех, кто ушел вперед, естественно, становилась все более ветхой. А Божьим народом теперь становятся все христиане. Еврейские ортодоксы, конечно, не могли это признать, но первые христианские учителя понимали это совершенно ясно и постоянно это подчеркивали. Тогда-то и произошло то, чего так боятся антисемиты: «еврейское» влияние превратило весь Центральный мир-II в «евреев» (конечно, в переносном смысле – превратило в Божий народ).

Иная еврейская экспансия невозможна. Исторические казусы с «еврейскими государствами» в Хазарии и Йемене показывают непригодность иудаизма в качестве «религии для всех». Слепо верить в «то, чего нет», делать то, чего не понимаешь, а если бы и понял, то все равно не смог бы сделать. И все это – не получая взамен, кроме синяков, почти ничего: ни утешения в молитве, ни надежды на загробное счастье, ни помощи в повседневных делах, ни защиты от врагов. Нет, охотников вести такую жизнь немного.

Но, став Божьим народом, христиане «унаследовали» от евреев не только честь, но и проклятие – жить по Закону,

который нельзя исполнить, и претерпевать наказания за «непослушание». И большинство из них было обречено так же, по-еврейски хранить давно обретенные и когда-то новые, но с тех пор уже успевшие обветшать застывшие формы, вооружившись при этом и еврейским фанатизмом, и еврейским упрямством. Христианство коснело так же, как раньше иудаизм. Новый Божий народ – христиане так же нарушали Закон-III, как раньше старый Божий народ – евреи нарушали Закон-I и Закон-II, и так же неохотно это признавали.

И тогда появилось продолжение Книги, написанное по-арабски, – *в подтверждение истинности того, что было ниспослано до него, и в изъяснение писания* (10:38). То, что Исая говорил людям-I, а Иисус – людям-II, Мухаммед сказал людям-III: вы не следуете, а вам только кажется, что вы следуете Богу. *Мы дали завет христианам. Но они забыли* (5:17). *Пишут писание сами, а потом говорят: «Это от Бога»* (2:73). *Хотят потушить свет Бога своими устами, но Бог не допускает иного, как только завершить Свой свет* (9:32).

Это продолжение присоединило к народу Книги мусульман. И теперь уже они приняли ту же честь и то же проклятие. Но история Книги – наша история – продолжалась: найденные мусульманами формы жизни коснели так же, как и те, которые были найдены их предшественниками, и теперь уже людей-III звал дальнейший Путь – путь в культуру-IV. Развернув свой, четвертый слой Свитка, европейцы увидели там такое, что уже вообще нельзя было передать словами. И поэтому их часть Книги оказалась невидимой, она как бы написана симпатическими чернилами. Со временем маленьких «европейских евангелий» появится множество – каждое значительное теологическое, литературное или философское произведение будет таким «маленьким евангелием». Но наиболее «компактно» и ярко свое Богочувствование европейцы выразили не словами.

Но и это, даже такое огромное и «летучее» понимание Книги ждала все та же судьба: когда были созданы формы новой «жизни по-божески», они постепенно стали застывать и их покинуло живое Содержание. И пришло время разворачивать следующий, пятый слой Свитка и писать новое, пятое продолжение Книги.

Из главы 15. Свет истинный

Памятники Первохристианской Вспышки

Я назвал Вспышку ², которая оживляла угасающую античность римской жизни, Первохристианской потому, что такой – первой христианской – была созданная ею метакультура. Время расцвета этой метакультуры – первая половина первого тысячелетия. В конце первого тысячелетия она «застывает», а затем и входит в фазу «конец», которая продолжается почти все второе тысячелетие, вплоть до 19-го века. Но первая христианская Вспышка не была последней. Разгоревшаяся на тысячу лет позже Католическая Вспышка создала еще одну христианскую метакультуру – метакультуру с такой же явно выраженной «христианской окраской», но «окраской» совсем другой, чем первохристианская. А сегодня мы видим, как разгорающаяся новая Вспышка обещает создать еще одну метакультуру «христианского цвета».

Но Первохристианская Вспышка создала не только первую христианскую метакультуру. Идея, которую она несла, была почти такой же огромной, как и вся Идея Истории ³. И реализация этой идеи (я назову ее идеей нашей эры) еще далека от завершения. Так что не только первохристианская метакультура, но и вся наша жизнь за последние две тысячи лет – это памятник Первохристианской Вспышке. И памятник этот не достроен.

Но тем удивительнее, что у такой невообразимо огромной идеи есть и гораздо более компактный памятник. Этот памятник – Евангелие Иисуса: неотделимые друг от друга личность,

---

² Даже поверхностный анализ истории открывает периодическое появление периодов высокой творческой активности тех или иных народов, результатами которой становятся новые культуры (в «Свете Жизни» они называются метакультурами), меняющие лицо истории человечества. «Вспышка» - это «овладевающая массами» идея новой метакультуры в момент, когда ее создатели еще только интуитивно чувствуют, что именно им предстоит создать.

³ «Свет Жизни» рассматривает историю человечества как реализацию Идеи Истории. Идея Истории включает идеи метакультур в качестве элементов своей структуры.

жизнь и учение. Свет Первохристианской Вспышки стал светом Евангелия, и Его идея, становившаяся и становящаяся нашей жизнью, видней всего именно там. Другими словами, идея нашей эры – это идея христианства. Почему я говорю, что христианство сформировало и продолжает формировать нашу историю, хотя половина Центрального мира⁴ – это мусульмане, а в христианской половине немало и атеистов? Потому что плоды Исламской Вспышки и «атеистической» Гуманистической Вспышки – это плоды с разных ветвей все того же самого дерева, которое было посажено Первохристианской Вспышкой. Именно ее Свет зажег в Центральных душах ту звезду, идя на которую Центральные люди растут.

Впрочем, чтобы наполнить смыслом все эти (правильные) слова, нужно обратиться к самому главному вопросу: а что такое христианство? Конечно, может показаться, что и вопроса здесь никакого нет: ведь и так, дескать, понятно. Но это совсем не так: люди разных эпох и разных культур понимали Евангелие по-разному, из-за чего и пониманий, что такое христианство, много, и, соответственно, много и самих христианств. Но хотя толкований Евангелия и много и хотя все они преломляют одно и то же Содержание, ни одно из них *само по себе* не приближает нас к пониманию этого Содержания – того Главного и Вневременного, что составляет суть христианства, или, точнее, Христианства.

Неприкасаемая тема

...Прежде чем начать, я должен сделать два предварительных замечания.

Первое (я уже говорил об этом): не нужно мне верить. Да что там мне... Даже словам самых Светлых Христиан, которые тянут нить Истинного Христианства от Первого Христианина в наше время, здесь можно верить, только удостоверившись в их Истинности.

И второе: то, о чем пойдет речь дальше, – ересь. Но такая же

---

⁴ В «Свете Жизни» Центральным миром называется мир авраамических религий, Восточным – мир буддизма, а Западным – Америка.

ересь для первоклассника, знающего только «раз, два, три», – то, что «5 можно поделить на 2» или что «из 2 можно вычесть 5», а для шестиклассника – что можно извлекать квадратные корни из отрицательных чисел. Для мыши, в самом деле, «сильнее кошки зверя нет», но среди животных есть еретики, которые думают иначе.

Главное

Главное – это знание о пути к Богу. Этому учит вся Книга, и этому учит Евангелие: *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный.*

.....

Всеобщее Воскресение в последний день аналогично индуистскому соединению в конце мира всех отдельных душ с Мировой Душой. Что же касается существования души между смертью и Воскресением, то этот вопрос, как и многие другие подобные ему, в евангелиях затушеван. О судьбе души после смерти говорится только намеками. Среди них есть и намеки на реинкарнацию. Самый знаменитый из них – о реинкарнации Илии-пророка как Иоанна Крестителя (Мф. 17:12, 13). Что же касается такого «важного» вопроса, как воскрешение Иисуса во плоти, то, хотя в принципе в таком воскрешении нет ничего не возможного (например, эзотерическая традиция тибетского буддизма – дзогчен – описывает многие случаи посмертного перехода в «радужное тело» самых высоких из буддистов), этот вопрос *для нас* вовсе не важен. Он был важен для современников Иисуса – людей-II. Без него они не могли признать Иисуса богом. Но мы уже выросли до того, чтобы понимать, что у нашей души в ее Работе есть очень много дел и помимо превращения вещественного тела в астральное. Что действительно важно в понимании Воскресения – это то, что Иисус «во-истину воскрес», то есть стал истиной, или, точнее, Истиной.

.....

«Не слышат и не понимают»

.....

Многие... христианства, включая множество христианских сект, современных и давно исчезнувших, включая и те христианства, которые считают ересями или вообще не относят к христианству, а главное, включая и те христианства, которых еще не было, – будущие христианства, нес (конечно, в «свернутом виде») Свет Первохристианской Вспышки. И история нашей эры – это история того, как люди слышали и как разумели Свет христианства и как это разумение Света растило людей.

Из главы 16. Человек-III и первохристианская метакультура

Пики-II и пики-III

Наша эра началась с создания из материала античного человека-II Богостремительного человека-III и, соответственно, превращения Центра-II в Центр-III ⁵. Это была грандиозная работа, на которую ушло около тысячи лет.

Яснее всего ступень, на которую должен был подняться человек-II, чтобы стать человеком-III, видна, когда сравниваешь пики культуры-II с пиками культуры-III, например Платона с Газали. Сделать это проще всего тогда, когда они оба пишут об одном и том же.

Вот отрывок из «Тимея»:

Если душа будет властвовать над страстями тела, ее жизнь будет справедлива, если же окажется в их власти, то несправедлива. Тот, кто проживет справедливую жизнь, будет вести блаженную, нормальную для него жизнь, а тот, кто этого не сумеет ... будет перерождаться в животную природу, которая будет соответствовать его порочному складу, и конец его мучениям наступит лишь тогда, когда он отделит рассудком неразумное буйство наносного в себе – смуту огня и воды, воздуха и земли – от своей истинной природы и снова вернется в свое истинное состояние.

А вот как заканчивается кульминация «Пира»:

И в созерцании прекрасного самого по себе... только и может жить человек, его увидевший. ...Лишь созерцая прекрасное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную. ...А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он.

---

⁵ То есть Центрального мира – II в более высокий по уровню духовного развития Центральный мир – III.

А так о том же самом пишет Газали:

В тебе скрыты и качества скота, и качества зверей, и качества бесов, и, наконец, качества ангелов. Поэтому тебе нужно знать, кто ты сам – какие из этих качеств твои. Без этого ты не узнаешь, в чем твое счастье. Ведь у каждого свое счастье. Счастье скота в еде, сне и совокуплении, и, если ты скотина, тебе нужно дни и ночи прилагать усилия, чтобы удовлетворить свой желудок и чресла. Счастье зверя в том, чтобы убивать и вымещать на других свою злобу, а счастье бесов – в подлостях, предательстве, хитрости и обмане, и если ты к ним относишься, делай то, что им подобает, чтобы прямоком достичь своего счастья. Счастье же ангелов в свидетельстве Божественной Красоты, и злобе или скотским качествам с ними не по пути. Если в твоей основе ангельская суть, то старайся найти путь к свидетельству Божественной Красоты, освободись из плена злобы и похоти и узнай, что зверские и скотские качества тебе нужны не для того, чтобы они тебя сделали своим рабом, а для того, чтобы ты сделал из одного себе повозку, а из другого оружие и пользовался ими в том пути, который тебя ожидает. Тогда за те несколько дней, которые ты будешь на этом свете, ты с их помощью сможешь добраться до порога обители твоего счастья, которую знающие называют Божественными Чертогами, а простые люди – раем. Чтобы познать смысл всего этого, тебе нужно узнать себя, и для того, кто себя не узнает, суть Веры останется скрытой...

Если хочешь познать себя, то знай, что ты создан из двух вещей: одна вещь – это явная форма, или тело, которое ты можешь явно увидеть глазами, а другая вещь – это твой скрытый смысл, который называют душой, духом или Сердцем и который ты можешь узнать внутренней пронизательностью, а явными глазами ты этого видеть не можешь. Твоя истинная сущность заключается в этом внутреннем смысле – Сердце. Все остальное подчинено Сердцу. ...Сердце не из этого мира, но Оно попало сюда, чтобы пройти через этот мир. Познание Бога и свидетельство Красоты Его Величия – это задачи Сердца... Познание истинной сути и

качеств Сердца и есть ключ к познанию Бога...

Человек создан не для пустого времяпрепровождения и развлечений. Дело его – великое. Его тело из праха и грязи, но душа принадлежит к Высшему миру. Жемчужина его сущности поначалу запачкана скотскими, звериными и бесовскими качествами, но переплавка в тигле Усердия очищает ее и делает достойной Божественных Чертогов. Человек может и опускаться до состояния скота, зверей и бесов, а может и возвыситься до состояний Ангелов и Пророков, достойных быть Рабами Бога, а это высшая ступень человека. И тогда он видит Божественную Красоту и не может уже оторваться от Нее. Это и есть его рай, по сравнению с которым рай желудка и чресел кажется ему ничтожным. Но как не все умеют получить из руды золото, так не каждый знает и способ, как извлечь жемчужину человеческой сущности из скотской грязи и придать ей ангельское сияние Вечного Счастья.

Казалось бы – примерно об одном. Но аудитории Платона Газали просто не был бы доступен. Даже заглавие «Алхимия счастья» звучало бы для них бессмыслицей.

И онтология Газали совсем другая, чем у Платона, – и по глубине, и по расстановке акцентов.

Все, что есть, – от Него и в Нем. А точнее, все «само по себе» – это Он, и ничто истинно не существует без Него. Бытие всех вещей – это сияние лучей Его бытия. ...Его великолетия никто из сотворенных Им не видел, и без Него никто не может познать Его. Признание своего бессилия есть предел познания Искренних Праведников. Признание недостаточности славословий для выражения благодарности Ему есть предел восхвалений Ангелов и Пророков. Изумление первыми лучами Его Великолетия есть предел ума Умнейших и предел, которого достигают Аскеты в своем стремлении приблизиться к чертогам Его Красоты.

Для людей-II ничего этого не было – ни про бытие всех вещей – это сияние лучей Его бытия (для них это бессмыслица вроде «стул – это Солнце»), ни про предел ума Умнейших

(бессмыслица вроде «ограниченной безграничности»).

Точно так же непонятен для человека-II и Руми. Вот просто несколько строк, почти наугад:

Ищет образов мир, чтобы форму принять.

* * *

...В плену бытия

Весть понятна ли, свыше нам данная?

* * *

Любовь – это к небу стремящийся ток,

Что сотни покровов прорвал и совлек.

* * *

Когда путей нет внешних – в себе самом ты странствуй.

Как лалу – блеск пусть дарит тебе лучистый свод.

Ты в существе, о мастер, своем открой дорогу –

Так к россыпям бесценным в земле открылся ход.

Из горечи суровой ты к сладости проникни...

* * *

...Познания свет не всем блеснет в ночи.

Не каждый бодрствующий сознает,

Что беспробудный сон его гнетет.

Лишь тот, как цепи, сбросит этот сон,

Кто к истине душою устремлен.

Но если смерти страх тебя томит,

А в сердце жажда прибыли горит,

То нет в душе твоей ни чистоты,

Ни пониманья вечной красоты!

Спит мертвым сном плененный суетой

И видимостью ложной и пустой.

Богостремительный человек

Что же это такое – человек-III? С людей-III начиналась Европа. Рыцари, монахи, купцы, скоморохи и менестрели – все это люди-III. Само слово «рыцарство» и означает комплекс «фамильных» черт людей-III: благородство, бесстрашие, галантность, преданность, бескорыстие. Другие черты человека-III – авантюризм, романтизм, аскетизм... Людей-III мы угадываем в византийцах. Очень много людей-III было (да и

остается) в России, и в каждом русском очень много от человека-III. Но самые типичные люди-III – это люди «золотого века ислама».

Но при том, что их легко узнать, определить точно, что это такое – человек-III, непросто. Потому что Богостремительного человека-III в нас еще больше, чем античного человека-II. Если людьми-II мы перестаем быть, вступая в юность, то людьми-III мы остаемся до наступления зрелости (того, что мы считаем зрелостью сейчас) – зрелых мыслей, зрелых чувств, зрелого поведения. А у тех, кто так и не дорастает до зрелости, человек-III составляет самую высшую их «часть». Впрочем, на Земле и сегодня немало тех (и отдельных людей, и целых народов), которым до человека-III еще расти и расти.

Многие черты человека-III «количественны» и занимают промежуточное положение между античным человеком-II и современным человеком-IV. Человек-III сложнее человека-II и проще человека-IV: мир человека-III больше мира человека-II и меньше мира человека-IV; человек-III душевнее человека-II и бездушнее человека-IV, и, наконец, человек-III умнее человека-II и глупее человека-IV. Понятно, что невозможно четко указать границы этой «срединной области» ума-III или души-III.

Но у человека-III не только «больше души», но его душа другая, не такая, как у человека-II. Например, для людей-II не было даже самого понятия «счастье». А человек-III мечтает быть счастливым и надеется на счастье. Надежда вообще его хлеб; юноши, которых питает надежда, – это люди-III. Человек-III верит так, что готов ради своей веры на самопожертвование. Человек-III хочет учиться, копить знания. Человеку-III не скучно в одиночестве. Человек-III наблюдателен. Человек-III жаждет чудес, любит слушать сказки и предаваться фантазиям. Человек-III подобострастно льстит сильным. Человек-III бывает не просто хитрым, но и коварным. Человек-III способен на торгашеский расчет. Человек-III ценит милосердие, хотя сам часто жесток. Человек-III смеется над глупостью. Вообще, человек-III делит мир на хорошее и плохое; гордится, делая хорошее, и стыдится, делая плохое.

Чего нет у человека-III – это сопереживания, нет тонкого психологизма. Нет и сентиментальности. Он не мучается внутренними противоречиями и проблемами поиска смысла

жизни. Это целостная натура. Человек-III не знает аналитического мышления, не знает эксперимента. Он не переживает непрерывной изменчивости мира. Человек-III лишен жара преобразований и не жаден до «покорения мира». Все это придет потом – в культуре-IV.

Но его самая главная отличительная черта – в том, что человек-III чувствует внутри себя связь с Чем-то Высшим и свою причастность Высшему. Это религиозное чувство, пуповина, которая соединяет человека с Богом, – центр, «ось» души человека-III, которое делает его жизнь «Богостремительной». Главным становится стремление к Богу, им определяется вся жизнь: Чувство Бога зовет человека-III Вверх, а неспособность следовать этому Зову – его самое серьезное горе. Эта связь – другая по сравнению со связями, которые существуют между посторонними людьми или которые существовали между людьми и «почти людьми» – эллинскими богами. Те связи связывали *разных*, но примерно равных существ, которые влияли на жизнь друг друга (или по крайней мере более сильные односторонне влияли на жизнь более слабых). А эта связь связывает человека с Чем-то *одним* с ним – конечно, большим, чем он, но Чем-то таким, частью Чего является он сам. Это было очень важное, просто революционное психологическое изменение – от бога вовне к Богу внутри. Для человека-II бог был другим, посторонним, внешним, таким, как, например, судьба или рок. А для человека-III Бог – свой. Если человек-II был «человеком культурным», то человек-III – «человек религиозный». И религиозность его – новая, не такая, как у человека-II: «сердечная», а не «головная».

Пропасть, которую преодолели в два прыжка

Ростки будущего Центра-III видны в римской жизни повсюду. Роскошное прикладное искусство – из будущего искусства-III. Сказочность «Золотого осла» Апулея – из первых ласточек литературы-III. Астрономия Птолемея и математика Диофанта – это науки-III. И так далее. Все эти новации принес в Рим Свет Первохристианской Вспышки.

Но, для того чтобы превратить Центр-II в Центр-III, усилий одной только Первохристианской Вспышки было мало.

Слишком велика была пропасть, чтобы ее могла преодолеть одна метакультура. Созданная Первохристианской Вспышкой метакультура начала этот подъем. Но чтобы закончить его, понадобилась еще одна Вспышка – Исламская: Центр-III достиг максимального расцвета в «золотом веке ислама». Именно в исламской метакультуре особенно ясно видно, насколько Богостремительный Центр-III другой и насколько он выше античного Центра-II.

Но начинала этот «двойной прыжок» первохристианская метакультура. Ей предстояло расчистить дорогу Свету в душах, созданных античностью, заполненных античностью и начавших изнемогать под гнетом античности. А для этого Свету Первохристианской Вспышки было необходимо вступить в долгую борьбу с античностью – борьбу, в которой и была создана первохристианская метакультура.

Первохристианская метакультура

Главным в метакультуре, созданной Первохристианской Вспышкой, была религия. И именно в этом направлении были сфокусированы все творческие силы первохристиан: они организовывали церковь, создавали ритуалы, устанавливали правила, регулирующие жизнь христиан, формулировали доктрину и, конечно, создавали произведения нового, христианского искусства: храмы, мозаики, фрески...

Естественно, что такая сфокусированность творческой активности на религиозной культуре привела к упадку культуры светской. Этот упадок мы и видим начиная века с третьего-четвертого. Массовое производство красивых вещей прекращается.

Из путевых заметок. Это поразительно – римское раннехристианское материальное производство кажется куда более «первобытным» по сравнению с римским позднеантичным! Все прекрасные римские вещи: бани, стадионы, театры, виллы и т.д., вплоть до изысканной посуды и изумительных ювелирных украшений, – исчезают, и оказывается, что, скажем, европейское оружие и доспехи времени меровингов продолжают скорее линию доримских кельтов, чем римское изящество.

И дело тут не в захвате Рима «варварами». «Варвары» тяготели к римской культуре, и история о том, что они до камня разрушили огромную страну, – это просто результат буквально истолкованного поздними историками плача римлян по «унесенной ветром» жизни. (Подобный плач мы слышим после любой революции.) Упадок материального производства начался раньше и захватывал не только западные области империи, но и, например, Египет, который никто не завоевывал. Римский Египет, хотя и производит впечатление умирающего, сохранял древнее мастерство ремесленников. И вот без каких-либо внешних потрясений оно куда-то исчезает, прерывая многотысячелетнюю традицию производства красивых вещей. Когда сравниваешь коптские ткани или коптскую резьбу по камню с дохристианскими, поражаешься их неумелости и наивности. Кажется, что они не моложе, а гораздо старше аналогичных вещей эпохи Нового Царства.

Куда-то девается знаменитый римский скульптурный портрет. Я нигде не видел ни статуй Блаженного Августина, ни бюстов крестившего Августина Амвросия Медиоланского. Казалось бы, должно было сохраниться столовое серебро – сервизы, где античные сюжеты заменены евангельскими. Но их почти нет. Римляне делали прекрасные саркофаги с многофигурными барельефами. Но с христианскими сюжетами саркофагов сравнительно немного, а главное, мастерство их резчиков уже не то. Казалось бы, должны были массово производиться изумительной работы, изукрашенные камнями нательные кресты, подобные тем, которые мы видим в Европе 17–18-го веков. Римляне умели делать такие вещи. Но в музеях их почти нет. А то, что есть, наоборот, поражает как бы нарочитым антиизяществом. Очень грубые кресты с наивной гравировкой, как будто сделанные детскими руками. Грубоватые масляные лампы. Что это – результат проповеди аскетичной бедности? Но тогда где богатая церковная утварь, коль скоро мы видим огромные и роскошно изукрашенные церкви? Но ни богатых церковных одеяний, ни искусно сделанных сосудов и ларцов от этого времени до нас почти не дошло.

Дошли многочисленные рассказы о богатстве Константинополя. Но не вещи.

Зато на смену производству вещей приходит производство божьих слов. Здесь, в трудах отцов церкви, отчетливо видно, куда перетекла творческая энергия первохристиан. И то же самое видно в поиске художников.

Самое интересное в первохристианском искусстве – то, что оно началось едва ли не раньше самого христианства. Портретисты и архитекторы почувствовали новое время очень рано – во всяком случае, не позднее 1-го века. Но и тех и других ждал трудный путь от умения делать «просто красивое»... к умению делать красивое не «просто», а красивое особой красотой духа... – к тем высотам египетского искусства, которые были утрачены при переходе к античности. И понятно, что движение в этом направлении уничтожало прикладное искусство: от производства «предметов быта» художники устремились к «производству» высокого искусства. Поэтому-то церковная утварь и оказалась гораздо тусклее самих церквей, среди которых было немало архитектурных шедевров.

История христианской архитектуры – это история попыток насытить духом позднеантичные архитектурные формы псевдоклассических храмов, базилик, ротонд. Все это переделывалось под церкви.

Из путевых заметок. От античных храмов при их переделке в церкви, естественно, использовались только элементы экстерьера – портики, колонны... Таков, например, Храм Минервы (Tempio di Minerva) в Ассизи.

По-настоящему серьезное влияние античной архитектуры на христианскую было в другом – в самой античной идее «экстерьерного храма». Правда, в полной мере это влияние обнаружит себя не в первохристианской архитектуре, а позднее, когда она пышно расцветет и в Европе (вся готика), и в России (все ярчайшие церкви), и в позднеисламской архитектуре (ансамбли Самарканда, Таж-Махал, некоторые бакинские мечети, Султан-Теке на Кипре и многое другое). Но и среди первохристианских церквей попадаются такие «экстерьерные» шедевры, как грузинские Джвари и Атенский сиони («сиони» – по-грузински «церковь»). Обе эти церкви больше поражают, когда ты не внутри, а рядом с ними. Атенский сиони в закатном освещении дышит чистой гармонией и как будто вырастает из ущелья, как Джвари из вершины своего холма. И та и другая церкви как бы сливаются с природой и становятся рукотворной частью ландшафта. Это не просто «красиво» – это «невозможно оторвать глаз».

У приспособления базилик под церкви тоже была долгая и сложная история. Завершат ее готические соборы. А вначале лишь изредка архитекторам удается нащупать то (наверное, пропорции, а может быть, и не только пропорции, но и что-то еще), что одухотворяет внутреннее пространство базилики. И тогда среди множества бездушных базилик, таких, как огромная и изукрашенная, но неяркая базилика Санта-Мария Маджоре (Santa Maria Maggiore) в Риме или «новая» базилика Святого Аполлинария (Sant'Apollinare Nuovo) в Равенне, появлялись такие шедевры, как Болнисский сиони.

Эта совсем небольшая церквушка снаружи больше похожа на сарай. А внутри! Внутри тебя захватывает то общее, что есть во всех великих церквях – и в Софии, и в парижском Нотр-Дам: космическое круговращение сфер, в которое включен ты сам. А архитектурные средства – самые простые: фресок не осталось – «просто» организованное арочными сводами пространство.

В такое же круговращение сфер погружают входящего и еще одна равеннская базилика Святого Аполлинария – «портовая» (Sant'Apollinare in Classe), и настоящий храм Света в Салониках – базилика Нерукотворной Богоматери (Panagia Ahiropiitos).

А постройки с центральным куполом – ротонды – и переделывать было почти не нужно. (Переделка ротонд в «греческие кресты» добавила им символизма, но не архитектурной выразительности.) Уже сам архитектурный замысел ротонд был неантичным. Ротонды как бы изначально были предназначены стать христианскими храмами, и как будто двести (а то и триста) лет ждали Миланского эдикта. Храмы уже были – не было религии: храмы ждали религию. Пантеон хотя и самая великая, но вовсе не единственная из «дохристианских христианских церквей». Было и много других. Например, Ротонда в Салониках (неизвестно даже, каким было ее изначальное предназначение – не то мавзолей правителя, не то храм Зевса), без больших переделок превратившаяся в церковь Святого Георгия.

Были и такие «потенциальные христианские церкви», которые по тем

или иным причинам конвертированы так и не были. Например, мавзолей Ummidia Quadratilla (1-й век нашей эры) у подножия Монте-Касино (Monte Casino).

Но самое полное выражение идея купола получила в константинопольской Софии. Безусловная вершина, и одна из самых высоких, в церковной архитектуре всех времен... Все ее внутреннее пространство создает особую атмосферу, уносящую к Богу. Кто видел это, знает, что такое настоящий «греческий огонь».

Конечно, сама по себе идея купола не обеспечивала «храмовость». И здесь наряду с великой архитектурой хватало и вполне заурядных, формальных сооружений, некоторые из которых в наше время даже знамениты, как церковь Святого Витале (San Vitale) в Равенне или еще одна София – в Салониках.

Такой же «поиск духа» виден и в искусстве портрета. Римляне умели делать очень красивые мозаичные портреты и довольно точно изображать своих современников. Христианским же художникам предстояло научиться изображать не обычных людей, а человека Божественного.

Из путевых заметок. Это был трудный путь. В сохранившихся мозаиках (а сохранилось их мало – помимо того что это вообще хрупкий жанр, ему пришлось пережить натиск иконоборцев, уничтоживших, например, все ранние мозаики константинопольской Софии) видны и взлеты, и падения. Но общая линия ведет Вверх: лики главных героев христианства просветляются все больше и больше, пока не достигают сияния запредельной яркости. В полной мере этот поиск завершит только поздняя Византия. Но начинается и довольно четко прослеживается он уже в первые века «официального» христианства.

Самые тусклые мозаики, по которым можно судить об отправной точке художественного поиска, не намного выше, а то и вообще не выше уровня дохристианского римского портрета. Эти мозаики изображают людей в состояниях 40–50 люм. Иногда даже у Иисуса состояние не выше 50 люм. Это почти «бытовой» уровень для нас, сегодняшних. Но для них, тогдашних, это было высоко.

Такие мозаики можно видеть в Милане – в капелле Святого Витторе (San Vittore in Ciel d'Oro) базилики Святого Амвросия (Sant' Ambrogio) или в капелле Святого Акулино (Sant' Aquilino) базилики Святого Лоренцо (San Lorenzo Maggiore), в римских церквях Святой Констанцы (Santa Constanza) и Санта-Мария Маджоре, в Равенне – в арианском баптистерии, в церкви Святого Витале и в мавзолее Галлы Плацидия (Galla Placidia). Такими же мозаиками украшена и Ротонда в Салониках.

Часто, как бы обозначая переход «античность – христианство», в этих мозаиках звучит мотив стоицизма. Например, в капелле Святого Витторе римлянином-стоиком представлен сам Амвросий. (Впрочем, налет стоицизма ощутим и в несравненно более ярких ликах Петра и Павла в великой мозаике церкви Козьмы и Дамиана (Santi Cosma e Damiano) в Риме.)

Дальше лица начинают наполняться внутренним светом. Сначала это страсть богоискательства. Такова мозаика в крохотной полуразрушенной церкви Блаженного Давида (Ossios David) в монастыре Латомос (Latomos) в Салониках. Или лики Иисуса и Марии в равеннской «новой» базилике Святого Аполлинария и там же, в Равенне, лики Петра, Павла, Андрея, Филиппа в капелле Святого Андрея, своей страстностью предвосхищающие их же портреты, которые через тысячу лет напишет Эль Греко. Той же Страстью дышат и лики на мозаиках из кипрской церкви Канакария (Kanakaria) в Лифрангоми (Lythrangomi), которые сейчас можно видеть в византийском музее в Никосии. И римские мозаики в баптистерии базилики Святого Иоанна (San Giovanni in Laterano) и в церкви Святой Сабрины (Santa Sabina).

Дальше в лицах появляется Всезнание, печать Посвящения, как в римской церкви Святой Агнессы «за стенами» (Sant' Agnese fuori le Mura) или как мозаика Святого Себастьяна там же, в Риме, в церкви Святого Петра «в цепях» (San Pietro in Vincoli) (которая знаменита, кстати, совсем не этой мозаикой, а микеланджеловским «Моисеем»). Или как в кипрской церкви Ангелоктистос (Angeloktistos) в Кити (Kiti), где борьбу Божественно-золотого и коричнево-земного тонов разрешает лик Богоматери, пронизывающий взглядом неземного Служения.

Еще выше – то, чем вообще сильна византийская мозаика, – Святость, как в огромной церкви Святого Димитрия (Agios Dimitrios) в Салониках, где несколько мозаик чудом уцелели во время пожара и теперь украшают вновь отстроенную церковь. Это лики уже не только Возжаждавших и не только Прикоснувшихся, но уже и Преодолевших, Ставших, вышедших на Прямой Путь. (Впрочем, опять – слова, слова... У нас нет развитого, дифференцированного языка, чтобы говорить об Этом.)

А потом... Потом – То, перед Чем пасуют любые слова. Из мозаик раннехристианского периода это чудо я видел только в римской церкви Козьмы и Дамиана, которая построена почти одновременно с константинопольской Софией. Композиция мозаики в апсиде – пирамидальная. На вершине пирамиды – Христос, Дверь – человек-Бог. Выражение Его лица передать словами невозможно... (как только они сумели Такое изобразить?!). Далее идут Петр и Павел – оба познавшие Бога... Еще ниже – Козьма и Дамиан... и, наконец, внизу пирамиды – святой Теодор и папа Феликс IV, при котором и было создано это чудо... Портрет Феликса – высочайшего психологизма: когда всматриваешься в лицо, оно оживает.

Но, конечно, какое бы культурное строительство ни вела Первохристианская Вспышка – строительство храмов или строительство богословия, строительство церковных институтов или строительство новой науки, – главным, что Она строила, была душа нового человека.

Из главы 17. Перед схваткой. Плацдарм

Неизбежность войны

Многообразие примет будущего Центра-III в римской жизни не означает, что Свет Первохристианской Вспышки менял античную жизнь постепенно и плавно. Конечно, многие инновации происходили как бы сами собой. По крайней мере мы ничего не знаем о боях между строителями-консерваторами, сторонниками камня, и строителями-новаторами, сторонниками бетона, или между гончарами и стекольщиками. Но бетон и арка – это были частности, периферия жизни. А в ее центре бой шел ожесточенный – буквально не на жизнь, а на смерть. Дело в том, что Свет отвергал античность, отвергал всю и безоговорочно. Свет требовал отказаться от всех наработанных античностью способов жить – начиная со способов думать и кончая способами организовывать государство. Все важное нужно было объявить не важным, а вместо него «назначить» важным что-то совсем немислимое. Так что о мирном сосуществовании первохристианского Света с античной душой не могло быть и речи. Они были обречены на войну. И война эта разгоралась все сильнее и сильнее.

Гонения на христиан донесли до нас только тень страсти этой схватки Света с античностью. Но самая «кровавая» битва шла не между людьми, а внутри душ. Здесь Свету противостояла глубоко эшелонированная оборона античной культуры. Чтобы превратить античную душу в Богостремительную, эту оборону нужно было преодолеть.

Абсурдность, Истинность, соблазнительность

Чем ниже спускался Свет в античную душу и чем более плотным становился его контакт с античным умом, тем сильнее он разрушал стройную упорядоченность, которая установилась там со времен Аристотеля. Те светлые чувства, вдохновения и порывы, которые принес с собой Свет, требовали объяснения. Но понять умом, что с ними происходит, люди поздней античности не могли.

И тогда среди них появляются христиане. Высокие чувства

были знакомы и им, но они не только сами не мучились непониманием, но и другим вызывались помочь. Вот только принять их «помощь» было невозможно. Потому что их объяснения, вместо того чтобы восстановить утраченный порядок, только усиливали внутреннюю смуту.

И действительно, люди-II не сомневались в существовании богов. Но боги – это боги, а люди – это люди, девы не рожают, мертвые не воскресают. Все это самоочевиднейшие факты для образованных людей. Конечно, эта самоочевидность заслоняла (как она заслоняет и сегодня) от образованных людей второе, и гораздо более важное, символическое, значение «нелепостей». Но от этого идея человека-Бога для тех, кто привык думать «люди – это люди, а боги – это боги», не становилась менее абсурдной. (И сегодня ее «абсурдность» и неспособность богословия ответить на этот вызов отворачивают образованных людей от христианства.)

Конечно, христианская идея Бого-человека продолжала античную идею идеального человека, бого-человека. Поэтому психологической подготовкой к принятию христианства и стали «имперские культы», когда обожествлялись императоры и уже не мифический, как Геракл, а реальный человек объявлялся богом. Но и от «имперских культов» до христианства оставался еще совсем не близкий путь. В самом деле, одно дело – император, чья божественность явно доказывается высотой его земного положения. Кто иной, как не божественный избранник, мог бы стать правителем мира? И совсем другое дело – казненный преступник, чья несчастная судьба, наоборот, свидетельствует об оставленности Богом. Какая уж тут божественность, когда *«Боже мой! для чего Ты Меня оставил?»*?!

А христианство как будто специально дразнило античную логику. Мало того что человек несчастливой судьбы провозглашался богом, так еще и высшим благом объявлялось высшее несчастье человека – смерть. Ни в какие рамки не укладывалось и поклонение мертвецу. Для античных людей это означало поклонение мертвому телу, трупу. Да и воскрешение трупа было для них таким же невозможным, как и для нас. В общем, у Тертуллиана хватало причин прокричать свое знаменитое и тоже абсурдное «Верую, потому что абсурдно».

Чтобы преодолеть этот «рубеж обороны», Свету было нужно подготовить плацдарм для наступления. И первую площадку этого плацдарма Он расположил выше уровня ума, выше логики. Этой площадкой было интуитивное и потому не нуждающееся в доказательствах ощущение безусловной истинности христианства. Христианство диссонировало с

античным умом, но зато оно резонировало с тем Светлым, что принес Свет на верхние этажи души людей поздней античности.

Но мало того, что в идеях христианства чувствовалась Истина, – они еще были и очень соблазнительно-привлекательны: в них очень хотелось верить. Для тех, кто изнемог от жизни в платоновской пещере, кто изнывал от беспросветности своего существования и мучился духовной жаждой, центральная идея христианства: «В человеке есть Божественное, и поэтому он может и должен стать Богом» – открывала Небо, открывала источник жизни. Философско-жадное эллинское сознание получало философию повыше не только формально-строгого Аристотеля, но и заоблачно-высокого Платона – философию, где вопрос о месте человека в мире и ставился, и решался совершенно по-новому: не абстрактно-теоретически, а жизненно-практически. Отсутствие пропасти между человеком и Богом и возможность прийти к Богу! В старой философии не было ничего даже отдаленно похожего на эту мысль. Если человек может прийти к Богу, значит, жизнь не безнадежна, значит, в ней есть смысл. Для человека поздней античности это было переворотом всего его бытия: сделавшийся после достижения античного идеала плоским, мир снова становился объемным – в нем появлялась перспектива, направление пути.

Средство убеждения

Конечно, понадобилось некоторое время, чтобы римская элита сумела хотя бы только понять, какой вызов брошен античности. Судя по самым старым из дошедших до нас вне церковной традиции упоминаниям о христианах – Плиния Младшего или Лукиана, – какое-то время христиан просто не замечали; во всяком случае, не относились к ним серьезно. В самом деле, как еще можно относиться к трупопоклонникам? Но уже во 2-м и, тем более в 3-м веке античные интеллектуалы заметили христианство. И бросились его критиковать. И как бросились – горячо, истово, совершенно не «по-философски». Вот этот их азарт и есть самое интересное – по нему мы чувствуем, как сильно христианские идеи брали критиков за живое. Даже пересказы и пересказы пересказов их работ

сохраняют запал авторов. Задет Цельс. Задет Порфирий. А до него так же был задет гностиками Плотин. Последним в этом ряду будет Юлиан («отступник») – соученик Василия Великого и Григория Богослова. (Правда, Юлиан увидит уже победившее христианство, и пафос его деятельности будет обращен не столько против доктрины, сколько против социальной и политической агрессивности новой государственной идеологии.) Интеллектуалы «западали» на христианские идеи и пытались приспособить к ним античную философию. «Мы и сами все это понимаем...» – вот позитивная часть их критики. Особенно это заметно у Цельса. Поклевав наиболее уязвимые места доктрины, Цельс не останавливается и шаг за шагом, от проблемы к проблеме подбирается к центральной проблеме христианства – проблеме Пути к Богу. И всюду в этом своем «путешествии к центру христианства» он пытается противопоставлять христианским решениям античные.

Конечно, нападали на христианство не все интеллектуалы: у критиков были свои критики – защитники (или «апологеты») христианства. Но в том-то и дело, что ни критики, ни защитники не могли «совладать» с христианской идеей. Она оставалась абсурдной, и логика не могла ничего с этим поделать. Античная философия не могла охватить Идею христианства и только запутывала образованных людей-П, оставляя их на Пути Света позади «нищих духом», которым ум не мешал чувствовать Свет: *Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам*. Преимущество «младенцев» перед «разумными» было в том, что они могли просто верить в «эти нелепости» и вместе с этой своей «простой» верой впитывать «лепость нелепостей» – их второй (на самом деле, конечно, первый), сакральный смысл.

Но «просто вера» не отменяла необходимости штурма логических бастионов античности, так же как ее не отменяли ни интуитивное ощущение Истины, ни Ее манящая соблазнительность. Неясного, не высказанного словами ощущения античным людям было мало. А чтобы сделать христианство логичным, нужно было заменить аксиомы античной логики. Но сделать это можно было, только изменив само античное видение мира.

Новые аксиомы лишь в последнюю очередь новые слова.

Прежде всего новые аксиомы – это новый опыт, опыт Света, Светлой жизни. Убедить «мудрых и разумных» можно было только одним способом – не рассуждая с ними так, как они привыкли обсуждать те или иные высокие материи, а вышвырнув их из плоского мира их «мудрости и разумности». А для этого нужно было показать им То, чего в их мире не было, – показать Свет, много Света, показать Бога Живого. Потому что преодолеть «абсурдность» христианства мог только тот, кто *увидел* хотя бы «тень Бога» в человеке (лучше всего, конечно, в себе, но «на худой конец» хотя бы в ком-то другом).

Тех крупниц Светлого опыта, которые были у всех оказавшихся в первохристианском Свете, хватало только для осознания Света в виде смутного чувства, но не для того, чтобы «прокинуть» старые аксиомы. Но, чтобы Светлого опыта у людей стало больше, кто-то, обладающий таким Опытном, должен был поделиться с ними – не просто словами, а опытом. Вот почему в христианстве опыт Света не менее важен, чем слова Света. Более того, с самого начала в христианстве «слово и дело» вообще были слиты в одно: Благая Весть, которую принес Иисус, – это не только слова, но и сама жизнь Иисуса.

Эта жизнь стала той Великой Мистерией, участие (хотя бы косвенное, в качестве сопереживающего зрителя) в которой и делало людей христианами. В отличие от других мистерий в этой Мистерии не играли: Ее главный герой не «понарошку», а на самом деле стал Христом и на собственном примере показал Путь от человека к Богу, открыв тем самым этот Путь для людей. Но чтобы пройти Путь и приобщиться к богам, нужно преодолеть смерть. (Во всяком случае, другого «обожения» античные люди не поняли бы.) А это значит, что герою Мистерии необходимо было воскреснуть. А для этого – умереть.

Нездоровое любопытство. Казалось бы, Преображение уже есть итог пути Иисуса. Зачем же понадобились еще и смерть на кресте, и Воскресение? Только для того, чтобы сотрясти основы античной души и заставить ее верить? Или крестные муки придали Крепкому Иисуса некое новое качество? Вопросы, вопросы... Но *для нас* все эти вопросы – праздные. Они имеют смысл для Того, кто сумел сам пройти через Преображение. Оттого-то эти

вопросы *нам* и недоступны. Как недоступны *для нас* и множество других, всегда волновавших христиан вопросов: кем (или Кем) был Иисус до рождения и Кем стал после смерти? какое место Он занимает в Небесной Иерархии? в каких отношениях находится с Богом Отцом и так далее. И на эти вопросы ответы *нам* знать ни к чему. Но мало того, что ни к чему, – наше любопытство к ним не очень здорово. Потому что оно отвлекает нас от Самого Главного – того, что нам действительно необходимо понимать.

Самое Главное – Иисус, став Христом, показал нам Путь, которым нам надлежит следовать: Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я.

Искупление. Подвиг Иисуса, безусловно, был жертвой и искуплением первородного греха, но не в общепринятом наивном понимании. Первородный грех – это низшая природа. Грех Адама – не в совершении плохого поступка, а в обладании «плохой природой» (или, что то же самое, низшей психикой), которая неизбежно ведет к совершению плохих поступков. Искупление этого греха – в преодолении, исчерпании своей «плохой природы», то есть именно то, что показал Иисус. Иисус не сделал за нас нашей работы. Он «всего только» помог нам понять, что и как мы должны делать.

Был или не был?

Было или не было? Правда или вымысел? Сколько людей, особенно в последние века, мучились этими вопросами!

Чтобы ответить на них, у нас есть, фактически, только один исторический источник – Новый Завет. Именно отсюда происходят почти все наши знания о рождении христианства. Первая история церкви была написана лет через триста после евангельских событий. Материальные памятники самого раннего христианства малочисленны и невыразительны. Так же малочисленны и нехристианские свидетельства о первых христианах.

С точки зрения источниковедения Новый Завет, конечно, не идеальный источник. Но, во-первых, другого нет, а во-вторых, и

этот совсем неплох. Конечно, у Нового Завета было много редакторов. Но похоже, что они (по крайней мере большинство) воздерживались от сознательных искажений. Иначе бы их труды превратили Писание в сказку, лишенную Священного Содержания. Этого, однако, не произошло. Конечно, читая Новый Завет сегодня, мы постоянно должны задумываться об авторстве того или иного пассажа: кому он принадлежал изначально, не был ли добавлен переписчиками, или видоизменен редакторами, или искажен переводчиками. Конечно, труды редакторов и переводчиков не улучшили эту Фотографию (в буквальном смысле – Фото-графию, запись Света), как любую фотографию не улучшают бесконечные пересъемки, ретуши и перепечатки. Но все равно именно по ней мы можем лучше всего и легче всего представить и Содержание, которое нес Свет, и историю Его встречи с душами людей.

Нужно только искать в этом источнике не то, чего в нем нет, а то, что в нем есть. Новый Завет рассказывает, *что* произошло при зарождении христианства, но не *как* это происходило в деталях. А нам и нужно знать *что*, а не *как*. Конечно, интересно было бы узнать и *как* все ЭТО происходило на самом деле. Но понять, *что* произошло, можно и не зная точно, *как* происходило. Например, всех историков – и церковников, и атеистов – всегда интересовал вопрос об историческом Иисусе. В самом деле интересно. Но можно считать евангельские рассказы исторически достоверными, и это не приблизит ни на шаг к настоящей Вере. А можно считать те же рассказы нелепой выдумкой и быть при этом настоящим Христианином. Нет сомнения, что у истоков христианства стояли Гиганты. Сколько их было, как их звали, как распределялись их роли, в каких они находились отношениях между собой и даже как складывались их личные судьбы – ничего этого мы толком не знаем. Но нам и не нужно это знать. Вполне достаточно знать, что это были Гиганты и *что* эти Гиганты сделали.

Впрочем, Новый Завет, хотя и без щекочущих любопытство деталей, отвечает и на «самые интересные» вопросы. «Сказка» основана на фактах. Это не просто выдумка компании друзей, у которых казнили приятеля. В исторической достоверности евангельских событий, несмотря на то что они очевидно

приукрашены, убеждает то, что за словами и делами первых исторически достоверных христиан – евангелистов и мучеников – явно просматривается Образец, которому они следуют. Их слова и дела повторяют другие Слова и Дела, сказанные и сделанные кем-то другим. За Гигантами угадывается ГИГАНТ.

Во всех словах Иисуса: притчах, Нагорной проповеди, ответах на вопросы – ясно чувствуется, что это мысли и слова *одного* человека. Но этим человеком не мог быть ни один из евангелистов. В том-то и дело, что если мысленно отделить евангелистов от евангелий, то окажется, что евангелисты пересказывают не свои мысли, не до конца ставшие своими, не до конца о-своенные. Эта разность ощутима не только у Луки или Марка, но (хотя и не так сильно) и у Матфея, и даже у Иоанна. Никто из них не был способен ни сам сказать *такие* слова, ни (что то же самое) превратить в *такие* слова собранные где-то притчи разных сказителей. Для этого нужно было бы пропустить их через такое ОГРОМНОЕ «себя», которого у евангелистов не было. Их «себя» было немислимо велико – иначе бы они не смогли пересказать Евангелие. Но все же «себя» евангелистов меньше «себя» того, кто вобрал в свое Евангелие весь Свет Первохристианской Вспышки, того, о ком Иоанн сказал: *был Свет истинный*.

Впрочем, есть и еще более простой и в то же время более весомый аргумент в пользу существования Учителя. Тысячи мучеников шли на смерть не по странной прихоти. Они шли вслед за кем-то, кто научил их – указал путь. Шли за своим учителем. А раз ученики следовали за учителем, то, значит, Учитель был.

Продолжение Мистерии

Подвиг Иисуса не был концом Христианской Мистерии. Ученики Иисуса и ученики учеников становились участниками Мистерии, чтобы повторить его Путь. Мистерия имела продолжение, и очень кровавое продолжение. Этим продолжением стали гонения первых христиан. Мученики повторяли подвиг Иисуса и ценой своих жизней «покупали» жизнь для христианства.

До нас дошло несколько их посланий, по которым мы можем

понять, что вело их по Пути, и, что гораздо важнее, ощутить их внутренний огонь. Вот Игнатий Богоносец: *Я... добровольно умираю за Бога... Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога... Тогда я буду по истине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть... Если пострадаю, – буду отпущенником Христа и воскресну в Нем свободным... Желая умереть... О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтобы они тотчас пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, – я их принужу... Через смерть я достигну истинной жизни... Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею... Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру... Живой пишу вам, горя желанием умереть.*

Мученический венец как «пропуск в рай» – с нашей колокольни это кажется наивным свехупрощением евангельской и апостольской проповеди. Но такая высокомерная интеллектуалистская оценка поверхностна. Факт состоит в том, что для укрепления христианства должно было пролиться много христианской крови. Евангельский эпизод с уверением Фомы глубоко символичен. Чтобы уверовать, сначала тысячам, а позднее и миллионам будущих христиан нужно было «вложить персты в рану». Это и происходило при каждой публичной казни христиан, когда один замученный христианин делал христианами десять (а может быть, и сто) человек. Хоть и не единственное, и, может быть, не самое глубокое, но самое обязывающе-жестокое значение *Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* заключено в некрасовском «дело прочно, когда под ним струится кровь». Свидетели их самопожертвования не умом, а сердцем получали уверение в истинности Того, что заставляло мучеников идти на смерть. Они как будто становились свидетелями Распятия. Только таким жестоким способом, а не словесными уверениями и объяснениями можно было привести эти десять (или сто) человек к христианству. Вот почему Мистерия самопожертвования Иисуса нуждалась в продолжении. Вот почему была нужна еще более кровавая жертва. «Работа в

Божьем винограднике» в тот момент требовала не самосовершенствования ради самосовершенствования, а жертвы жизнью. А уж такая жертва настолько поднимала и высветляла мучеников, как это не сделали бы годы аскезы и молитвенных бдений. Так что эти «наивные простачки», которые вроде бы так поверхностно понимали сущность христианства, были правы. Церковь неслучайно ведет свою родословную от мучеников – их смерть стала жизнью христианства. Без них христианство ждала участь «интеллектуальной секты» вроде той, которая постигла, например, сообщества гностиков.

Схватка

Но все эти кровавые события были только подготовкой к главной битве. Мистерия Христианства расширила плацдарм для последующего наступления Света, но сама схватка была впереди. Свету еще только нужно было превратиться в слова и мысли. Вот за это – за то, чтобы научить античных людей неантичным мыслям, – и завязался бой. Конечно, в конце концов победит в нем Свет, но тяжелые потери в этом сражении понесут обе стороны. Победа Света не будет окончательной. Но она подготовит следующее наступление.

Из главы 18. «Античное христианство», или силки для солнечного зайчика

Свет в сетке из слов

С высоты нашего времени первые христианские «теории Света» кажутся очень примитивными.

Настолько примитивными, что, отстаивая их буквальное понимание, церковь выключила себя из современной культуры. Представьте себе четырехлетнего мальчугана, который с кулаками набрасывается на семилетнего брата за то, что тот не хочет верить в Деда Мороза. В такое положение поставила себя церковь в последние несколько веков. (Правда, обнаружив под елкой долгожданный подарок, семилетние скептики порой утрачивают часть своей мудрости.)

Впрочем, наиболее пронизательные из первых христиан сами чувствовали эту примитивность и потому опасались «умничанья». Но без перевода «интуитивной веры» в слова обойтись было нельзя. Без слов не было бы церковного общения. Так уж устроена античная душа: вера человека-II – вера в слова. Античное «я верю» – это «я разделяю такое-то мнение (я согласен с такими-то словами)». В понимании человека-II, кто говорит одинаковые слова, тот одинаково верит, а кто говорит разные слова, тот и верит в разное. Поэтому для них было так важно, чтобы все говорили (а следовательно, в их логике – и верили) одинаково. Единение в общей вере требовало общих слов. Становящемуся христианству нужна была «твердая» форма – Свет должен был застыть, стать словами.

И поэтому античные философы, становящиеся богословами, просто бросались превращать Свет в правильные слова. Но и Свет набросился на античных людей и стал превращать их из людей-II в людей-III. Чувство Бога, рожденное Светом Первохристианской Вспышки высоко-высоко – на границе сознания и сверхсознания, вступало в реакцию с заполнявшей античные души культурой-II. Эта реакция и создавала из душ-II души-III, а из культуры-II культуру-III.

Пытаясь охватить недоступную для него в своей огромности Идею христианства, античное мышление выхватывало из Нее то, что могло. Так возникло «античное христианство». Но в то же время сами эти попытки изменяли античное мышление – оно перерастало в мышление-III.

Незамечаемый парадокс. Словосочетание «античное христианство» не вызывает у нас внутреннего протеста и кажется вполне естественным – вроде «античное искусство» или «античная наука». А ведь по сути «античное христианство» – это то же самое, что «квантовая механика для малограмотных». Христианство выше античности. Античным могло быть только упрощенное христианство – вроде «Детской Библии».

Только понимая, что церковная доктрина возникла в борьбе Света с культурой-II, можно понять, почему она так преобразила простую и ясную мысль христианства. Почему из нее, фактически, полностью исчезло Главное. Откуда взялось это странное учение о Троице, о Сыне-Слове, о спасении, о Страшном суде и воскресении во плоти. И о чем вообще так жарко спорили «христологи». И главное – почему за разговорами о словах они потеряли значение этих слов.

Чтобы понять все это, нужно «влезть в шкуру» людей античности – посмотреть на мир их глазами и постараться «попонимать» мир их «мыслительными орудиями». А эти античные мыслительные орудия настолько же менее совершенны, чем наши, насколько копье менее совершенно, чем граната. Когда смотришь на становление доктрины под этим углом, становится ясно, что она получилась такой выхолощенной, такой «античной» потому, что первые христиане были людьми поздней античности и осмыслять свое христианское мироощущение могли только по-античному. Они ставили искусственные вопросы и тратили огромные силы, чтобы распутать то, что сами же перед тем и запутали. Но они иначе и не могли – так устроено античное мышление.

Античное мышление

Чем так сильно античное мышление отличалось от нашего?

Во-первых, по сравнению с нами они были гораздо менее «ментально агрессивны». Пытливость, склонность сомневаться и ставить трудные вопросы не свойственны античной психике. И понятно – убедиться на собственном опыте они могли только в очень немногих вещах. Ни исследования, ни эксперимента у них не было. Желание расширить свой узкий мирок (а он и в

самом деле был очень узким) требовало доверия к рассказчикам. (Впрочем, и мы там, где у нас нет опыта, с готовностью верим любым нелепостям – сомневаться мы начинаем, когда слышим разные мнения по одному вопросу.) А не имея средств для разрешения сомнений, они оказывались гораздо более «всеядны» и были готовы проглотить нелепости еще похлеще, чем те, которые глотаем мы. Правда, сверхдоверчивыми они были, только если не знали на своем опыте, что это нелепость, – никто из них не поверил бы рассказу, что у его соседа три руки.

Без «ненужных вопросов» их мир был прост и органичен. И коль скоро они сами не задавали «лишних вопросов», то и не смущались никакими вопросами. У них на все были две «палочки-выручалочки». Первая «палочка-выручалочка» – что для бога нет ничего не возможного; вторая – что такое учение было передано отцами. Это тоже детская черта – стремление в трудной ситуации спрятаться за мамину юбку или пригрозить обидчику «привести старшего брата».

Во-вторых, слово для них было самоценно. Мы понимаем, что у слова много значений и разные люди используют слова в разных значениях. А для людей античности значение было одно (хотя, конечно, часто оно оказывалось у каждого из спорящих своим собственным). Поэтому они ожесточенно спорили о словах. Разные слова – значит, разные мнения. Разные мнения – значит, одно из них верно, а другое неверно. Мы понимаем, что это не обязательно так. Они не понимали. Не понимали они и, что правильные слова, не опирающиеся на опыт, пусты, а «неправильные», но подкрепленные опытом правильны. И конечно, они не понимали, что без Опыта нет Веры и что Истинная Вера вообще невыразима словами. Впрочем, сама мысль о том, что веры могут быть разными, или о том, что есть веры и Вера, показалась бы им абсурдной. Их интерпретации Писания были почти буквальны. Иносказаний глубже, чем в баснях Эзопа, они не понимали. Например, отношение «Отец – Сын» воспринималось только как отношение между человеком-отцом и человеком-сыном: первый оплодотворил мать второго, вырастил второго, любит и заботится о втором. Мы можем понять, как трудно человеку-30 сколько-нибудь правильно понять человека-40 и что человеку-20 совершенно невозможно

хоть сколько-нибудь правильно понять человека-30. Поэтому мы можем увидеть в линии передачи «святоотеческих преданий» пересказ одними детьми того, что они слышали от других детей, которые слышали от третьих, и так далее – до тех подростков, которые слышали рассказ взрослых. А у античных богословов и мысли не появлялось, что возможны искажения передачи. Они не понимали – это просто не умещалось в их мире, – что, повторяя одни и те же слова, можно начисто потерять их смысл. Это понимание придет позже, в культуре-III. Хитрость еретика, спасшего себя тем, что он повторял на допросе «правильные слова» епископа, но вкладывал в них свой, еретический смысл, которая возмущала ортодоксов в 9-м веке, во 2-м или в 4-м веке осталась бы просто незамеченной.

В-третьих, их мышление было *статичным*. Проблема становления не укладывалась в него, подобно тому как нельзя разместить куб в плоскости.

Гераклитово «все изменяется», прозвучавшее на заре античной философии, так никогда и не было воспринято античностью. В античном мире все оставалось неизменным. У них вообще были сложные отношения со временем. Время для них было не непрерывным потоком, а последовательностью моментов. Лучше всего такое понимание времени иллюстрирует известный парадокс «Ахилл и черепаха» – Ахилл не может догнать черепаху, потому что всякий раз, когда он добегает до места, где черепаха была в предыдущий момент, черепаха уже уползает с этого места вперед. Когда-то, на заре античности, такое отношение ко времени проявилось в том, что греки ваяли свои «движущиеся» статуи, как после команды «замри!». Сейчас же они попытались скомандовать «замри!» христианству. И христианство замерло.

Для них естественно было приписывать вещи одно постоянное, всегда присущее ей свойство: «вечное», «протяженное», «летучее» и т.п. Поэтому они и ставили «вопрос ребром»: «Либо Иисус бог, либо не бог». А динамика свойств была выше их понимания. Из-за такого ментального устройства они не видели игру многих свойств, в которой одни свойства появляются, а другие исчезают, одни свойства нарастают, а другие ослабевают, «крупные» свойства распадаются на множество «мелких», а «мелкие» собираются в

«крупные» и т.п. Поэтому и становление человека Иисуса Богом (Христом), *в ходе* которого одни свойства *превращаются* в другие, было за пределами их понимания.

Их мир был миром неизменных вещей, сложенных из неизменных же элементов (не важно – атомов ли Демокрита или треугольников, как в «Тимее»). Сложные вещи были для них механической смесью простых. Превращений веществ, которые несводимы к механическим перемешиваниям, для них не существовало.

В-четвертых, они были «когнитивно простыми». Так в психологии называют неспособность видеть несколько свойств сразу (например, цвет и размер). Они не только мыслили свойства как неизменные, вечно присущие вещи атрибуты, но и увязывали разные свойства в один «пучок». Так дети «сплющивают» мир, сводя все к «хорошо» и «плохо»: например, красный цвет у них может быть «хорошим», а синий – «плохим».

В-пятых, у них совершенно отсутствовало представление об «объеме понятия». Они не понимали, что многие свойства приложимы не ко всем вещам, а только к некоторым и что прикладывать их к другим вещам неправомерно. В результате они переносили «земные» понятия: «рожденный», «сотворенный», «сын», «слово» – на Реалии, к которым эти понятия неприменимы.

И когнитивная простота, и статичность, и раскладываемость мира на простейшие «кирпичики», и буквализм, и вера во всезнание старших – через все это проходит растущая психика. Все это мы видим у детей. Именно поэтому такие предметы, как алгебра или химия и тем более физика, нельзя изучать в младших классах до арифметики или ботаники. Что же касается споров о словах, то многие продолжают заниматься ими всю жизнь.

Эти особенности античного мышления и объясняют, почему одни вещи «античными христианами» были услышаны, а другие – и среди них Главное – услышаны не были.

Алгоритм Пути

Почему в доктрине ничего нет о Пути? Потому что ничего из сказанного о Пути в евангелиях (а значит, и в Евангелии) человек-II услышать не мог. Человеку-II нужен «алгоритм»: иди туда-то и так-то; дойдя туда-то, поверни туда-то; и так далее –

все должно быть расписано и разложено по полочкам. В той нашей части, в которой мы сами остаемся людьми-II, нам тоже нужны такие четко расписанные предписания. Нам тоже мало услышать «Иди к вершине», мы хотим, чтобы нам дали подробную карту и описание маршрута.

И сегодня многие духовные искатели стремятся узнать маршрут Наверх, а шарлатаны от духовности выбрасывают на рынок свои «путеводители». Но катапульту, которая забросит тебя к Богу, купить нельзя. И услугами хозяина этой катапульты воспользоваться нельзя. Потому что такой катапульты нет и не может быть. Как не может быть вечного двигателя. Это осознается так же медленно, как и то, что нельзя купить ни здоровья, ни душевного покоя. Вверх нужно карабкаться самому. (Несмотря на то, что тебя этому не учили и это, в отличие, например, от бизнеса или программирования, вообще не твое дело.)

У Пути нет «алгоритма», потому что путь у всех разный. Представьте склон горы, заросший лесом. По нему разбросана сеть переплетенных тропинок. Вот узенькая тропинка – не проберешься, не ободравшись о колночки. Ее проложили козы, и кончается она отвесной стеной, по которой только козы и могут карабкаться. А вот широкая, удобная тропа ведет прямо к медвежьей берлоге. Вот тропка, которая то и дело теряется. А эта тропинка, вместо того чтобы подниматься, уходит вниз, но это ненадолго – через несколько метров она резко идет вверх. Но по склону проложены не только тропинки. Есть здесь и фуникулер. Беда только, что нижнюю станцию его построили далеко вато. И еще один «мелкий» недостаток. Хотя этот фуникулер и очень быстрый, и с мягкими сиденьями, но поднимается он не на вершину, а на плато, и, чтобы с этого плато добраться до вершины, нужно спуститься к нижней станции, откуда приехал, и затем карабкаться совсем в другую сторону.

Люди выходят к вершине из разных мест и с разным багажом. Один бежит налегке, другой обвешан баулами с вещами, доставшимися по наследству от предков и приобретенными самостоятельно. Да и содержимое разных рюкзаков разное. Скажем, у кавказца нет проблем с заповедью «чти отца своего», а у канадца – с заповедью «не убий». Одному человеку нужно преодолевать собственную гордость, другому – тупость, третьему – жадность, четвертому – ум, и, кстати, тот самый ум, который второму еще только предстоит обрести. Для одного слияние с природой благотворно, для другого вредно. Одному нужно читать хорошие книги, другому вообще читать

нельзя – ему нужна физическая работа.

Как описать все трудности подъема сразу для всех? И как объяснить жителю равнин, *что* он увидит наверху, если он этого никогда не видел раньше? Описать можно только либо самую общую цель: «поднимись на вершину», «открой в себе Христа», «приди к Богу», либо самое общее действие: «иди наверх», «веруй», «бодрствуй», либо тот первый участок, который нужно преодолеть очень многим людям: «взберись на этот холм», «не прелюбодействуй», «возлюби ближнего». Но попробуй понять хотя бы *Бодрствуйте и молитесь!* Что такое «бодрствуйте»? И как молиться так, чтобы, вместо того чтобы подниматься Вверх, не начать скатываться вниз?

Вот почему Идущему нужно все время нащупывать Путь. И это не академический, это напряженнейший, наполненный и переполненный кровью поиск. Вот кажется, что больше и искать нечего, потому что уже все найдено. А это только поворот пути. И ты стоишь и ждешь, пока кто-то (а иногда и Кто-то) не окликнет тебя сверху и не покажет дорогу выше. А то проскакиваешь очередной поворот и бредешь дальше «по инерции» прямо через терновник, не замечая, что совершаемые по привычке «хорошие дела» ведут тебя уже не вверх, а вниз. Удачи на этом подъеме чередуются с неудачами, а ощущение отчаяния и безнадежности (особенно в начале пути) возникает при попадании в каждый очередной «тупик». И до того, как начнешь понимать, что тупиков здесь нет вообще, сколько раз желание бросить «это безнадежное дело» в буквальном смысле «к черту» будет бросать вызов желанию дойти! А рассчитывать в Пути можно только на Бога. Но при этом ни на минуту нельзя забывать, что хитроумный дьявол хорошо делает свою работу – всячески мешает восхождению – и легко принимает облики, кажущиеся ангельскими.

Поэтому-то в евангелиях линия христианского Пути только намечена. Есть иносказания, есть упоминания о разных эпизодах Пути. О Преображении – цели и кульминации Пути, победе и триумфе. Или не такой триумфальный, но более человечный сюжет – Моление о Чаше. Когда победы еще нет, а есть сомнения и переживание своей человечности и смертности. Есть упоминания о молитвах и постах. Есть рассказ об отшельничестве в пустыне и об искушении сатаной. Есть и

многочисленные предупреждения об опасности этих искушений; самое известное – *не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого* – просьба страстная, но – увы! – невыполнимая. Есть и просто предписания-заповеди. Но все это не складывается в «технологии», в «алгоритм» движения по Пути.

Люди-II остро чувствовали «проблему извилистого пути». У них не было недостатка в усердии, и они постоянно натывались на его повороты. И на каждом таком повороте – когда в учении обнаруживалось «противоречие» (а евангелия все состоят из таких «античных противоречий») или когда оказывалось, что привычные «добрые дела» становятся «злыми» – человек-II впадал в ступор. Чтобы разрешать такие «противоречия» и двигаться дальше, античная душа должна была перестать быть античной. Без этого, оставаясь самим собой, человек-II мог ходить только прямыми путями. (Эта особенность будет осознана и многократно обыграна в Коране.) Чтобы выбраться из лабиринта, ему была нужна нить Ариадны. Античная душа-II с ее античной психической конституцией-II не вмещала Идею практически бесконечного совершенствования. **Идея Пути, у которого, фактически, нет конца и по которому надо идти даже не чтобы прийти к Цели, а чтобы только приблизиться к Ней,** – это идея не только не античной культуры-II, но и не культуры-III. Эта идея, начавшись в культуре-IV, будет развиваться в будущей культуре-V.

Доступное богословие

Из-за того что связь человека с Богом, Путь к Богу были недоступны для античных мыслительных орудий, богословы умудрились «не заметить слона». А сосредоточились они на том, что выглядело для них посильным. А посильным для них была философия, как они ее понимали, – учение о том, что неизменно и постоянно. Поэтому центром их богословия стали вопросы о том, что такое мир и что такое Бог.

Конечно, для понимания сущности христианства ни реальность или нереальность Троицы, ни участие или неучастие Христа в Творении не имеют особого значения. Чтобы быть

Христианином, вообще не обязательно что-либо знать о Творении, тем более что для человека, фактически, невозможно *знать* об Этом. Он может только *вообразить*, что знает. Чтобы *знать* об Этом, нужно иметь доступ к событиям, бывшим до сотворения мира, к «Мыслям Бога» и другим столь же недоступным вещам. По той же причине и настоящее понимание Высших Существ не только недоступно человеку-II, но и для нас остается почти недоступным. И нас тоже (как и людей-II) оно не приблизило бы ни к Христу, ни к христианству. Но все это понимаем (или по крайней мере способны понять) мы – люди-IV, уже заглядывающиеся в сторону культуры-V. А люди-II, естественно, стали рассуждать о том, что, как им казалось, они могли понять, – о начале и конце мира и о месте в мире Иисуса Христа. Античные люди по-античному пытались понять его Богочеловечество и возможность воскрешения во плоти. А Главное при этом оказалось вне доктрины.

Казалось бы, все сказано ясно: *Когда из мертвых воскреснут, [тогда] не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах. А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? [Бог] не есть Бог мертвых, но Бог живых.* Другими словами – Авраам и сейчас жив. Но он может быть жив только как бесплотный дух, а не продолжать существовать в своем физическом теле, от которого мало что могло сохраниться за более чем тысячу лет.

Но такое воскрешение для античного человека, и так верящего в посмертное существование души в загробном мире (Аиде), не воскрешение. Он не понимает, что душа, отходящая в Аид, и воскресшая и соединяющаяся с Богом душа – это разные души: первая – низшая, вторая – Высшая. Раз есть одно слово «душа», значит, ему соответствует одна вещь. Так устроено античное мышление. Истинное значение воскрешения требует понимания сложного строения души и сложной динамики изменения этого строения – отмирания одних частей души и рождения других, а затем и Другой. Все это для человека-II недоступно. Понятно для него только одно «воскреснуть» – ожить, воскреснуть в своем физическом теле и продолжить

свою обычную жизнь со всеми ее радостями: застольями, скачками, гетерами. Все остальное не воскрешение. И абсурдная по сути – не столько в силу физической невозможности (если следовать их логике, для бога все возможно), сколько в силу бессмысленности и ненужности – идея о воскрешении во плоти отстаивается богословами с невероятным упорством и невероятными словесными ухищрениями. (Кстати, для аргументации они использовали упоминания в Библии о реинкарнации, которая и в самом деле есть своего рода «воскрешение во плоти».) Но – и это опять же особенность античного мышления – вопрос о смысле: зачем нужно такое воскрешение? – для человека-II просто не встает.

Впрочем, он не будет вставать и перед человеком-III. Да и человек-IV не стал ломать голову над этим вопросом, как только догадался, что такое воскрешение невозможно. Зачем думать о смысле того, чего не может быть? На самом деле есть зачем – можно понять, какое воскрешение имеет смысл, и увидеть то, чего не видел раньше. Но это предстоит сделать уже другим людям – людям-V.

Но воскрешение во плоти еще сравнительно маловажный для античных богословов вопрос. Все главные усилия были направлены на то, чтобы решить проблему Бого-человечества. Они чувствовали, что это центральная проблема. Пропасть между человеческим и Божественным глубоко переживали чуть ли не все мыслящие христиане. Но они не то что не могли ее решить, подобно тому как первоклассник не может решить дифференциальное уравнение, – они и сформулировать ее не могли. Только чувствовали, что проблема есть.

Например, типичный для них вопрос, приведший к расколу с монофизитами: одна природа у Иисуса или две? Уже сам этот вопрос бессмыслен. Даже одна человеческая «природа» включает в себя две – низшую (человеческую) и Высшую (Божественную). Не говоря уже о том, что Высшая (Божественная) «природа» вообще включает в себя *все* существующие «природы». Точно так же можно спросить, например, происходит ли человек от папы и мамы или от бабушек и дедушек, и потребовать выбрать из этих двух возможностей одну верную.

Впрочем, такого рода вопросы еще будоражат умы научной общественности, серьезно дискутирующей, произошел ли человек от Бога или от обезьяны.

Мы вообще еще во многом сохраняем эту античную черту – задавать вопросы «так или этак?». При этом мы неявно предполагаем, что одна из двух возможностей верна, а другая неверна. Но это далеко не всегда так. Не всегда возможности,

особенно те, которые мы сами придумываем, взаимно исключают друг друга. Гораздо чаще, чем мы можем это себе представить, верны обе возможности. Но верны в разных смыслах. Например, вполне очевидно, что мы произошли и от папы с мамой, и от бабушек с дедушками. Но в разных смыслах. Очень легко себе представить, что мы произошли и от обезьян, и от Бога (хотя, естественно, тоже в разных смыслах, и совсем в других смыслах, чем смыслы того же слова «произошли» в дилемме о папе и дедушке). Вообще, почти всегда вопрос «так или этак?» уводит от понимания, а вопрос «в каком смысле так, а в каком смысле этак?» выводит из тупика, в который мы сами же себя и загнали.

Чтобы представить себе, что такое Божественность Иисуса, нужно знать многое из того, что знаем мы, но чего не знали античные люди, – про сложное строение души, про становление, процессы, динамику. Для людей-II все это было запредельно – ничего этого в античном мышлении не было. А кроме того, нужно знать и многое из того, о чем и мы не знаем: про Иерархию, про роли в Иерархии, про посмертную эволюцию души и про многое другое.

Но это – чтобы *представить*. А чтобы *почувствовать*, что Иисус – Бог, ничего специального знать не нужно. Это общее для всех христиан чувство. Все христиане чувствуют Божественное величие и Божественное могущество Иисуса. И – что, может быть, еще важнее – все чувствуют, что Христос – самое главное в их жизни. (Хотя мало кто понимает отчетливо, что «прийти к Христу» означает «заработать» Высшую Душу, как это сделал Иисус, и что ему самому тоже предстоит обрести Христа и тем самым стать Христом.)

Это чувство и сделало Иисуса Христа богом христиан, несмотря на то что формально Он «только» посредник, мост между человеком и Высочайшим (и потому недоступным) Богом, Который в евангелиях назван Отцом. Я говорю, естественно, не об официальной догматике, которая никогда такой замены не провозглашала и не признавала, а о фактическом положении дел, которое лучше просматривается у светских писателей. В их книгах начиная с какого-то момента «Иисус Христос» (или просто «Христос») становится синонимом «Бога» и исчезают упоминания какого бы то ни было иного бога. Впрочем, окончательно Иисус Христос стал христианским Богом позднее, уже в последнем тысячелетии. И одновременно с тем, как это происходило, посредниками между человеком и Богом все больше становились святые и прежде всего Богоматерь. И молился обычный человек чаще не Богу и уже не Иисусу, а этим посредникам. Как будто Иисус поднимался все выше и ввел за Ним тянулись вереницы последователей, своего рода Небесное Воинство. Это Воинство теперь образовывало мост между людьми и Иисусом Христом – часть моста к Богу, и «связаться» с Иисусом Христом обычный человек мог только при помощи этих посредников. Но это не «как будто». Это так и есть: умершие святые не просто живы, но и продолжают подниматься. Уже во времена первых католиков Иисус был невероятно высоко.

Как это общехристианское чувство выразить? Очень просто –

нужно сказать: «Иисус – Бог». Но тогда сразу же возникают два вопроса. Первый: а как же Бог Отец? Кто же Бог – Иисус или Отец? Если есть только один Бог и Бог – Отец, то как же может быть Богом и Сыном? И второй вопрос: а как быть с человеческим Иисусом? Ведь как все христиане чувствуют, что Иисус – Бог, так же они и чувствуют, что Иисус – человек. Это столь же важно для христианства. Со своими мыслительными орудиями античные богословы могли ответить на эти два вопроса только сказкой.

Если Иисус – Бог, то и нужно сделать его Богом. То есть наделить всеми Божественными атрибутами – вечным существованием, всемогуществом и т.д. Так устроено античное мышление. И в богословской сказке появился Бог-Слово – «Бог № 2». Всемогущий Бог, который сотворил мир, захотел стать человеком, чтобы спасти человечество. Для этого Он воплотился в одного конкретного человека, Иисуса, который ценой собственных страданий искупил первородный грех. Мотив жертвы и даже самопожертвования античным людям очень понятен. Это очень античный мотив. Но от чего спасти? Как спасти? Почему спасать нужно именно так? Все эти и десятки других вопросов просто повисают в воздухе. Но, как я уже сказал, вопросов они не боялись.

Что же получилось у них в результате? Получился *сверхчеловек*. Иисус по самой своей природе совершенно не такой, как остальные люди. Он – не человек, а сверхчеловек, высшее существо, как сейчас бы сказали, другой биологический вид, в котором Иисус – единственный представитель. И самое главное здесь, что Иисус не *стал* сверхчеловеком в результате своей земной жизни (что было бы верно), а был сверхчеловеком от рождения.

Чтобы как-то представить себе это высшее существо, богословы перемешали в нем человеческие и божественные черты (например, ест, как человек, преображается, как бог), подобно тому как можно перемешать в одной посуде фасоль и горох. Так был решен вопрос о человеческом Иисусе, и такое понимание Богочеловечества вполне естественно для людей, которые представляют мир, как будто он сложен из кубиков.

Сказка «облекла плотию» буквально понятые слова Иоанна *Слово было Бог и Слово стало плотию*. Обоснование сказки

нашли и у Павла, например: *Сына... Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано.*

Что имели в виду Иоанн и Павел и правильно ли они поняли Иоанна и Павла – об этом богословы просто не задумывались. Не задумывались, например, что «Слово стало плотию», если относить это не вообще к сотворению мира, а персонально к Иисусу, может значить «Иисус был воплощенная мудрость» или «Иисус проникся Божественной мудростью».

Как сделать Сына Богом, не «обидев» Отца? В их ментальном мире и Тот и Другой могли быть только телесными существами – как Огромные Люди. Оттого-то Фоме, чтобы поверить в реальность воскресения, даже видеть своими глазами раны от гвоздей на руках воскресшего Иисуса мало – ему нужно потрогать раны Иисуса руками. Богом мог быть только Один из Двух – или Сын, или Отец. Кажется, у задачи нет решения. Но они нашли выход – объединили два телесных существа в одно. Сказка о «Богe № 2» получила свое логическое завершение и стала сказкой о Троице.

Отблески Истины

Перед тем как говорить о цене, которую пришлось заплатить христианству за непротиворечивость доктрины, нужно сказать о том, что, как это ни может показаться странным, даже в такой доктрине есть отблески Истины. Например, то, что Творение – это работа не только Высшего Бога, – общее место для всей гностической мысли и отчетливо звучит даже раньше, у Платона. Другое. Слово «Христос» в Новом Завете употребляется в двух значениях. Первое – для обозначения индивидуума, Иисуса, без разделения его бытия на периоды: до Преображения, между Преображением и Воскресением и после Воскресения. Второе – для обозначения Божественной сущности. Эта Божественная сущность, действительно, извечна и была в одном смысле материалом Творения, а в другом – и самим Творцом. Эта Сущность в самом деле воплотилась в человека, но, конечно, не только в Иисуса, но и во всех людей.

Об этом во второй главе Книги Бытия сказано: *Бог вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою*. И наконец, третье. Отдельность Высших Сил Мира (впрочем, как и мельчайших существ) и в самом деле относительна. Это тоже общее место гностической мысли. Но это не все. В учении о Троице есть очень важный эмоциональный момент – теснейшая, интимнейшая связь Творца с творением посредством Святого Духа. Переживание этой Связи – важнейшая сторона мирочувствования и многих христиан (во всяком случае, всех православных христиан), и многих мусульман.

Еще одна очевидная заслуга «античного христианства» – сохранение центральной христианской идеи Бого-человечества. Античное богословие не могло ее понять, но любые попытки «посягательства» (реального или мнимого) на эту идею встречали решительный отпор. В борьбе с арианами и несторианами «ортодоксы» утверждали Божественность Иисуса (несмотря на то, что они сами не могли понять ее природы), а в борьбе с монофизитами «ортодоксы» так же яростно отстаивали человеческое Иисуса (несмотря на то, что они сами лишили Иисуса человеческого, наделив вместо этого сверхчеловеческим). Идею Бого-человечества и сегодня доктрина хранит «неразвернутой». Но сегодня она уже начинает «разворачиваться», и все больше становится тех, кто видит в Бого-человечестве Иисуса связь человека с Богом – тот Путь к Богу, которым мы все идем и который нам всем предстоит пройти до конца.

В общем, доктрину «античного христианства» можно считать такой же «доктриной на потом», как, например, доктрина иудаизма. И хотя ее зеркало оказалось кривым, но тот, кто знает Реальность, узнаёт Ее и в таком зеркале.

Главный позитив

Из нашего времени «античное христианство» выглядит малопривлекательным. Агрессивное заблуждение, которое сохранится на века и будет стоять многих жизней, – таково самое общее впечатление от знакомства с этим явлением. Но это слишком общее впечатление. В разговорах о мракобесии много эмоций и мало понимания истории. Антиклерикализм

возник, конечно, не на пустом месте, но антиклерикалы не видят позитива – того, что было приобретено ценой этого заблуждения. А приобретено было немало. Прежде всего, конечно, – что, ломая зубы о непостижимые для него вопросы, мышление-II становилось мышлением-III. При всей своей сказочности сказка о Троице была революционным прорывом – прорывом из ментальности-II в ментальность-III.

Я приведу несколько фрагментов из Иоанна Дамаскина. Его труды как бы подводят итог уже полностью исчерпавшему себя «античному богословию».

Логика Иоанна остается античной. Но уже совсем неантичны те мысли, которые он пытается оформить по-античному. Вот о Троице. *Бог – одно Существо. Он познается и есть в трех лицах. Отец, и Сын, и Святой Дух едины по всему, кроме нерождения, рождения и исхождения... У Бога есть Слово. Если же Он имеет Слово, то должен иметь Слово не безыпостасное, начавшее и кончившее быть. Ибо не было времени, когда Бог был без Слова... Слово Божие, поскольку существует само по себе, различается от того, от кого имеет ипостась; поскольку же проявляет в себе то же самое, что есть в Боге, то по естеству есть одно с ним... Сын и Слово Божие, ради нашего спасения соделался совершенным Человеком; Он вместе и Бог совершенный, и Человек совершенный, из двух естеств, но в одной сложной ипостаси.* Толковый старшеклассник нашей культуры-IV легко обнаружит логические несуразности этого пассажа. Автор сам запутывает себя. Но самое интересное и важное, что эта «античная» путаница ставит «неантичные» проблемы: «два естества в одной сложной ипостаси», «одно в трех лицах». Для античного мышления это неразрешимые загадки. Но отгадывание этих загадок поднимает античное мышление-II на следующую ступень, где оно перестает быть античным.

Если для античных философов не было самого понятия «телесность»: у телесности не было антитезы – весь их мир был телесен, то у Иоанна не только есть понятия «телесный» и «бестелесный», но и телесность в этой паре выглядит «младшей». Во всяком случае – *Бог бестелесен. Ибо не может быть телом то, что бесконечно и беспредельно, не имеет образа, не подлежит осязанию. Бог проникает и наполняет все.*

Невозможно, чтобы тело проходило сквозь тела, не разделяя их и само не разделяясь, не смешиваясь и не соединяясь с ними, подобно как жидкости вместе сливаются и растворяются. Мысль о Всеприсутствии Бога совершенно неантична.

Одно свойство теперь уже спокойно уживается с другими. Бога Иоанн наделяет огромным множеством свойств: безначален, бесконечен, вечен, присносушен, не создан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, не ограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья. И мало того – Бог не из числа вещей существующих, потому что превышает всего существующего, превышает даже самого бытия. Эта мысль уже не только не из культуры-II, но, пожалуй, и не из культуры-IV. Такое не часто встретишь у современных философов, падких на парадоксы.

Видны и очень важные ростки идеи изменчивости, динамичности: *Все существа изменяются; например, существа мысленные, то есть ангелы, души и духи, большие или меньше преуспевая в добре и удаляясь от добра; а прочие существа рождаются, исчезают, растут и уменьшаются, меняют свойства, движутся.* Мысли об изменяемости духов и изменчивости свойств тоже опережают не только культуру-II, но и культуру-III.

Кто расположил по местам все, что на небе и на земле, и что предшествует всему этому: небо и землю, природу огня и воды? Кто все это соединил и разделил? Кто сообщил им движение и стремление? Другими словами, мир воплощает замысел – идею мира. И это не просто из будущего, а из очень далекого будущего.

И еще одна важная вещь появляется – осознание ограниченных возможностей в познании Бога и даже попытка определить эту границу. Это совсем нехарактерно для «точных изложений православной веры» – так называется трактат, из которого я отобрал эти фрагменты. Рядом с обширными рассуждениями о Боге, как бы показывая их призрачность, разбросаны многочисленные признания вроде *Одно дело – говорить, а другое – знать, или Многое из того, что мы неясно познаем о Боге, не может быть выражено, или Что есть*

существо Божие, или как Он есть во всем, или каким образом Сын, уничижив Себя, соделался человеком или как Он ходил по водам – того мы не знаем. Такие признания своей ограниченности очень важны – от них начинается дорога за ее границы.

Все это мы видим у детей и особенно у подростков, когда они учатся думать. Часами подростки могут рассуждать о возвышенных предметах, неизвестных им по опыту и недоступных для их мыслительного аппарата. Но для них самих эти рассуждения очень важны – так же важны, как игры важны для детей. И значение этих рассуждений такое же, как и детских игр, – учебное. Со стороны они кажутся забавно-наивными. Но эта наивность той же природы, что и неловкость малыша, учащегося ходить, или первые каракули первоклассника, который начинает писать. Подростки оттачивают свои «мыслительные умения», тренируют «мыслительные мускулы». Вся история первых веков нашей эры – это история попыток поднять слабыми «мыслительными ручонками» непосильный груз. Груз поднять не удалось, но «ручонки» стали покрепче.

Негатив, или «цена вопроса»

Но прогресс был оплачен дорогой ценой. Религия первохристианства оказалась выхолощенной. Проспорив о природе Иисуса Христа несколько сотен лет, богословы окончательно запутались. Результатом этой тщеты постичь непостижимое (и в самом деле для их ментальных средств непостижимое) стало превращение богословия в пустословие.

Превратив Иисуса из человека в сверхчеловека, богословская сказка как бы вычеркнула из евангелий постоянно повторяемое «Сын Человеческий», т.е. сын рода человеческого, один из людей. И в результате обрекла все христианское вероучение на бессмысленность, а самих христиан – на безверие, или, точнее, на безВерие.

В *такое* обожествление Иисуса нельзя поВерить. Нельзя убедиться в этом на опыте. Нельзя хотя бы только едва-едва прикоснуться самому. И хуже того, в *таком* христианстве, оказывается, вообще не во что Верить. Если Бог воплотился не человеком, а сверхчеловеком (у Иоанна Дамаскина

«совершенным Человеком») и Иисус уже по своей природе не такой человек, как другие люди, то такое воплощение бессмысленно – зачем Богу воплощаться Богом? Правда, эту логическую нелепость при умении играть словами еще можно сгладить. Но важнее здесь не бессмысленность, а то, что сгладить нельзя, – такое придуманное христианство перестает быть религией-Дверью. Если повторить сделанное Иисусом «простой человек» не может *в принципе*, то нет ни христианского Пути, нет ни надежды прийти к Богу – не остается ничего! Связь между человеком и Богом, которую зажег Свет, меркнет. Это был смертельный удар. Конечно, не христианской Идее – себе самим, «античному христианству».

Из главы 19. Свет перед плотинной

«Размен»

Первые четыре века христианства («Свет» и «пар»⁶ Первохристианской Вспышки) ушли на создание форм новой жизни. Следующие два века (первохристианская «вода») эти формы, поначалу бывшие очень горячими, очень подвижными, очень изменчивыми, остывают, с тем чтобы в последующие века застыть окончательно.

При переходе от «Света» к «пару» сотни тысяч христиан-энтузиастов приходят на смену тысячам героев-мучеников. Миланский эдикт Константина, в начале 4-го века узаконивший христианство, высвободил энергию их энтузиазма, и застоявшаяся римская жизнь как будто оживает. Читаешь ли знаменитую «Исповедь» Блаженного Августина или труды восточных отцов: Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского, Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, – всюду чувствуется живой пульс этого времени. Энтузиазм, пожалуй, даже перехлестывал через край – отцы церкви были недовольны огромным количеством «бытовых богословов»: о природе бога рассуждали и в тавернах, и на скачках. Но «пар» кончается, и энтузиазм иссякает: в фазе «вода» мы видим уже не сотни тысяч христиан-энтузиастов, а десятки миллионов христиан-обывателей.

Происходит как бы «размен»: несколько Гигантов, стоявших у истоков христианства, превращаются в миллионы и миллионы обывателей. По сравнению с Гигантами они даже не карлики, а лилипуты. Но эти лилипуты были выше подданных Нерона в среднем на 1–2 люма.

Огосударствление делало христианами очень разных людей: и свирепых воинов – детей совсем диких народов, только что вошедших в империю, и ленивых обжор, деливших свою жизнь

---

⁶ В «Свете Жизни» жизнь каждой метакультуры периодизирована в 6 стадий, первые пять примерно по 200 лет, и заключительная («конец») около тысячи лет. Жизнь метакультуры начинается с предварительной стадии «Всполохи», которую сменяет стадия максимального новаторства и максимальной творческой активности («Свет»), затем идут три стадии затухания творческой активности при все более полной разработке идеи метакультуры («Пар», «Вода», «Лед»).

между пиршествами и баней, и рабов, трепещущих не услышать приказа хозяина, и интеллектуалов – любителей философии и изящных искусств, и тех, кто больше, чем Бога, любил гладиаторские бои и групповой секс. Все они стали теперь христианами – все соблюдали христианские ритуалы и почти все (во всяком случае, очень многие) отказались от языческих, все были крещены и при случае осеняли себя крестным знаменем, все бывали в церкви... Что еще? А больше ничего от них и не требовалось, или, точнее, больше ничего они от себя не требовали.

Вот на то, чтобы появилась масса таких «христиан», и ушло горение христиан-энтузиастов. Если жизни мучеников были потрачены на преодоление логического барьера «абсурдности христианства», то христианский энтузиазм был израсходован на достижение некоторого равновесного состояния, своего рода компромисса между христианством и античностью.

Таким компромиссом была пропитана вся жизнь. Например, в политике он выглядел так. С точки зрения христианства земная власть – ничто перед Высшей Небесной Властью и служение земным властителям (как и вообще любым земным целям) – ничто перед служением Богу и заботой о Высшем. Таким было христианство исходно, и такое христианство (вполне обоснованно) казалось любому трезвому политику прямой угрозой устоям общественной жизни. Гонителям христиан было и против чего бороться, и что защищать. «Кто в доме хозяин – император или главный священник?» Анархия или порядок? Богатство, то есть экономическая мощь и процветание, или бедность, незащищенность и зависимость? Это были вопросы жизни и смерти. Следовать христианской проповеди в государственных делах было чревато катастрофой. Но христиан становилось все больше, и, главное, христианами становились самые высокие люди: христиане были энергичнее и просто умнее нехристиан. Если такие люди поддерживают императора, его власть устойчива, а если они отворачиваются от императора, то его власть становится зыбкой. (Позднее склонный к идеалистическим порывам Юлиан Отступник недооценит эту угрозу и очень быстро потеряет не только власть, но и жизнь.) Так что с какого-то момента именно логика политики стала требовать государственного признания

христианства – ни игнорировать, ни тем более грубо «давить» христианство было больше нельзя. После того как численность христиан достигла десятков процентов всего населения империи, политическая победа христианства стала неизбежной. Но какой оказалась эта победа? С одной стороны, конечно, верховной властью была признана власть Бога. Но в качестве «компенсации» за императором закреплялся статус божьего избранника, «помазанника». Мало того, к императорам отходила значительная власть в церковных делах – то, что позднее назовут «цезаризмом». Так что капитуляция античности была, мягко говоря, небезоговорочной.

И точно так же в любой сфере жизни мы видим все ту же самую, немного потрепанную, но не побежденную античность. И это неудивительно: ведь люди-то все еще оставались античными – по-античному думали и по-античному жили. Античность сидела в них слишком глубоко.

Кризис шестого века

Таким – жизнью без жизни, без горячей, искренней веры – застает первохристианство 6-й век. И Римская империя (которую историки называют теперь уже не Римской, а Византийской) снова начинает «загнивать».

Безысходная удушливость жизни без Света в Византии шестого века чувствуется и у церковных, и у светских авторов. Например, Евагрий. Его «Церковная история» как бы продолжает «Историю» Евсевия Памфила, написанную на двести лет раньше. Но как сильно отличается Евагрий от Евсевия! Евсевию не чужды политика и политиканство. Но он искренне верит. Верит в выдумку, в фантазию. Но его чувство неподдельно. Иное дело Евагрий. Он пишет о догматических спорах, о назначениях-смещениях иерархов и даже о чудесах, которые он вроде бы видел своими глазами. Но за всем этим не чувствуется не то что веры – просто личного интереса.

Особенно интересны книги Прокопия Кесарийского. Интересны тем, что несомненный литературный талант не мешал Прокопию оставаться обычным человеком своего времени, конечно, далеко не заурядным, но вполне типичным по строю мыслей.

Византия Прокопия – старое, почти отжившее общество, живущее воспоминаниями о славных античных временах. Для религии в этом обществе тоже есть место. Но какая странная это религия! В Бога они не то что не верили, но их бог во многом оставался античным богом – преемником Юпитера, верховным управляющим жизни людей, небесным императором. В этом качестве бог защищает от разорения одни города и разоряет другие. Правда, теперь у бога появляется еще одна забота – благочестие своих земных подданных. Так, сомневаясь в правдивости легенды о том, что Иисус в письме правителю Эдессы обещал навсегда уберечь его город от захватов врагами, Прокопий замечает: *даже если Христос этого ... и не написал, все же Он, поскольку люди пришли к такому убеждению, пожелал уберечь город от захвата, чтобы не подать им повод к заблуждению*. Другой новацией по сравнению с античностью является то, что теперь главным атрибутом верховного бога объявляется не всемогущество, а мудрость (по-гречески «софия»): *храм великого бога Христа* [неявно подразумевается – одного из многих или даже одного из многих великих богов. – А.З.] *(византийцы называют этот храм Софией, считая, что это наименование более всего подходит для Бога)*.

Конечно, в этом есть и продолжение античного преклонения перед умом: как и триста лет назад, высшей частью души считают разум, а путем к Богу – путь разума. Но есть и отголоски гностической мысли.

И недоступен бог Прокопия (да и Евагрия) совершенно по-античному. О живой связи с Богом нет и речи. Вера для Прокопия – это благочестие. Он по-античному верит в чудеса, предзнаменования, судьбу и по-античному видит защиту от злых демонов в разумности, справедливости и добродетели. Но не в Набожности. О святости почти не упоминает, даже само это слово встречается очень редко. Почти нет у Прокопия и упоминаний о религиозных подвижниках, хотя нередки скрытые насмешки вроде рассказа о том, как «самые благочестивые христиане, которых называют монахи», перепив на Пасху, проспали неприятеля, ворвавшегося через охраняемые ими ворота в город.

Прокопий не очень доволен тем, как бог делает свою работу. То там, то здесь слышны у него жалобы на неразумность и несправедливость судьбы, на невозможность понять логику

действий бога. Вообще, своим отношением к Богу Прокопий напоминает современных интеллектуалов – прагматиков и скептиков. Дескать, может быть и даже очень возможно, что бог есть, но это не наверняка, а главное, это и не очень важно для наших по-настоящему важных земных дел. Потому что он руководит земными делами как-то странно: нет в них ничего божественного: ни милосердия, ни мудрости, ни даже просто логичности. А если богу до нас нет дела, то и нам до него тоже дела быть не должно. И хотя прямо ничего этого Прокопий не пишет, логика его религиозности именно такова.

Но самое важное, что религия и жизнь для Прокопия как бы разделены. И гораздо важнее для него жизнь. А жизнь эта все еще во многом античная. Прокопия заботят земные дела – бедственное положение Византии и свое личное. Наряду с жесткой налоговой политикой ему не нравятся запреты на мужеложство, и гонения на язычников, и (в гораздо меньшей степени) «упадок нравов». А религия? Она куда менее важна, чем богатство, положение в обществе, плотские утехи, зрелища. В шестом веке религиозность – это просто одна (и не самая важная) из сторон жизни. Жизнь была отдельно, а религия – отдельно, как бы довеском к жизни. В общем, «кесарево кесарю, а Божие Богу» в буквальном смысле. Люди делали несколько «религиозных дел» в общей веренице дел своей жизни – между дворцовыми интригами и публичным домом заходили и в церковь. Но к придуманной богословами сказке они относились почти так же скептически, как к древним мифам о богах-олимпийцах.

Показательно, что вся литература этого времени четко разделена на религиозную и светскую. «Пересечений», каким был когда-то Гомер или будет когда-то Данте, нет вовсе.

Об «античной Византии» Прокопий пишет куда ярче, чем о «христианской». Она ему ближе. Так, на двух страницах, не скупясь на самые скабрёзные подробности, которых не позволял себе и Ювенал, Прокопий описывает сексуальные сцены из жизни «в девичестве» императрицы Феодоры, изображения которой украшают немало церквей. А заканчивает он это смакующее описание стыдливым отказом произнести название ремесла, которым занималась Феодора, «назвать которое, я думаю, человек не сможет, не лишившись милости

Божьей». Как это было и раньше в Римской империи, двумя доминантами жизни «античной Византии» остаются секс и зрелища. Все так же ценимы античные добродетели, такие, как воинская доблесть или власть, и все так же малопонятны христианские – любовь к Богу, любовь к ближнему. Конечно, открытых приверженцев языческих культов во времена Юстиниана меньше, но «душу не выплюнешь» – подданные Юстиниана, да и он сам, во многом остаются людьми античности. В религиозной активности вроде бы искренне религиозного Юстиниана, как и во всей византийской жизни, тоже все перемешано: и великие постройки – чего стоит одна София! – и величайшие разрушения. Взять хотя бы анафему на пятом соборе Оригена, которая вычеркнула из церкви жизнь-подвиг одного из самых ярких ранних христиан и обрубила целое направление богословской мысли. Но самое страшное – не эти разрушения, а то, что религиозность Юстиниана оставляет большинство его современников (в отличие от историков – наших современников) равнодушными: в лучшем случае они посмеиваются над неприличными для императора богословскими увлечениями Юстиниана.

В их жизни есть и храмы, и праздники, но... посвятить провинившегося чиновника в виде наказания в священники, конечно, против его желания – это нормальная практика. Нищие, голодные проститутки предпочитают смерть принудительному пострижению в монахини.

Вот таким подошел культурный Центр к 7-му веку: античные люди узнали о Боге, но продолжали жить по-античному. Отходить от античности им было некуда, а искать новую дорогу не было сил.

«Бегство» монахов. Христианские Посвященные

Но не все христиане соглашались жить античной жизнью. Люди становятся христианами, потому что надеются на Спасение. И остаются христианами, пока верят, что христианство приближает их к Спасению. Античное христианство, не понимая, что родиться Христианином нельзя и что Им можно только стать, пройдя долгий Путь, проблему Спасения решало по-античному просто: если ты христианин, то

Спасение обеспечено. Доверчивые люди верили в это. Упрямые, однажды поверив, не переставали верить из упрямства. Ленивые ленились усомниться. Скептики просто не относились серьезно к христианской сказке.

Но были и те, кто понимал, что одного крещения для Спасения мало, что крещение только первый шаг долгого Пути. И они отправлялись в свой Путь. Церковь с ее пустословием им в Этом не помогала. Но зато сам Путь открывал им такие сокровища, которые церкви и не снились. Формально они не противопоставляли себя остальным христианам и считались их единоверцами, но верили они совсем по-другому: не в чужую выдумку, а в свой, по крохам обретаемый Опыт.

Так появилось монашество. Люди Пути рвались быть «детьми Христа» в том смысле, в котором Иисус говорит иудеям: *Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы.* Но чтобы стать «детьми Христа», нужно было уйти «от мира сего». И самые высокие христиане стали «исключать себя из жизни». Началось это еще в 3-м веке, в самом начале фазы «пар».

Монахи никогда не выступали против омертвления доктрины. Их вообще интересовало Другое – не церковная суэта и не мирская суэта вообще. Со всем этим они соприкасались и иногда оказывали сильное влияние, но интересовало их только Одно – Христос, Спасение. Протестовали они против античного христианства не словами, а своими жизнями.

Идея монашества одновременно и пессимистична и оптимистична. Пессимистична в том, что, оставаясь в миру, нельзя быть с Богом. Другими словами (хотя прямо этого никто не говорил), миряне – безбожники и обречены на безбожие. Даже пастыри не только не могут ввести паству в Дверь, но и сами не могут в Нее войти. И наиболее пронизательные из пастырей сами это понимали и временами рвались в монахи. А оптимистична идея монашества тем, что сохраняет надежду на приход к Богу. Самым высоким из монахов ценой всей своей жизни – меньшей цены здесь нет – удалось исполнить Новый Завет. И хотя, очень мягко говоря, не всем монахам удалось пройти Путь, все прошедшие христианский Путь были монахами.

Неслучайно Гурджиев назвал христианский Путь «путем монаха».

Но о происходившем в монастырях и в пещерах отшельников-одиночек мы знаем мало. Больше мы знаем о работе тех христиан, которые разрывали мертвую пленку античного христианства, создавая другое, не схоластичное, основанное на жонглировании словами, а сущностное, стремящееся облечь словами Истину богословие – богословие Псевдо-Дионисия Ареопагита, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника. Они продолжали линию передачи Евангельского Главного. В истории христианства эта линия Посвященных берет начало от первых Христиан, Христиан-Гигантов, и от Них через самых высоких монахов и самых высоких богословов тянется до наших дней.

Предрассветные всполохи следующей Вспышки

Как последние два века до нашей эры не были только античными, так и 5-й и 6-й века нашей эры не были чисто первохристианскими. В это время все чаще загораются всполохи новой Вспышки – Вспышки, которой предстояло смести плотину, остановившую первохристианскую метакультуру, и освободить Богостремительное мирочувствование от архаических культурных форм, не дающих ему самовыражаться свободно.

Живительные токи новой Вспышки чувствуются в воздухе 5-го, а еще сильнее 6-го века повсеместно. Их ответ лежит на великих произведениях искусства, самое знаменитое из которых – константинопольская София. Но не только художественные взлеты – многое в это время предвещает новую Вспышку.

Заметно оживляется Европа. Рим поднял европейцев в культуру-II и помог сделать первые шаги в культуру-III. Но дальше Рим вести их не мог. И европейцы пошли сами. Это время одного из отцов западного монашества – святого Бенедикта, папы Григория Великого, «крестителя» Англии Августина, обратившего в христианство пиктов святого Колумбы, автора «Истории франков» Григория Турского, энциклопедиста Исидора Севильского... От Испании до Шотландии разливается жар устремленности к Христу. Великие европейские миссионеры, чьи имена дошли до нас, потому и

стали великими, что их деятельность резонировала с душами огромного количества их «духовных чад». Конечно, до будущей европейской Вспышки еще чуть ли не пятьсот лет. Даже первые ее всполохи появятся не раньше чем лет через двести. А пока, кажется, у европейцев порыва в историю еще нет. И кажется, еще нет даже предчувствия своего будущего. Но...

Из путевых заметок. Но, внимательно рассматривая то очень немногое, что сохранилось из этого времени, такое предчувствие заметить все-таки можно. Несколько ярких шедевров дошли к нам из седьмого века от испанских вестготов. По-готически (не в смысле будущей готики, а в смысле некоего прагерманского эстетического чувства) грубоватые, но по-римски искусные церковные украшения – переливающиеся очень крупными сапфирами и очень крупным жемчугом кресты и короны – не оставляют сомнений, что религия для вестготов не была чем-то второстепенным. Но еще интересней их церкви. Здесь сочетается наивно-грубоватая (тоже «готическая») резьба по камню с порой очень зрелыми решениями внутреннего пространства. Самая яркая из церквей, которые мы видели, – это Сан-Педро де ла Наве (San Pedro de la Nave) недалеко от Саморы (Zamora). Ее внутреннее пространство, организованное последовательностью уводящих в даль четырех арок, завершающейся ярким светом, бьющим из окна апсиды, с одной стороны, мало уступает лучшим образцам «восточнохристианской» архитектуры того времени, а с другой – более чем прозрачно намекает на то, что расцветет через 400 лет в лучших раннеевропейских церквях.

Но гораздо заметней, чем в Европе, было оживление «на востоке»: у арабов, берберов, а отчасти и у персов – народов, которые скоро станут главными героями Истории. Пока же они только соперники Византии на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но соперники все более грозные...

Из главы 24. Византия. Призрачная и настоящая

Призрачная Византия

И в метакультуре первохристианства, и в исламской метакультуре самое важное для нас даже не столько их исторические роли и плоды их исторической работы (в конце концов, будучи людьми-IV, мы уже переросли культуру-III), сколько их нереализованные потенции, те семена, которые были ими посеяны и которым еще только предстоит взойти. Таким посевом в почву Византии было православие.

.....

Уже жизнь Византии Феодосия–Юстиниана, несмотря на обилие событий (Вселенские соборы, становление церкви, борьба с ересями, падение Западной Римской империи и т.д.) и несмотря на то, что о ней много написано, представить себе гораздо труднее, чем жизнь Рима, где мы почти физически ощущаем, например, удушливость имперской атмосферы. Апостол Павел виден в своих посланиях как живой. Живыми мы видим и Оригена, и Марка Аврелия, и Плотина, и Сенеку. А вот Григорий Богослов, Василий Великий и даже Блаженный Августин оказываются более бесплотными. Можно догадаться, что каждый из них жил напряженной жизнью, но сама ткань этой жизни для нас неощутима. Тем более призрачными оказываются менее знаменитые деятели этого времени, не говоря уже о простых людях. Жизнь у Прокопия – какой-то театр теней. Даже второстепенные античные авторы живописали куда как ярче.

А в 7–9-м веках Византия просто исчезает, как будто тает в воздухе. Между Ираклием и первыми императорами «македонской» династии истории Византии нет – нет ни книг, ни материальных памятников. О целых десятилетиях не известно *ничего*. Государство-призрак: без литературы, искусства, истории, богословия. Патриарх Никифор и Феофан Исповедник оба дают довольно куцые хроники, по которым даже последовательность императоров восстанавливается с трудом: несколько слов о войнах, очень схематично – об иконоклазме и монофелитстве. Что еще мы знаем об этом

времени? Несколько крупных имен церковных деятелей, несколько житий, несколько церковных документов. Все. Как, чем жили тогда люди, о чем и как думали, каким видели мир, к чему стремились? Пропасть.

Но и появившись «из тьмы веков» в 10-м веке, Византия остается призрачной. Бесплотными кажутся даже самые яркие византийцы, например Михаил Пселл или Анна Комнина. Тенями мелькают и знаменитые патриархи, такие, как Фотий или Николай Мистик, и прославленные императоры – и Константин Багрянородный, и Никифор Фока, и Иоанн Цимисхий, и даже Алексей Комнин, воспетый дочерью Анной в огромной книге. И века до четырнадцатого эта бесплотность сохраняется. И только в четырнадцатом веке мы видим живых людей, хотя эти люди – Григорий Палама или Иоанн Кантакузин – уже совсем непохожи на первых византийцев.

Только при чем здесь историки, если призрачной была сама византийская жизнь? Но в том-то и дело, что сама жизнь, конечно, призрачной не была. И Византия, и Европа жили «нормальной» жизнью, вполне реальной и полнокровной. Только реалий ее мы не знаем, да они для историка и неинтересны. Потому что эта жизнь была обывательской: то, что было важным тогда для византийцев, – деньги, карьера, расположение царствующих особ, интриги, склоки, скачки, амурные похождения, охота и, конечно, набеги соседей и на соседей – было слишком мелким для истории. А когда мы пытаемся придать обывательской жизни статус исторической, или, другими словами, не важным событиям – статус важных, тогда история и получается призрачной. Так, советские историки написали призрачную историю, в которой важнейшим мировым событием объявлялось, например, восстание Стеньки Разина. Делать из византийцев второй половины первого тысячелетия героев истории – то же самое, что делать героями истории персонажей Зоценко.

.....

Византия

Призрачность придуманной Византии мешает нам видеть значимость Византии реальной. Историки неслучайно

чувствуют, что Византия занимает важное место в истории. Это место действительно важное. Но, так как в Византии переплелись несколько исторических линий, это не одно, а несколько важных мест.

Одна из «линий судьбы» Византии – линия хранителя античности, «императора Центра-II⁷ в изгнании». Античность умирала в Византии. Почти вся ее фаза «конец», с 5-го по 12-й век, была византийской. В 5-м веке закончилась Западная Римская империя, а вместе с нею и «латинский народ» – сообщество римлян, которых помимо общей для всех римлян культуры объединял еще и латинский язык. Но оставались римляне востока, римляне-«греки», которые и продолжали античную метакультуру еще лет восемьсот. Почти до самых последних веков своей истории византийцы как будто не желают до конца становиться людьми-III. Даже влияние халифата не могло сделать их вполне над-античными. И это не случайно, потому что всю свою историю Византия поднимает в культуру-II арьергард Центрального мира. Среди последних из знаменитых персонажей мировой истории туда поднялись и русские.

Мы видим «античных византийцев» не только в Византии Юстиниана, но и гораздо позже – в Византии «македонцев» (10–11 века) и даже в Византии Комнинов (12-й век). И тогда светские византийцы, как и за пятьсот лет до того, гордились «классичностью» своей образованности. Вместо «Багдад» они пишут «Вавилон», вместо «франки» – «кельты». Все северные соседи – «скифы». Вся лирика, вся беллетристика (ее, впрочем, сохранилось не так много) нарочито «античная». Пселл одинаково горячо восхищается и Платоном, и Григорием Богословом. Такой же «коктейль» и у Льва Дьякона, и у Иоанна Геометра. В 11-м веке все это кажется необъяснимым архаизмом. Как оды Державина в наше время

Из путевых заметок. Странное чувство охватывает в греческих (например, афинском или ираклионском) музеях византийского искусства, когда рядом с православными иконами видишь совершенно античные, из белого мрамора элементы внутреннего убранства церквей

---

⁷ То есть культурного лидера метакультуры-II Центрального мира.

10-го века, например кентавров на алтарной преграде. На шкатулках с резьбой по слоновой кости (чуть ли не единственные изящные византийские вещицы, которые массово представлены в музеях) тоже часты античные сюжеты – подвиги Геракла, Тезея...

Конечно, «византийская античность» совсем другая по сравнению с классической античностью. Не видеть разницы между «Тимарионом» или «Повестью об Исминии и Исмине», с одной стороны, и «Илиадой» или «Царем Эдипом» – с другой, – это то же самое, что не видеть разницы между московским собором Василия Блаженного и петербургским храмом Христа на Крови или между Архангельским собором Кремля и храмом Христа Спасителя. Античны в византийских сказках только время действия, имена и некоторые детали. А вся их литературная ткань неантична. Начиная с самой их сказочности. Но такая стилизации, «деланность под античность» только усиливает едва ли не главный мотив византийской литературы – «реквием по античности», сильнейшую тоску по тем светлым временам, когда Рим цвел и правил миром.

Из путевых заметок. Тоску по утраченному величию легко разглядеть и в «норманской» архитектуре Сицилии. Византия здесь – «старая добрая» парадная Византия, блестящая имперским блеском времен Юстиниана. Правда, в 12-м веке античная метакультура уже почти закончилась, и на Сицилии эта тоска одета по-другому – по-первохристиански. Но и для первохристианской метакультуры это время – «конец», и оттого такими бездуховно-пустыми кажутся блестяще-роскошные мозаики в капелле Палатина или в соборах Монреале (Monreale) и Чефалу (Cefalu). В них есть все, чему положено быть в храмовых мозаиках. Нет только одного – духа.

Первохристианство, «античное христианство» – вторая линия византийской судьбы. «Античное христианство» сформировалось в Византии, и Византия много веков жила первохристианской жизнью. Но примерно в то же время, когда первохристианская метакультура входила в фазу «конец», Византия постепенно начинает отходить от нее. Хранительницей ее старости (в отличие от античной метакультуры) Византия не стала.

До той поры пока в 18–19-м веках атеизм не стал в Центральном мире главенствующей идеологией и не поставил тем самым точку в истории первохристианской метакультуры, в той или иной степени она участвовала в жизни всех Центральных христиан. Конечно, как и античная метакультура, первохристианская сохраняется и в сегодняшней жизни, но (и тоже как и античная) – в статусе прошлого. Как и с античным прошлым, мы уже попрощались и с первохристианским. Но не расстались мы ни с тем, ни с другим. Подобно тому как

мы верим в приметы или в домовых, мы верим и в бога «по-первохристиански». Так, на всякий случай. Хотя и неловко, но не помешает. Правда, и в нашей сегодняшней жизни есть Настоящее, Живое, которое «носит первохристианские одежды», но это уже не само первохристианство.

И наконец, третья линия византийской судьбы. Она тоже христианская. Но не первохристианская. Хотя Византия и прожила много веков первохристианской жизнью, но в том «византийском» христианстве, которое представляешь сразу же, как только слышишь о Византии, от первохристианства не так уж и много.

Начало

В 10-м веке в религиозной жизни Византии начинаются перемены. Правда, они не сразу бросаются в глаза — появляющееся новое поначалу теряется за старым. А старого, «античного» в христианстве византийцев было еще много. По-прежнему пострижением в монахи наказывают политических противников. И это еще самое мягкое наказание. Гораздо чаще виновному вырывают глаза, рубят руки, кастрируют. Так они слышат *лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну*. В ходу и человеческие жертвоприношения. Только жертв теперь не убивают, как во времена Агамемнона. Иногда их кастрируют. Так посвятил Богу своего сына (будущего патриарха) император Роман Лакапин. А иногда просто отдают маленьких детей монастырям, чтобы со временем они стали монахами. Все это есть. Но начинается и другое. Меняется характер монашества. Оно как бы очищается от грязи, накопившейся за века безверия. Монастырская жизнь на Афоне начинает напоминать самые яркие страницы истории египетского монашества. Симеон Новый Богослов выводит на поверхность линию Посвященных-богословов, которая чуть ли не четыреста лет после Максима Исповедника в Византии никак себя не обнаруживала. Важнее становится роль религии и в жизни общества. Появляются даже «праведные» императоры. Никифор Фока и во дворце пытается быть аскетом. Сменяет его покровитель Афона Иоанн Цимисхин. (Правда, «праведный» Иоанн добивается короны, просто убив «праведного» Никифора.) Но самая главная примета будущего — это начинающееся в 10–11-м веках византийское «искусство глаз».

Из путевых заметок. В Греции, примерно в часе езды от Дельф, есть монастырь Блаженного Луки (Ossios Loukas). Удивительное место с удивительными фресками и мозаиками. Они кажутся даже немного наивными. Но от этого наива обжигающий душу огонь глаз, смотрящих с мозаик и фресок, только становится еще горячей. Это не самые яркие из «византийских портретов». Самые яркие будут написаны позднее. Но направление будущего расцвета задано здесь четко. И так же четко определены главные темы будущего, «византийского» христианства – Любовь и Вера. Из евангельских эпизодов выделяются два: Иисус, омывающий ноги ученикам, и Фома, влагающий перст в рану Иисуса. И редкие ветхозаветные сюжеты, например Даниил и львы, работают на ту же тему Веры.

Конечно, и раньше христианские художники создавали очень яркие портреты-иконы. Но это были гении-одиночки, на ощупь искавшие путь будущей живописи. А начиная с 10-го века «искусство глаз» становится массовым – множество иконописцев, включая тех, кто работал в далеких провинциях, пишут удивительные фрески и иконы. Удивительные по страстности своей религиозности.

Но и великое «искусство глаз» – это тоже только одна из многих частных, за которыми просматривается самое главное – меняется характер веры. Она становится живой, испуленной – такой же, какой были вера первых мусульман и вера христиан в самые первые века христианства. Византийцы массово почувствовали Бога и почувствовали свое будущее с Богом – свою самую важную историческую роль.

С этого чувства и началось новое христианство – христианство, которое стало самым важным делом «поздней Византии».

Разные Византии

Византийское искусство – множество церквей, множество переполненных поиском и светом удивительной Человечности мозаик, фресок, икон. Это слава Византии. Тут уж точно никакой призрачности. Здесь Византия настоящая, и даже не

просто настоящая, а Настоящая. Для нее и времени как будто нет – прошло пятьсот, шестьсот, восемьсот лет, а мы все так же чувствуем кипение ее Христовой Страсти.

Вот в этом зеркале мы и видим византийскую жизнь и те изменения, которые в ней происходили. Конечно, во всех лучших произведениях, которые были созданы чуть ли не за тысячу лет византийского искусства, есть общее. Это общее – дух Византии, дух особого «византийского» христианства, который и заставил историков «развести» Рим и Рум и «сотворить» Византию. Но единство не означает неподвижности: менялась сама византийская жизнь и вместе с нею менялось и византийское искусство.

Самое грандиозное из таких изменений произошло на рубеже первого и второго тысячелетий. Масштаб его был таков, что заставляет говорить о двух разных Византиях – «Византии ранней» и «Византии поздней». Возрожденное в 10-м веке византийское искусство перестает быть искусством больших (архитектурных) форм и целиком фокусирует свой творческий потенциал на малых формах: иконах, фресках и мозаиках. (Правда, по мере того как меньше строят богатых церквей, и мозаик становится все меньше – теперь церкви расписывают фресками.) С одной стороны, такой сдвиг вроде бы имеет понятные экономические причины – постройка грандиозных храмов теперь Византии не по силам. Но дело тут, конечно же, не в деградации жизни Византии. Наоборот, художественный уровень нового византийского искусства свидетельствует не о деградации, а об очевидном подъеме и даже расцвете.

Из путевых заметок. Интерьеры ранних и поздних византийских церквей отличаются друг от друга разительно. Если в ранних церквях самым важным было пространство, то позднее главным становится не пространство, а фреска. Архитектура поздней Византии по сравнению с шедеврами 6-го века маловыразительна. Даже в довольно крупных храмах, вроде константинопольской церкви Спасителя в Хоре (Chora), пространство не самоценно – оно «обслуживает» главное в церкви. А главное в Хора, как и в монастыре Блаженного Луки, мозаики: прожектора, бьющие Светом прямо в душу, «искусство глаз». Поэтому-то в церквях поздней Византии

пространство и не уносит Ввысь, а давит. И оно должно давить. Прожигающим душу фрескам этих церквей нужно именно такое, давящее пространство. Маленькая комнатуха, иногда повернуться негде, в которой ты окружен со всех сторон горящими глазами Святых. Самую яркую такую «персональную церквушку» я видел в греческой Метевре, в монастыре Святого Николая (Agios Nikolaos Anapafsas). Не сильно уступает ей и крохотная пещерка-церковь в монастыре Святого Неофитоса на Кипре.

Две Византии очень заметны во влиянии византийской архитектуры и иконописи на итальянское искусство. Века до 13-го это влияние оставалось сильным. Но самое интересное – в том, что это было не одно, а два разных влияния. Византийские мотивы в итальянской архитектуре (например, собор в Анконе) продолжают традицию ранней Византии. Но совсем иного рода – влияние византийской иконописи на итальянскую живопись. Здесь уже новая, поздняя Византия открывает перед итальянцами направление, которое через двести – триста лет приведет их к взлету живописи Возрождения. И хотя на первый взгляд главный мотив Возрождения едва ли не антивизантийский: очеловечивание Бога против византийского обожения человека, – византийское стремление «писать душу» стало общим для всех итальянских художников.

Всмотревшись, понимаешь, что разных Византий было не две, а больше. Все они говорили по-гречески, у всех столицей оставался Константинополь, и все они называли себя «Романией» («страна румов»). Но при всем при этом каждая из них жила своей жизнью, непохожей на жизнь других Византий. (Не стоит и говорить, конечно, какие разные роли – от огромных до ничтожных – играли разные Византии в мире.) История Византии – как многосерийный фильм. Длина каждой серии – 200–300 лет. Первая серия, или пролог, – это довизантийская, доконстантиновская Римская империя 1–3-го веков, которую продолжит Византия. Вторая серия – Византия Феодосия и Юстиниана, христианизированная Римская империя 4–6-го веков, о которой пишет Прокопий. (Правда, название

«Византия» относят только к востоку Римской империи, хотя в 6-м веке этот восток включал и «латинские» Карфаген, Рим и даже часть Испании.) Третья серия – почти исчезнувшая в халифате Византия 7–9-го веков. Четвертая – Византия «македонской династии», 10–11-й века. Пятая – Византия Комнинов (12-й век). И шестая – последняя Византия, Византия Палеологов, 13-й и 14-й века.

Вот такой «византийский сериал». Но самое интересное, – его «съемки» не закончены. Все дело в том, что цветок, ставший средоточием жизни поздней Византии, продолжал расти и когда Византии-государства уже не стало. Продолжает он расти и сегодня. Но «расти» не значит «распуститься и зацвести» – и для византийцев 10-го века, и для византийцев и русских 14-го века, и для нас, русских 21-го века, новое византийское христианство и было, и остается не просто новым, а будущим.

Личное (почти). Византия сыграла огромную роль в становлении России. Но дорожат Византией русские не столько из-за «сыновних чувств», сколько потому, что остро чувствуют – главное величие Византии не в прошлом, в ее истории и ее роли в нашей истории, а в будущем, в «грядущей Византии».

Из главы 25. Двуликость Европы

Европа в мире. «Венец творения» или «равный среди равных»

... «Венец творения» и в самом деле венец. Но, «венчая» менее высокие культуры, он образует вместе с ними линию исторического восхождения, и эта линия не завершена. Поэтому «венец» обречен. Подобно тому как Центр-IV был создан из Центра-III, из Центра-IV (становящегося сейчас уже миром-IV) будет сделан новый мир, мир-V.

Главное европейское достижение

Чем европейская культура выше других? Прежде всего тем, что сами европейцы выше всех других героев истории. Европа создала нового человека, человека-IV. И как раз для того, чтобы увидеть, что человек-IV выше человека-III (не говоря уж о людях-II и людях-I), никакой особой зоркости не нужно: Ньютон выше Бируни, Гегель – Аверроэса, Наполеон – Саладина, а Робинзон или Гулливер – Синдбада-морехода. Что же касается главных литературных героев мира-IV – Гамлета и Фауста, то их в Центре-III просто не с кем сравнить.

Говоря вообще, мы выше людей-III более тонкой душевной организацией. Например, тоньше наши чувства. Для человека-IV любовь перестает быть только желанием обладания, дружба – только самопожертвованием, ненависть – только стремлением уничтожить. У чувств-IV появляются многочисленные оттенки – как бы дополнительные измерения. Возвышенная любовь, романтическая любовь – ничего этого у людей-II и людей-III не было. Любовь Данте к Беатриче совершенно невысказана для человека-III. Даже ревность не как желание устранить соперника, а как сплав любви и ненависти появляется только в это время. «Отелло» не мог быть написан ни Софоклом, ни Хайямом.

Исследователи и искатели, завоеватели и миссионеры, странники и просто странные люди, съедаемые сомнениями и разъедаемые двойственностью. Аналитики, анализирующие все, что «под руку попадет», и даже самих себя. Самоуверенные и самовлюбленные индивидуалисты, окруженные, как

скафандром, своим микромиром «Мое». Это главная ценность мира-IV – отдельный, индивидуальный человек и то, что он считает для себя благом: комфорт, свобода (в пределах разумного), равенство (в чем-то), уверенность в завтрашнем дне (насколько это возможно) и так далее. А еще люди-IV – это деловые, расчетливые прагматики, обеспокоенные прежде всего сохранением и наращиванием «Мое». Но они способны умиляться и восхищаться. Следовать долгу и стыдиться. Изредка сопереживать и ставить себя на место другого (впрочем, эти способности, как и самоанализ, пожалуй, все-таки черты будущего человека-V, для человека-IV это уже потолок). И наконец, люди-IV – это ученые, которые много знают о неживой природе, например что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, а молекулы состоят из атомов. И не просто много знают, но и активно стараются узнать все больше, с тем чтобы эти новые знания немедленно запустить в работу по дальнейшему благоустройству мира. А еще человек-IV – атеист, не верящий в Бога.

Вместе с ростом сложности наших душ росла их внутренняя противоречивость. Мучения и метания литературных героев создали совершенно новый жанр – драму. Начинался он, правда, в классических одеждах, но «трагедии» Корнелия или Расина имели общего с трагедиями Эсхила или Еврипида еще меньше, чем «Давид» Микеланджело с Венерой Милосской. Если у греков судьба играла целостным человеком, то в классицизме человека раздирали противоречивые устремления: разные мотивы влекли героя в разные стороны, а «трагедия» разрешала спор внутренних персонажей. По сути эти «трагедии» были первыми европейскими драмами. Яснее всего это видно у Шекспира. Гамлетовское «быть или не быть» стало символом культуры-IV.

Тот же полифонизм присутствует не только в драме, но и во всем европейском искусстве. Наверное, впервые это заметил Выготский. Несколько линий в одном произведении – не важно, романе, картине или симфонии, – развиваются то независимо, то переключаясь, то борясь между собой и в итоге становятся одним – художественным произведением. Художник двумя руками, десятью пальцами играет на нашей душе, томя нас переключкой разных струн и готовя очистительный взрыв в

финале. И вот наконец он звучит, высвобождая спрятанные в глубине души чувства и омывая сердце слезами.

Расширенное сознание – это наше главное отличие от людей-III. Именно в этом смысле душа-IV больше души-III (точно так же, как душа-III больше души-II, а душа-II больше души-I в том же самом смысле). Ему мы и обязаны всеми своими успехами, включая и полифоничное искусство, и агрессивное познание-покорение мира.

.....

Из главы 26. Католическая Вспышка

Созидательный Взрыв

Когда знакомишься с историей Европы не по книгам, а «по вещам», это поражает: как будто ничего нет – до нашего времени из последних веков конца первого тысячелетия в Европе сохранилось несколько церквей и несколько кусочков церквей. И вдруг... взрыв. Начинается грандиозное строительство. Повсюду: во Франции, Испании, Германии, Англии и даже в Италии – растет множество церквей, от огромных до крохотных.

.....

Но дело, конечно, не только в количестве – сама архитектура ранних европейских церквей кричит и как бы куда-то рвется. И внутреннее пространство, и декор – скульптуры и фрески – переполнены все той же особой энергией, силой юной Европы. Кажущаяся нарочитой наивность фресок Святого Климента из Taull не исключение; «наивны» скульптуры и фрески во многих церквях. Но эта «наивность» только усиливает напряжение той атмосферы, в которую попадаешь, переступив порог церкви, а иногда, как, например, в Conques или Moissac, еще и не переступив, а только оказавшись перед входом.

Из главы 27. Деяния Католической Вспышки

Новое христианство

Первым, в чем проявила себя душа нового действующего лица Истории, было новое христианство. Разгоревшийся в душах крестоносцев, пилигримов, богословов, архитекторов, простых каменщиков и всех остальных героев ранней Европы Свет Католической Вспышки делал их другими, не такими, какими были их прадеды, – новыми христианами.

В католицизме по сравнению с первохристианством новым было все – от нового способа думать о Боге до нового обустройства церковной жизни. (Из-за того что новому христианству были нужны новые церковные дома, и развернулось грандиозное готическое строительство.) Но самым главным из всего этого, что и определяло новизну всего остального, было новое Мирочувствование. Вспышка, которая насытила Светом воздух ранней Европы, в каждой отдельной душе на темном фоне повседневного убожества мерцала особым чувством присутствия Высшей силы. С этого смутного, неясного, но очень высокого религиозного чувства и началось европейское христианство.

Главным в новом Мирочувствовании было то, что оно отвергало понятного и близкого Бога. Если люди-III чувствуют Бога в себе и даже вообще не отделяют «я» от Бога, то католики почувствовали Бога не *в* себе, а *за* миром – не бесконечно близко, а бесконечно далеко: между «я» и Богом в этом чувстве зияла пропасть, и поэтому Бог для католиков был хотя и очевиден, но недостижим и непостижим.

Католическое чувство Бога невыразимо словами. Поэтому и не могло быть написано «католическое Евангелие» – европейский слой свитка Книги. Когда утромходишь в готическую (или «предготическую», романскую) церковь, из окон в алтарной части (она смотрит, естественно, на восток) бьет солнечный свет, преобразенный стеклами витражей. Вот этот свет и есть отпечаток готического чувства *за-предельного*, как сейчас сказали бы, «трансцендентного», все-превосходящего Бога.

Только архитектура, оперирующая большими

пространствами и соединяющая несколько больших пространств в одно огромное и сложно организованное, смогла выразить католическое чувство Бога. Более «мелким» искусствам это было не по силам – ни скульптура, ни иконопись сделать этого не могли.

Католики заимствовали византийский стиль иконописи (другого стиля в иконописи не было), но византийские иконы их не устраивали – они не выражали их Богочувствования. Результатом попыток приспособить византийскую иконопись к католическому Богочувствованию стали фрески романских церквей и ранние итальянские иконы. Но своей, католической иконописи европейцы так и не создали, она так и осталась незавершенной – чуть ли не нарочито наивной и не очень-то совершенной «технически». И понятно почему. И итальянские иконы, и французские фрески, и особенно каталонские фрески перенасыщены такой энергией, что она не может уместиться «на полотне» – никакие живописные формы не могут ее «схватить». И не только живопись – мелкая пластика (скульптура) тоже не могла передать юное католическое чувство. Но мало того, что это чувство не умещалось ни на плоскости, ни в ограниченном пространстве, – оно вообще не умещалось в образ человека. Никакой человек, даже гигантский – Иисус, не мог вместить в себя католического Бога.

Из путевых заметок. В «предготических», романских фресках и скульптурах, например в евангельских сценах на капителях в St-Nectaire или в скульптурных группах над порталами церквей в Conques и Moissac, глаза Иисуса горят неукротимым огнем. Иисус здесь Божественный посланец, Вождь людей, зовущий к действию. Свет этих глаз будоражит душу и не позволяет бездействовать, не позволяет просто присутствовать. Но все же это не глаза Бога.

Иисус не Бог, Бог – Выше. Этот урок Корана европейцы восприняли нутром. И понятно: ведь он соответствовал их собственной старой вере – арианству. Хотя в догматике католицизма для «ереси безбожного, богопротивного, мерзкого Ария» места и не осталось, она продолжалась на гораздо более глубинном уровне – в Мирочувствовании. Католики не чувствуют Божественности Иисуса, не чувствуют его Христом.

Поэтому и Воскресение понятно им мало, а Пасха для них менее значима, чем Рождество. На православных иконах Спас настолько высок, что не позволяет даже задумываться о Боге, который выше Его. Но и православный «Христос в Славе», и «Пантократор» католикам чужие. Католики так Иисуса не писали никогда. Вождь мира ранних католических фресок и скульптурных групп – это совсем другое.

Отсюда и берет начало та линия десаκραлизации Иисуса, которая тянется через всю историю европейского искусства.

Из путевых заметок. Отсвет Божественности на самых первых, часто наивных «портретах» Иисуса-Вождя первых веков католицизма исчезает быстро – европейские художники пишут Иисуса чем дальше, тем все менее Богом и все более человеком. Родоначальником этого движения (и вполне заслуженно) считается Джотто. Его фрески в Падуе просто манифест десаκραлизации. Иисус на них – удивительный человек, порой с бездонно-глубокими глазами, но он – человек. А после Джотто процесс «развенчания» божественности Иисуса стал просто набирать обороты, достигнув кульминации в двух самых знаменитых фресках Европы – «Тайной вечере» Леонардо и микеланджеловском «Страшном суде» в Сикстинской капелле Ватикана. Но и Микеланджело, и Леонардо были слишком великими, чтобы изобразить Иисуса просто человеком. Они оба пытаются разгадать Загадку. (У Микеланджело эти попытки – метания между Богоискательством и Богоборчеством – задали вообще всю фабулу его творческой судьбы, придав ей особый драматизм.) А художники меньшего масштаба уже писали Иисуса без тени Божественного, изображая его то страдальцем, то просто странным, «не от мира сего» человеком. (Впрочем, это было уже в те времена, когда художники не боялись изображать и Бога Отца, причем уже без всякого символизма – просто как старика с бородой, а Духа Святого рисовали в виде голубя, и тоже не символического, а самого обычного, с городских площадей.)

Конечно, из этой общей тенденции были выбросы. Великие художники Европы вплоть до Гойи не переставали стремиться к разгадке Тайны. Дюрер, Босх, Питер Брейгель Старший, временами Рембрандт, а прежде всего, конечно, Эль Греко – это неполный перечень. Но, во-первых, не они определяли общую тенденцию. А во-вторых, даже среди великих работ, если не считать Эль Греко (хотя он-то как раз почти не католик), кроме изумительного мраморного распятия Челлини из испанского Эскориала с совершенно живым Иисусом, попирающим смерть, я не могу припомнить даже попыток изобразить Иисуса Богом.

Вот такое христианство – высокое, огненное, но... без Христа. Таким оно остается и сегодня.

Из путевых заметок. «Сегодня» – в буквальном смысле. Я пишу эти строки 25 декабря, в католическое Рождество. Праздник большой. Подготовка к нему велась долго, особенно в магазинах – чуть ли не три месяца они были заставлены всякой рождественской атрибутикой: елками, игрушками, индейками, пудингами, и повсюду – Санта-Клаусы. Вот кто главный герой этого праздника. Попадают, правда, и игрушечные ясли, и рождественские звезды. Есть и ангелы. Но ничего более серьезного. Да и какой уж тут «серьез» – ведь праздник же.

Но «христианство без Христа» – это хотя и хлестко, но – «перехлест». Конечно, Иисус Христос занимает в католицизме едва ли не центральное место. Но чтобы понять, *что* это за место, нужно «препарировать» католическое мироощущение и католическое чувство Бога.

Анатомия католического Богочувствования: Зов, Приказ, Обещание

Бесконечно далекий, недостижимый и непостижимый Бог католиков был, тем не менее, очевиден – явен и несомненен. Католики ясно слышали Его голос. И не только слышали голос, но и разбирали слова. Конечно, не все, но достаточно, чтобы понять, что Бог зовет их к себе. А еще – посылает их работать. И еще – обещает награду за труды. Вот эти Зов, Приказ и Обещание и отпечатались в душах католиков архетипом Европы.

Стремление к бесконечно далекому Богу задало фабулу всей европейской жизни. Европейцы не могли просто погрузиться в снизошедшую на них Благодать. Благодать будоражила и звала к Себе. Стремление к Богу входило в ядро их архетипа: *самой* своей психической конституцией они были обречены не прекращать стремиться к Нему. А стремиться к такому Богу значило все время устремлять себя за *пределы* Мира. Это слово – «предел» – центральное для понимания идеи католического Света. Дойти до сути, до предела и за предел – в этом европейское движение. И здесь Зов и Приказ сливались в одно. Свет приказывал юным католикам то, что Он приказывает всем и всегда: *о-Божить* мир – наполнить мир Божьей волей, устроить его по Божественному плану, из естественного и потому несовершенного, незавершенного «полуфабриката» сделать – или, точнее, доделать – прекрасный Божий мир. *Да будет воля Твоя и на земле*. Чтобы исполнить этот Приказ, нужно было превратить невыразимое чувство Бога в слова и дела. Тайну, которую они чувствовали, нужно было раскрыть: понять, назвать, объяснить. Смутное чувство Чего-то огромного и непонятного было для европейцев нетерпимо – непонятный, невыразимый Бог требовал разгадки. Уже с самого начала и тем более позже невыразимое не могло существовать в европейской

культуре. Но это и означало «дойти до сути», до сути Того, что больше мира и дальше любых пределов. Так начиналась игра в «А ну-ка, отними!». Радуга все время манила европейцев к себе, но, как бы быстро они к ней ни бежали, она, конечно же, оставалась такой же далекой.

Но это сегодня так легко написать «о-Божить мир!» – через тысячу лет, «стоя на плечах» всех тех, кто исполнял этот Приказ. А в начале Европы люди веками пытались разобрать слова Приказа, принимаясь то за одно, то за другое и часто делая не то, что им было приказано, а прямо противоположное. Но, несмотря на все эти ошибки, они не переставали чувствовать себя работниками Бога. Приказы **служить** Богу – то, что католики особенно ясно слышат в евангелиях. *Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой или Раб... который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много.* Такое Богочувствование делает католиков «рабами божьими», а тех, кому быть рабом претило, – «слугами божьими». Но не сынами.

Но Зов-Приказ – это был позитивный, активный момент европейского мирочувствования. Так сказать, «пряник». А был и «кнут» – страх.

...Мир враждебен. Нужно защищаться. А защиты нет. Враждебность мира усиливал присущий европейской психической конституции мистицизм – обостренная чувствительность к нижнему астралу. Легионы невидимых, но вполне реальных и отнюдь не доброжелательных существ кишели вокруг. Такой наполненный нечистью мир – это не что иное, как ад. Данте неслучайно так красочно и жизненно живописует его. Им даже умирать было не нужно, чтобы там оказаться. Поэтому громче другого в евангелиях для них звучали не только приказы работать для Бога, но и *Избавь нас от лукавого, и Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне.* В таком мире необходимо иметь убежище или Защитника – Того, Кто сильнее страшного мира и Кто может тебя спасти. Так католицизм превратился в религию Спасения, а Обещание, которым Свет звучал в их душах, – в обещание Спасения.

Главное препятствие к Спасению – грех, и европейцы объявили войну греху. В этой войне они были готовы на все – даже на костер. Убить грешника – значит спасти его. Инквизиторы воспринимали свою работу именно так. Правда, они были настолько альтруистичны, что возлюбили ближних больше, чем себя, – себя они так не спасали. Но и в разного рода самоистязаниях история католицизма тоже не знает недостатка.

Но главным изобретением католиков в борьбе с грехом стало не убийство грешника, а покупка Спасения. Послушание приказу Бога вознаграждается Спасением, а непослушание наказывается. Это еще один лик католицизма. Другими словами, труд спасает. Труд – плата за отпущение грехов. Спасение нужно заработать.

Своими корнями идея «Труд делает свободным» укреплена в европейском мировоззрении очень глубоко. Неслучайно близкая идея «Труд делает счастливым» стала лейтмотивом многих немецких сказок.

Отсюда был только шаг до мысли о возможности покупке Спасения за деньги. Ведь деньги – это своего рода эквивалент труда, и, значит, плата деньгами эквивалентна плате трудом. Так появились индульгенции, сделавшие практику католицизма легкоуязвимым объектом критики и насмешек.

И естественно, центральное место в религии Спасения занимает Спаситель, то есть Иисус Христос. Иисус Христос – наш Спаситель и поэтому главное лицо в нашей религии. Таким католики видят Иисуса Христа, и так они верят в Иисуса Христа. Плата за Спасение, жертва, жертвенный агнец – только в этом ракурсе католикам понятна сакральность Иисуса. Вот почему католическая Пасха – не столько праздник триумфа, сколько своего рода поминки, памятование жертвоприношения – того важнейшего события, которое если и не обеспечило, то, во всяком случае, создало предпосылки для Спасения.

Из путевых заметок. Жертвы и жертвенность для католиков очень важны. Это во весь голос звучит и в «Сикстинской Мадонне» Рафаэля, и – только немного более приглушенно – в «Гайной вечере» и «Благовещении» Леонардо. И неудивительно, что в европейском искусстве не Преображение и не Крещение, а именно Распятие становится едва ли не самым распространенным евангельским сюжетом.

Поэтому так часто обращаются европейские художники и к еще одной,

уже совсем чужой для православных теме – жертвоприношению Авраама. Даже уже в наше, атеистическое время, когда католическая метакультура вступила в фазу «конец», именно с этого сюжета прощающийся с католицизмом Кьеркегор начинает свой «Страх и трепет».

Спасение покупается. Это определило и место любви в католическом мире. Оно совершенно другое, чем у православных. Православное Богочувствование все напитано любовью к Богу, и любовь к Богу для православных даже не залог Спасения, а само Спасение. Если я с Богом, если я прилеплюсь к Богу любовью, то я уже тем самым спасен. И любовь к ближнему (а для самых высоких – и любовь к врагам) – это православное средство о-Божения мира. Любя мир, я единяю его (и себя) с Богом. Любовь – это как бы Божий эликсир, который делает Божьим все, на что он попадает. У католиков все иначе. Они гораздо меньше слышат и *Возлюби Господа Бога твоего... сия есть первая наибольшая заповедь, и Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (не говоря уж про *Любите врагов ваших*). Любовь к Богу влечет их на Зов, но непосредственной, православной связи с Богом они не чувствуют. Но зато в католическом мире у любви есть иная, неизвестная православным функция. Любовь – это «приправа к жертве», условие, делающее жертвоприношение возможным. За Спасение человек расплачивается с Богом жертвой: жертвует Богу свои силы, время, наконец, деньги и взамен получает Спасение. Но жертва без любви к тому, чем жертвуешь, – будь это труд или просто деньги – невозможна. Жертва нелюбимым – это не жертва. Пятикнижие требует готовить хлебное жертвоприношение, смешивая хлеб с елеем (Левит 2). Любовь для католиков – такой же елей, без которого жертва для жертвоприношения непригодна. Правда... там же есть одно немаловажное уточнение – искупительные жертвы, жертвы во искупление грехов елеем не смазывают (Левит 5, 11).

Из главы 42. Соборное православие-1. Собор

Россия-III

...Различия между Россией-III и Россией-II видны в множестве «мелочей»... Но над всеми этими «мелочами» высится главное. Россия стала *по-настоящему* религиозной. Главным в России стал Бог, и вся русская жизнь сосредоточилась на Боге. Как и во всех культурах-III.

Из путевых заметок. Грань между Россией-II и Россией-III легко ощутить, если сравнить «русский Парфенон» – церковь Покрова на Нерли – с другой жемчужиной русской архитектуры, другой церковью Покрова, «русской Софией» – Покровским собором в Москве, храмом Василия Блаженного. Только намеченная приподнятость Покрова на Нерли в храме Василия Блаженного выражена ярко и бескомпромиссно – взлетающей стрелой центрального купола. И здесь же типичная для архитектуры-III соединенность главного мотива с орнаментом – все разноузорье, разновысокость и разноцветность куполов создают удивительный орнамент – оркеструют главный архитектурный мотив – «к Богу!». Экстерьерность русской архитектуры сохраняется, но главный архитектурный силуэт как бы вытягивается вверх, Вверх.

С каким почтением общество относилось к отказу от мира для Бога, показывает культ юродивых. Самый знаменитый русский собор посвящен празднику в память о видении одного юродивого (юродивым был святой Андрей, который увидел Богоматерь в Константинополе) и назван в честь другого, московского юродивого – блаженного Василия.

И естественно, так же как это происходило в халифате или в папистской Европе, росло значение русской церкви и в государстве, и в обществе. Среди лидеров ранней Московии не только гиганты Сергей Радонежский и Нил Сорский, но и «просто высокие» Иосиф Волоцкий или Кирилл Белозерский затмевают самых знаменитых светских русских-III, таких, как Иван Калита или Дмитрий Донской.

.....

Соборное православие

...Рос новый русский цветок, и над его лепестками струилась новая аура нового русского свечения. Этим цветком, лучащимся чарующим глаз светом, было новое русское православие. Даже внешне оно не очень похоже на православие России-II. Но мало того – русское православие-III вообще уникально в истории христианства: среди самых разных христианств, появившихся за последние две тысячи лет, ему нет аналога.

Уникальным русское православие-III делает особый характер веры в Бога: русские-III верили в Бога МИРОМ. Религия как бы собирала их, объединяла и, объединяя, уносила Наверх. Это было соборное православие – религия не одиночек, а *общества*, основанная на общей, разделяемой с другими людьми вере в Бога, которая горячее, чем вера одиночек.

Соборному православию присущи все черты, общие для зрелых религий-III, такие, как, например, интерес к теории (богословию). Но не это главное. А главное в нем – уникальное русское богочувствование, которое, хотя и просматривается уже во времена Феодосия Печерского, только сейчас, в России-III, зазвучало в полный голос.

«МИРОМ Господу помолимся» – этот чисто русский аспект христианства ярче всего выражен в церковном искусстве. Вот самая знаменитая русская икона – рублевская «Троица». Посмотрим на изображения Троицы в картинах европейцев. Конечно, эти изображения – поздние, ренессансные (религиозное чувство молодых католиков удерживало их от нарушения запрета изображать Бога, и Троицу они не писали никак), но что изображают художники? Старик, юноша, голубь. Все очень просто, не мудрствуя (да что там – совсем не мудрствуя). А что пишет Рублев? Нечто совершенно другое, никак не связанное с западным пониманием Троицы. Сюжет из 18-й главы Книги Бытия, когда Авраам принимает трех посетивших его мужей, угощает их, а затем и провожает и даже спорит с Богом о том, допустимо ли губить нечестивый город, в котором живут праведники. Этот сюжет (во всем православном мире его называют «Гостеприимство Авраама») нередко встречается в росписях византийских церквей. Но почти всегда в сцене присутствуют не только три мужа, но и хозяева –

Авраам и Сарра. У Рублева хозяев нет. Но важно не это. Где здесь Троица? Где Бог Отец? Или – Бог Сын? И при чем здесь вообще боги? Три человека едят. Ни глаза, ни пластика ни одного из них не поражают ни мощью, ни мудростью, ни духовным светом. И тем не менее Троица у Рублева есть. Она несомненна. В чем тут дело? А дело в том, что вместе, втроем рублевские персонажи создают что-то совершенно новое – Троицу. Конечно, не в богословско-христианском и вообще почти не в религиозном смысле. В смысле русском: три становятся одним, большим, чем каждый из них. Это то самое превращение, которое в России происходит повсеместно и ежеминутно: трое (или двое, или пятеро) начинают общаться и из отдельных себя делают «себя коллективного», нечто большее, чем каждый из тройки (пары, пятерки) по отдельности.

И все же угаданный Рублевым смысл Троицы только почти нерелигиозный, потому что само такое движение к общему – это движение по направлению к Богу. Так было услышано русскими *Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я вместе с ними.*

Очень показательно, что или под воздействием рублевского шедевра, но, скорее всего, просто находясь в том же духовном потоке, который вдохновлял Андрея Рублева, такой православный и правоверный человек, как Иосиф Волоцкий – чуть ли не первый из известных нам русских богословов, богослов, который находился целиком внутри традиции и совсем не был склонен к новаторству, – пишет целый трактат, доказывающий, что трое посетителей Авраама – это и есть христианская Троица. И по-своему, по-русски и Иосиф Волоцкий, и Андрей Рублев правы, хотя такого понимания Троицы нет больше нигде.

То же самое мы видим и в церковной архитектуре. Византийские церкви чаще всего однокупольны. В многокупольных церквях либо есть главный купол, который доминирует над другими, либо, наоборот, все купола «равны» – например, три одинаковых купола вытянуты в линию. В России с очень раннего времени утвердилась пятиглавая форма – куб, венчаемый четырьмя главами (сначала «шлемами», позднее «луковицами») поменьше и в середине одной большой.

Конечно, это никакие не «луковицы». Это свечи: большая свеча появляется из малых, и пламя пяти свечей-глав-куполов сливается в один общий костер. Высшим выражением этой идеи стала золотая свеча-стрела, которая возносится в Небо из восьми очень разных свеч Василия Блаженного.

Это же богочувствование проявилось и в особом характере «увлечения» русских религиозных деятелей делами государства и церкви. Общественное служение, впервые в русской истории видное в деятельности Феодосия, становится едва ли не главным делом в жизни всего монашества. *Общие* дела для русского монашества важнее, чем личное спасение, и важнее, чем отвлеченные богословские вопросы. Монахи делаются *общественными* деятелями. Даже такой отшельник, как Нил Сорский. Главным в этом уходе монахов «в мир» была не борьба за власть (и Сергей Радонежский, и Нил Сорский ясно понимали личную опасность этой пагубы и как могли бежали ее), а совсем иное – единение с братьями в общении и общем служении выталкивало русских подвижников высоко Вверх. Отдавая себя общественному служению, они не рассеивали энергию внутренней работы, а концентрировали и, более того, многократно усиливали ее за счет присоединения к коллективному «энергетическому источнику». Эта тропинка к Богу была альтернативой веками проверенному пути отшельничества. (Впрочем, основной разговор о преимуществах «общего» пути пойдет у нас немного позже.)

Свет в душе – общение: «мы», «я», МЫ

Соборное богочувствование, несмотря на всю громадность этого явления, лишь одно из проявлений еще большего, самого большого подарка Света русским-III – способа подниматься вверх *вместе*. Когда разбиравший «аз» и «буки» школьник превратился в подростка, главное для которого – друзья, он открыл, что компания делает его лучше: плохие дела в компании кажутся не такими плохими, зато хорошие становятся еще лучше. А отсюда было только полшага до открытия хода наверх: если с друзьями я лучше, чем один, то мне нужно быть с друзьями. Конечно, никто и никогда не проговаривал этого явно. И более того, мало кто вообще отдавал себе в этом отчет.

Но бессознательно это открытие совершали все русские люди. И, совершив его, приходили к специфичному именно для России, русскому способу жить – к «жизни в связке».

Алхимия – общая для всех культур-III доминанта в освоении мира. И Россия-III тоже создала свою алхимию. (Без кавычек – хотя в России *это* никто алхимией не считает, *это* и есть настоящая алхимия, русская алхимия.) Если каждый мусульманин ставил алхимические опыты пять раз в день, то каждый русский занимался и занимается алхимией просто с утра до вечера.

Когда живешь в России, этого «подъемного крана» просто не замечаешь. Потому что вся ткань русской жизни, как золотыми нитями, прошита общением. Не важно – у простонародья или у элиты – формы общения меняются, но важность его места в жизни сохраняется. Партсобрания и пятиминутки. Посиделки на завалинке в деревне, на скамейке у подъезда в городе, интеллигентские посиделки «на кухне». Душевыворачивающие разговоры «по душам». Застолья и выпивки: в одиночку в России не пьют – пьют, чтобы общаться. Песни у костра, когда костер и песня становятся одним, и просто совместное смотрение в огонь. Туристические походы и всевозможные «тусовки». Даже партийные и прочие собрания наших родителей. А театр, а кино... Это чистое общение. А очереди за билетами... Да и любые очереди вообще. Даже очереди.

Способность общаться настолько сугубо русская (слово «общение» вообще непереводаемо на другие языки), что русские этого даже не представляют. То, что для русских естественно, для иностранцев немислимо. Заметней всего это при «общении» с эмигрантами. Их русскость сохраняется, но, конечно, слабеет, и поэтому общаются они уже не так. То есть вроде бы и все как раньше в Москве (в Ленинграде, в Киеве, в Одессе). Но что-то не так. Это с одной стороны. А с другой – им постоянно не хватает общения. Пусть даже в России они и жили почти уединенно. И многие ездят в Россию только за тем, чтобы пообщаться. И поэтому там, где эмигрантов много, они стремятся возродить «советские» формы общения: турпоходы, слеты, КВН, КСП... Но получается это ущербно. «Что-то главное» пропадает.

.....

Но общения нет не только на Западе, но и на Востоке. Группа японских туристов (их много в том месте, где я пишу эти строки) – это единый организм, функционирующий без тех шероховатостей, которые присущи русским группам: никто не опаздывает, никто никого не ждет, никто не выделяется из группы. Но в этом-то все дело! Русские группы сложены из «я», и рождающееся в общении МЫ преодолевает «я» и поднимается над «я». А на Востоке преодолевать нечего, и потому нет «материала» для строительства коллектива.

.....

...Сформировала совершенно особое самосознание русских. Это самосознание определило в русской жизни очень многое. Так, оно создало уникальное русское соборное православие. А еще оно превратило присущую русской жизни изначально общинность в коллективизм.

Этот синтез Центра и Востока в самых основах устройства души и стал психологическим фундаментом знаменитой русской «евразийности». Все ее внешние проявления, вроде устройства во время праздников на трибунах стадионов или на площадях мозаик из людей, в которых каждый из тысяч участников держит небольшой щит – свою точку в общем рисунке (такие мозаики можно увидеть только на Востоке и в России), основаны на сходстве Восточной и русской душ.

Но «сходство» не значит «тождество». И если на Востоке «я» просто мирно вырастает из «мы», то в русской душе все происходит иначе: много отдельных душ превращаются в одну *коллективную, общую* душу, которая выше отдельных. Коллектив – это не просто группа. Толпа, род или племя тоже группы. Но в этих группах «мы» заменяет собой еще не пробудившееся «я». Человек в них (например, ребенок в семье) чувствует себя частью группы, но не чувствует себя «собой». А коллектив невозможен без «я» – он вырастает из многих «я» и *над* многими «я». Он не «до-индивидуален», а «над-индивидуален». Общение преодолевает индивидуальность (эгоизм, или, во всяком случае, эгоцентризм) и создает единое *коллективное* существо. Из нескольких отдельных «я» рождается уже не «мы», а МЫ. Это существо – общее МЫ – живет в более высоких пластах психосферы по сравнению с теми, где обитают отдельные души составляющих МЫ людей. Заметить эту разность нетрудно – коллективные чувства гораздо ярче среднего уровня, на котором протекает обычная жизнь.

Если чувство «мы» обеспечивает только психологическую защиту, так же как общинная жизнь защищает от материальных угроз: человеку, у которого нет уязвимо для угроз «я», нечего бояться (оттого «на миру и смерть красна»), то в чувстве МЫ главное – что оно поднимает Вверх, «приближает к Богу». Точно так же, как коллектив усиливает энтузиазм – коллективу энтузиастов гораздо легче делать трудную работу, чем составляющим его энтузиастам, если бы они работали по отдельности, – коллектив усиливает и религиозное чувство. Массовые богослужения благодаря взаимному эмоциональному индуцированию (заражению) молящихся увеличивают напряженность их чувства. Индусы давно знают об этом и поэтому специально предписывают вступившим на религиозный Путь общество искренне верующих. В соборном православии этот «эффект группы» еще более усилен тем, что молящиеся в церкви чувствуют себя одним МЫ.

Это-то и стало русской алхимией, русским способом превращать грубое в тонкое, низкое в высокое: грубое «я» – в гораздо более тонкое МЫ. Опираясь на этот посох, мы и пошли дальше Вверх.

Из главы 43. Соборное православие-2. Православие

Нить Навны – живое православие и живое в православии

Соборное православие уже много веков, как закончилось. Конечно, сохраняются его следы в народной душе, но как живого явления народной жизни его уже давно нет. Любая культурная форма преходяща, и соборное православие не было исключением. Но, хотя само соборное православие закончилось, сохраняется его душа – то, что оживляло его и что оживляет православие сегодняшнее, – тонкая нить, которая тянется от культурной формы конкретного христианства к Христианству Истинному.

Православие кажется неподвижным. Застывшие формы церковной культуры, некоторые из которых сохраняются чуть ли не полторы тысячи лет, превращают его в своего рода «музей первохристианства». Одни и те же слова, одни и те же обряды, даже костюмы священнослужителей одни и те же. Вся эта лишенная жизни атрибутика безнадежно устарела и не может не раздражать современного богоискателя. Так думают многие. Так думал и я. Да и сейчас я не до конца избавился от негодования по поводу «мертвечины в православии». И это несмотря на понимание, что в окаменевших церковных формах, как в хрустальном гробу, покоится Истина Православия, которая только и ждет, чтобы рыцарь Веры раскрыл гроб и припал к Ней жадными губами.

В том-то и дело, что вся эта неподвижность, вся эта «мертвечина» только внешность. Слова-то одни и те же, но души православных людей разные, и в этих разных душах бушуют разные мысли. «Просто верить» совсем непросто. Для этого нужно преодолеть сомнения. А они в каждом веке свои. И вопросы, которые ставил перед православными (как и перед католиками, мусульманами, буддистами) 20-й век, не те же самые, которые ставил 15-й век. Так что за внешней неподвижностью всю историю в православии кипят бурные процессы. Идет борьба. С одной стороны, в ней участвуют «мнения века». А с другой – Свет Истинного Христианства. В борьбе Света с нашими поверхностными мнениями рождается

мудрость – «двуслойные мнения», за внешней поверхностью которых есть хотя и невысказанное, но безусловное знание о Реальном Мире. Но это Знание погружено в культурные формы, соразмерные росту тех людей, над душами которых трудится Свет. Так Свет формировал в русской душе разные православия – разные геологические наслоения, образующие земную кору нашей души. Мы видим три таких пласта: «март», «июль» и «ноябрь» – православие России-II, православие России-III и православие России-IV.

Но все эти в общем-то очень разные православия едины в одном – все они хранят Свет. В этом-то все и дело, что «музей первохристианства» сохраняет не только формы, но и живую суть христианства. И как это ни может показаться странным, помогают ему в этом кажущиеся на первый взгляд абсолютно лишеными какой бы то ни было жизни доктрина и церковные правила. Тут есть чему удивиться: как внутри православия, казалось бы безнадежно архаичного, продолжает жить Иное, как в кажущихся обветшавшими формах, таких, как церковнославянский язык или юлианский календарь, православие хранит Подлинное Содержание Христианства?! И тем не менее это так – хранит: глубинное содержание православной веры – это содержание Веры первых Христиан. Русское православие сохранило это содержание как мечту о Боге и надежду на приход к Богу.

Как это происходит, можно увидеть на примере символа веры.

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. [Верую] и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков; Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не созданного, одного существа с Отцом, через Которого все сотворено; Для нас людей и для нашего спасения сшедшего с небес, принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы, и сделавшегося человеком; Распятого же за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного; И воскресшего в третий день, согласно с писаниями [пророческими]. И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца; И опять имеющего прийти со славою судить живых и мертвых, царству Которого не будет конца. [Верую] и в Духа Святого, Господа, подающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равно со Отцом и Сыном, говорившего через пророков. [Верую] и во единую святую, соборную-вселенскую и апостольскую церковь. Исповедую одно крещение во оставление грехов. Ожидаю воскресения мертвых. И жизни будущего века. Истинно так.

Абсолютное большинство православных восхождение представляют как выход из комы, когда от бывшего безжизненным тела отсоединяют капельницу и оно оживает;

вознесение – как взлет ракеты; Бога Отца – как старика, сидящего на облаке; творение – как работу на стройплощадке. И так далее. И казалось бы, все эти фантазии имеют очень мало отношения к невыразимому словами реальному содержанию их веры – тому, что действительно сообщает православию жизнь, – ее Святому Духу. Но это не вполне так – в детских фантазиях живет Свет. Просто это Свет, сгущенный до такой плотности, которая соразмерна освоенной детьми (и значит, доступной детям) области тонкого. То же самое и со словами символа веры. В них тоже сгустился Свет – сгустился соразмерно духовному уровню христиан-III. Конечно, при буквальном прочтении многое в символе веры кажется бессмысленным, но свою роль *символа* эти слова исполняют – они не раскрывают, конечно, но *символизируют*, обозначают, напоминают о Настоящем Содержании православной Веры. А временами реалии русской жизни приоткрывают и более глубокие значения тех или иных слов Символа. Так, *царству... не будет конца* или *ожидаю... жизни будущего века* всю историю звучат в русской душе надеждой на приход к Навне. *Ожидаю воскресения мертвых* стало мечтой Гоголя, а у Толстого превратилось в проповедь.

Это и сохраняет православие – то, что оно хранит Настоящее Христианство. На первый взгляд кажется, что последние двести лет православие находится при смерти. Для современного человека его догмы звучат бессмысленно: в нем нет ничего, во что человек-IV мог бы верить. В 20-м веке ему некуда вести даже низы общества. Кажется, что все русские переросли православие.

О состоянии клира вообще лучше не говорить. В начале 20-го века эта тема увлекала разве что юмористов. В еще более печальное состояние была приведена церковь в советские времена. И показательно – двадцатые годы еще относительной мягкости режима совпадают с самой активной антицерковной кампанией, и церковь не получает поддержки у народа.

Но странно, что церковь не исчезает. И не просто не исчезает, но и притягивает многих из самых высоких русских: Гоголь, Достоевский, затем плеяда светских религиозных философов: Соловьев, Трубецкой, Бердяев, Франк, а еще Блок, а позднее Флоренский, Даниил Андреев, еще позже Солженицын, Мень, Якунин... Что они могли найти в этом пересохшем болоте? Конечно, кто-то таким образом протестовал против окружающего зверства, а кто-то не мог расстаться с прекрасной выдумкой. Но не это было главным. Конечно, всех их тянуло к Богу. Но не могли же они не видеть, что в *этой* церкви Бога нет. Или же они видели что-то другое? В том-то и дело, что другое – то другое, в чем и есть главная причина «православного притяжения», – удивительное, кажется, ни на чем не основанное ощущение, что под всеми наслоениями и уродствами в русском православии продолжает жить тот самый заветный Свет – Свет Истинного Христианства.

Огонь православия – его мечта и путеводная звезда – сегодня остается еще скрытым, но Он разгорается, и, даже не видя Его ясно, мы все равно откликаемся на Него высшими струнами своих душ. Сегодня мы чувствуем Его еще очень смутно, как некий Светлый фон, на котором протекает вся остальная, осознаваемая, легко выразимая словами религиозная жизнь. Но этот Фон и есть самое главное. Конечно, Его мало, чтобы осветить все наши темные углы, но достаточно, чтобы дать Надежду, которая хоть отчасти компенсирует недостаток Веры и Любви. И хотя только единицы вырываются к Свету настоящей Веры, многим, чтобы оставаться в лоне церкви, хватает и смутного чувства, что здесь есть что-то Божественное.

Свет в душе переживается как главное православное чувство, составляющее квинтэссенцию православия, – чувство интимной связи, сокровенной близости с Богом. Бог рядом, Бог близко, Бог нас не оставит, жить можно только по-Божески – иначе это не жизнь. Благо-сть, благо-лепие – сердцевина православного чувства: Бог – это Благо, Высшее Благо. Именно по этим отблескам Света православные узнают друг друга, как по паролю: «Ты православный?» («Ты христианин?», «Ты в Бога веруешь?»). Нельзя сказать, что это возвышенное переживание. «Возвышенное» значит «удаленное в Вышину». А *это* – предельно близкое и личное. *Это* – и согревающее тепло, но *это* – и Отцовская строгость, которая и предписывает правильное поведение, и удерживает от безобразий. Важность Троицы в русском православии не только в ее символичности – превращении трех малых в Одно большое, но и в ее интимности – в родственных, родных отношениях, которые связывают *высшего* Бога Отца с *личным* Богом Сыном (или точнее, Богом-сыном) посредством Святого Духа. Без этого чувства близости православие чахнет.

Русское слово «православие» только один из возможных переводов греческого слова *ορθοδοξία* («ортодоксия»), от *ορθος* («прямо» или «правильно») и *δοξάζω* («верить» или «славить», «прославлять»). Каждая из других возможностей перевода «ортодоксии»: «прямоверие», «прямославие» и, конечно, самое естественное – «правоверие» – несет свою, и очень важную, часть смысловой нагрузки оригинала. «Прямоверие», «прямославие» – вера непосредственно («прямо») в Бога и

обращение прямо к Богу, минуя всех возможных посредников, – это и есть вера сердцем, «сердцеверие», совершенно особая, православная устремленность к Богу и согревающее жизнь чувство Бога. Ребенок на руках матери целует икону в церкви. Поцеловать крест священника. Просить в молитве о самом сокровенном или просто «изливать сердце» иконе. Все то, что так знакомо воцерковленным православным. Этот огонь души православие хранит как наследие первых христиан (и первых мусульман; ср. «*прямой* путь» в Коране).

И все же русские назвали свою религию не «прямоверие», а «православие». И хотя кажется, что «православие» наименее естественный перевод «ортодоксии», этот выбор не был случайным. Потому что именно в слове «православие» отчетливей всего звучит призыв в будущее. В самом деле, так ли уж правильно славим мы Бога? Конечно, нет. И любой православный это понимает – кто в глубине души, а кто и не очень «в глубине». Но именно понимание, что мы еще не научились славить Бога правильно, заставляет нас продолжать учиться православию. «Фон в душе» не только освещает душу, но и будит нас – не дает спать и зовет в Путь.

Негаснущее чувство Бога православные проносят через века. Православие – такая же «хранительская религия», как индуизм. Но если индусы хранят (до востребования, в буквальном смысле) самую сокровенную часть идеи Вспышки Истории, то православные хранят такую же сокровенную часть, но идеи Первохристианской Вспышки – ту ее часть, которая содержит программу не уже закончившейся метакультуры первохристианства, а всей нашей эры – части Истории, которая началась вместе с христианством. В сверхсознании всех людей эта программа хранится как особый архетип – архетип нашей эры. Но из людей Центра осознают этот архетип (в виде горячего чувства Бога и мечты о Боге, в которых отражается в православном сознании представление об итоге нашей эры) только православные. И в этом смысле можно сказать, что «Огонь православия», «чувство Истинного Христианства» и «архетип нашей эры» просто разные названия одного и того же.

Устройство русской души таково, что русский архетип «зов Навны», разворачиваясь в жизнь народа, соединился с архетипом нашей эры – «Огнем православия». По мере

расширения русской души, когда она преодолевала границы национального, и наднационального, а затем и границы Центрального мира и устремилась ко всемирному, два архетипа сливались в один. И в этом смысле православие (я имею в виду, конечно, «дух православия», а не культурные формы, в которых этот «дух» живет и которые он оживляет) действительно образует стержень русской души. Поэтому и все русские религии, включая и русский атеизм, в основе своего Мирочувствования имеют общий корень с Мирочувствованием православия.

Вспышки Света помогают поддерживать Огонь православия. Не важно, *что* это за Вспышки, – Свет любой Вспышки наряду с ее «частной» идеей (католической, гуманистической или еще более частной, такой, как, например, та же идея русского соборного православия-III) несет и всю идею нашей эры, или, другими словами, всю идею православия. И православные так восприимчивы к любому Свету потому, что любой Свет резонирует с огнем их душ. Но при этом, конечно, из каждой Вспышки «православными частями» своих душ они берут («отфильтровывают») только свое – только самую тонкую часть ее Света.

Православие стало второй «хранительской религией» Центра после иудаизма. Но православный способ хранения Света совсем не такой, как в иудаизме. Ритуальность и символичность играют в нем куда меньшую роль по сравнению с поддержанием живого религиозного чувства. Это несходство метода при родственности задачи и стало одной из главных причин чуть ли не органической неприязни, которую православные испытывают к евреям.

Отличается православный способ хранения Света и от индийского. И индуизм, и православие тщательно сохраняют свое живое начало: как в душе любого индуса живет мечта о Пути, так же и в любой православной душе горит Огонь православия, который, даже когда он не ведет ее по Пути, все равно зовет вступить на Путь. Наличие этого Огня своего рода «пропуск в православие», и православные Посвященные отличаются «только» тем, что из углей, которые теплятся в душах всех православных мирян, они сумели разжечь жаркий костер. Но если в индийском способе хранения Света главное – подготовка Посвященных, *знающих* Идею Истории, то для православия выращивание Посвященных не самоцель. Православие ограничивается тем, что просто сохраняет «питательную среду» живого христианства.

Правда, все хранители Истинного христианства вырастают из этой «среды». Это относится и к Посвященным-католикам. Впрочем, Огонь православия известен не только им, но и всем западным христианам, кто смог подняться над спецификой католицизма к тому общему, что объединяет все христианства.

Православие начиналось одновременно с первохристианской метакультурой и внутри первохристианской метакультуры.

В первом тысячелетии первохристианства православными были христиане с самым горячим религиозным чувством – те, кто чувствовал внутри себя Истину Христианства. До официального признания христианства православных («огненных христиан») в христианской общине, по-видимому, было большинство. Но позднее, после превращения христианства в государственную религию и по мере все большего остывания первохристианства, доля православных стала уменьшаться. Огонь «до-ислама», ожививший метарелигию и разогревший христианские сердца, увеличил и число православных. Но затем стал остывать и Свет ислама. И только тогда православные, которые до этого времени никак себя не выделяли из общей массы христиан, стали оформляться в самостоятельную религию – религию с особым Мирочувствованием, где присутствие Бога переживается постоянно и даже уже не как связь с Богом, а как «погруженность в Бога». Это «чувство капли в Океане» и создало новое христианство, отличное и от ислама, и от католицизма: христианство – Путь к Богу с лейтмотивом «Сын, а не раб».

Хотя, как и католицизм, православие рвало с «до-исламской» *метакультурой*, но с единой *метарелигией* Центра-III оно не только не рвало, но и в определенном смысле ее продолжало. И хотя православие продолжило метарелигию совсем не так, как продолжил ее ислам, Мирочувствование ислама и сегодня имеет много общего с православным Мирочувствованием. И те, кто не «в глубине души», а ясно понял необходимость учиться православию, всем сердцем откликаются и на проповедь «их» Мухаммеда: *прославляй хвалой Господа до восхода солнца и до захода, и во время ночи прославляй Его и среди дня или скажи: «Хвала Богу», и величай Его*. Неслучайно чуть ли не тысячу лет православие было «исламским христианством». Внутри огромных мусульманских государств оно сохраняло себя от посягательств западного христианства. Ислам проявлял к православию удивительную (удивительную, правда, только с точки зрения современных сторонников теории «войны цивилизаций») терпимость. А в основе этой терпимости было то же чувство, которое заставляет правоверных мусульман терпеть таких «еретиков» ислама, как суфии, – чувство, что внутри «неверия» этих «отступников» скрыта большая Вера. Похожее чувство уже более ста пятидесяти лет заставляло культурных русских молитвенно складывать руки перед святыми некультурными соотечественниками-богоносцами.

В отличие от таких религий, как католицизм или ислам, ждущие своего часа «хранительские религии», «религии на вырост», и в том числе православие, почти не растрачивают свой огонь на культурное строительство.

Поэтому для православия так органичны культурные формы первохристианства: хранить Свет Христианства в них удобнее всего. Представьте, что вас попросили сохранить прекрасную бабочку, замороженную в ледяной пузырь. Конечно, можно попытаться растопить пузырь, высушить бабочку, а потом поместить то, что

останется после всех этих процедур, под стекло. А можно просто положить ледяной пузырь в морозилку. Во втором случае результаты хранения будут уж точно не хуже.

И все же православие участвует и в культурном строительстве. Но (если не считать одного-единственного исключения) всегда – только в сотрудничестве с какой-то другой идеей. Сотрудничество это состояло в том, что православие как бы окрашивало своим светом многие народообразующие идеи и многие идеи – «веления времени». Так были созданы все православные культуры, включая, конечно, и русские. Когда Россия оказывалась в Свете очередной Вспышки, продвигающей нас Вверх по истории, Огонь православия соединялся с Ее приказом. Результаты этого соединения мы и видим и в русском православии-II, и в соборном православии-III, и даже в богоискательстве русской культуры-IV, и, мало того, даже в активном «безбожии» русского коммунизма.

А тем единственным исключением, когда православие создало собственную, «чисто православную» культуру – создало как образец и «назидание потомству», – было православие Византии. Под знаком этой дерзкой попытки воплотить Христианство-мечту – то эзотерическое христианство первых Христиан, которому еще только предстоит стать нашим будущим Христианством, – прошли все последние века Византии. В этом и был смысл ее существования, после того как она перестала играть сколь-нибудь значимую роль в геополитике и полностью утратила культурное влияние на Европу: чувствуя неизбежность политического конца, Византия расходуется с юной Европой и создает то, что обеспечит ей посмертное существование.

Историю появления византийского православия, которая началась в 10-м веке, когда Византия еще только рвется из «арабского» мира, продолжилась в 12-м, «комнинском» веке и достигла апофеоза в 14-м веке при Палеологах, рассказывают нам иконы и фрески – то «искусство глаз», которое очень быстро стало «искусством души».

Из путевых заметок. Византийская иконопись как художественное явление вполне сравнима с готикой: *массово* пишут шедевры яркостью под 70 люм, если не выше. А ниже 40 люм вообще трудно что-то встретить.

Иконописцы превращаются в Богомазов. С икон смотрят надчеловеческие лики. Их глаза прожигают душу насквозь и своим огненным вихрем уносят Вверх.

Из того, что видел я, безусловная вершина – «Пантократор» («Вседержитель») Феофана Грека в куполе новгородской церкви Спаса Преображения на Ильине улице. От Него невозможно оторваться. Этот Лик заставляет верить даже неверующего. Того же уровня (около 80 люм) «иконо-портреты» Эль Греко. (Хотя они написаны, когда политически Византии уже не было.)

Конечно, творчество Феофана питала и духовная сила России, а творчество Эль Греко – Испания. Но все же оба они прежде всего византийские художники. Это становится особенно понятно, когда видишь, как творчески одиноки были они – как ни в России, ни в Испании не было никого близкого им по духу, – и в то же время обнаруживаешь, как много родственного (хотя и не такого гениального) было в византийской иконописи 14–17-го веков. Да и сами эти двое великих, несмотря на разделявшие их двести лет и такие разные «вторые родины», внутренне глубоко близки друг другу.

Много ярчайших икон Богородицы можно увидеть в византийских музеях Венеции и греческой Кастории. Много их и на Кипре, например в музеях Никосии и Пафоса. Но из кипрских сокровищ мне особенно запомнились несколько недавно найденных икон из музея монастыря Святого Иоанна Лампадистис (Agios Ioannis Lampadistis). Одни из них написаны совершенно канонически, другие, наоборот, свободно-смело и иногда даже, кажется, наивно, но все – очень ярко. А еще в небольших церквушках горного Кипра уцелело множество фресок – портретов Бого-искателей, людей на Пути к Богу – отцов церкви, святых, отшельников. Таких, как поражающие психологизмом лики в церкви Святого Николая «под крышей» (Agios Nicolaos tis Stegis).

В этом главный нерв «искусства души» – стремление написать человека, обретшего Бога и ставшего Человеком. Такого, как феофановский Симеон Столпник в Новгороде. Сколько здесь страсти, порыва, муки от недостижимости Идеала и вместе с тем душевной глубины и уже оторванности от земли!

Конечно, иконы и фрески писали люди разного таланта. Но даже в «заурядных» работах видно стремление

изобразить человека Пути, взыскателя Бога, человека, в лице которого светится Божественное, и даже написать человека-Бога (впрочем, это-то как раз удастся не многим).

В 14-м веке к «искусству души» присоединилась «технология души» – «умное деланье» исихастов – особая монашеская практика устремления себя к Богу, похожая на те, которые используют люди Пути в индуизме и буддизме. А к «искусству души» и «технологии души» добавилась и «теология души» Григория Паламы. Удивительное это было время! Как будто подземный ручей эзотерического христианства вырвался на поверхность и забил фонтаном. В православии громко зазвучала главная тема христианства – к Богу! Но... на этой бравурной ноте Византия и исчезает. И поток эзотерического христианства снова уходит «под землю».

Но хотя Византия исчезла, созданное ею православие продолжает хранить ее Свет. Конечно, у продолжателей дела Византии этот Свет не такой яркий (часто он вообще лишь едва-едва различим), но именно Он – Свет Византии – напитывает их жизненной силой. И именно Он, как маяк, указывает им направление и, как прожектор, освещает их путь.

Только русским православным великанам, таким, как Серафим Саровский, путь византийских исихастов оказался по росту. Но в целом не византийское «православие души» определяло уже пройденную часть русского православия. Тема преодоления низкого «я» во имя Высшего Я, хотя никогда не исчезала из русской православной жизни, никогда в ней и не доминировала. И сегодня «православие души» все еще остается будущим.

А южным православным церквям нужно было выжить в мусульманском мире и сохранить свои народы: греков, болгар, сербов. По большому счету, в этих условиях им было «не до Бога». Конечно, за пятьсот лет и у них бывали свои подъемы, но в целом «балканское» православие еще только начинается, и в сегодняшних греческих монастырях живительный византийский дух в лучшем случае только угадывается.

Свет Истинного Христианства и стал движителем жизни русского православия. Он оживлял исторически первое, «языческое» православие-II и звал выше, к новому, более высокому православию. Это оживляющее начало окрашивало все самое Светлое в православии-II, готовя его превращение в соборное православие-III. И в русском православии-III мечта об Истинном православии оставалась самым главным. И хотя Огонь Истинного Христианства и тогда горел почти так же глубоко под поверхностью, но все самое яркое в России-III

было создано трансмутациями этого Огня и несет на себе Его отблески. Ясно видны они в северной линии русского монашества, тянущейся от Сергия Радонежского к Нилу Сорскому. Не менее заметна русская трансмутация «греческого Огня» во влиянии Феофана Грека на великих русских мастеров, которые, хотя и писали совсем по-другому, переняли у Феофана самое главное (и самое трудное): иконы и фрески Рублева и Дионисия тоже *живые*.

Тупик – православие-IV

Но Огонь на то и Огонь, чтобы не терпеть застывших форм. И, сделав русских людьми-III, Он не перестал звать нас Выше. А вести Выше религия «миром Господу помолимся» не могла. Внешне это проявилось в том, что в церкви светское начинает преобладать над духовным. Стремление к общественному, естественное для соборной церкви, не просто укрепило позиции церкви в государстве, но и привело к тому, что церковь стала все больше срачиваться с государством, все больше политизироваться и, как следствие, все больше погружаясь в мирские дела, все больше удаляться от дел духовных и все меньше водить к Горнему – самые высокие русские находят в церкви все меньше помощи в своем Пути. Тропинка, найденная гигантами русского православия-III, оказалась потеряна. В этом есть грустная ирония – увлечение общественными делами вывело церковь из авангарда общества.

Внешне это похоже на угасание православия. Начиная с 15-го века и уже всю с 16-го церковь начинает отодвигаться в обществе с лидирующих на все более и более аррьергардные позиции. Конечно, работы у церкви было еще очень много. Вплоть до 20-го века пропасть между элитой и низами росла – общество все больше «растягивалось»: лидеры отправлялись выше – за Европой, в культуру-IV и все дальше уходили от основной массы («отрывались от народа»). А среди «народа» оставалось много людей-II (а среди самых низов – и людей-I). Всех их церковь поднимала в культуру-III. Таким образом церковь оставалась с «народом». А обратной стороной этого «народничества» было застывание церковной жизни. «Народ» не давал церкви «торопиться», и в 17–18-м веках кажется, что

жизнь церкви вообще замерла.

Но полной остановке предшествовало появление еще одного русского православия – православия-IV.

Из путевых заметок. Вглядитесь в лики Спаса и Богородицы на русских иконах 16–17-го веков. Из этих ликов ушла человечность. Сравните эти иконы с современными им греческими и кипрскими, или с византийскими иконами 12–14-го веков, или с римскими фресками 7-го века, или с ранними коптскими иконами. Тут не нужно быть искусствоведом – контраст разительный. На русских иконах изображены *не люди*. И не люди, ставшие богами, как в высших достижениях византийской иконописи. Кажется, что на нас смотрят... символы. Символы Суровой Верховной Власти. Не юный Иисус, только что ставший Христом. Не вождь человечества – Пантократор византийского православия. После земной жизни прошло уже более полутора тысяч лет, и мы видим Иисуса Христа в такой Выси, где Он уже совершенно лишен всего человеческого и совершенно неразличим для нас. Он – Вечный Бог. При таком огромном Спасе уже не только вопросы о Боге Отце, но и вопросы о Троице становятся неуместными. Все это только для ученых богословов, чьи рассуждения простому верующему и недоступны, и неинтересны. Бог один – Иисус Христос, и другого Бога нет. Таким стал Христос для православных русских в последние века.

Это был своего рода ответ на обвинение христиан в политеизме. По духу это «древнееврейские иконы». Таким, наверное, представляли Бога евреи во времена Вавилонского плена или Иудейской войны. Такого Бога, конечно, грешно изображать, потому что изобразить Его невозможно. То, что это Богочувствование вообще нашло отражение в иконе, уже уступка традиции. Но это единственная уступка. Когда-то Соборы, восстанавливающие иконопочитание, предписывали иконописцам символичность – чтобы изображение на иконе было не образом, а символом Изображаемого. Реализовать это требование через много веков смогли только в России.

Но новое Богочувствование не было очередным шагом в плавной эволюции православия. Это был крутой поворот в

совсем другую сторону. Все дело в том, что в мире православия-IV между человеком и Богом не было никакого моста! От крещения до расцвета соборного православия-III Россия строила этот Мост – такой же, как Мост, который когда-то был построен Первыми Христианами, а позднее сожжен богословами «античного христианства», а затем восстановлен византийскими исихастами. Такой же, только свой, русский. В итоге этих многовековых трудов была построена часть Моста – соборное православие-III. И вот – все строительство было заброшено. Последствия этого были грандиозными. К недостижимо высокому Богу пути нет. А без Пути к Богу нет Христианства. Христианство без Пути к Богу – это уже антихристианство.

На уровне масс верующих такой «отказ от Бога» привел к вытеснению культа Спаса культами святых. Верующему важно, чтобы его молитва доходила до Бога. А донести *самому* молитву до *бесконечно* высокого Бога невозможно. Ее могут донести только посредники. В русском православии-IV такими посредниками стали Богоматерь и святые. Их культы все больше заслоняли культ Спаса, так же как когда-то во всем христианстве культ Христа вытеснял культ Бога Отца. В домашних иконостасах икон Спаса становилось все меньше, а, скажем, икон Николая Угодника – все больше. Уже в 16–17-м веках иностранцы замечали, что московиты воздают святому Николаю «почти божеские почести».

Но самым важным следствием вознесения Бога в *бесконечную* высь стало покушение на хотя и почти неосознаваемую, но, тем не менее, постоянно живущую в христианском сверхсознании Связь между человеком и Богом. Ту Связь, осознание которой оживляет христианство, а вытеснение омертвляет. Православие-IV места в сознании для этой Связи не оставляло. Оно лишало верующих даже надежды на приход к Богу и, следовательно, делало бессмысленным и личное стремление Вверх. Мало того, что верующий больше не находил в церкви поддержки в своем Пути, – сам этот Путь к Богу теперь объявлялся церковью бессмысленным. Та же самая бессмысленность на тысячу лет раньше привела к кризису первохристианства и появлению Мухаммеда. Сейчас она тоже вела к кризису религии, хотя и другому – к атеизму:

недостижимо высокий Бог – это почти то же самое, что никакого Бога вообще.

Здесь четко просматривается параллель с ранним католическим, «готическим» Богочувствованием и его эволюцией в атеизм гуманистической культуры. Русский Бог в непостижимой Выси, недоступный Бог-Приказ, близок к католическому Богу за Всем. В религиозном чувстве русских наряду с усилением мотива строгого монотеизма иудейского или исламского образца появился и католический оттенок. Та же недоступность Бога, делающая чувство Бога все более эфемерным. Тот же наказ – работайте на земле без Бога. Пока без Бога. И то же следствие – рост атеизма. Недостижимость Бога в православии-IV означала, что это православие не может вести к Богу и, таким образом, как религия оно бесполезно. Православие-IV было *почти* самоубийством русского православия.

И как всегда в нашей истории, изменение характера православия очень ярко проявилось в церковной архитектуре. Церкви Петербурга, постоенные в 18-м и 19-м веках, кричаще антиправославные. Это бросается в глаза в любой из них – и в барочных дворцовых церквях Растрелли, и в Исаакиевском соборе, и в Спасе на Крови – псевдорусской карикатуре на храм Василия Блаженного. Но апофеоза эта антиправославная линия достигла в Казанском соборе, целью авторов которого, кажется, было сознательное изничтожение старой православной традиции.

Это и был очередной поворот русской лестницы. Антихристианство православия-IV уводило – и от русского соборного православия-III, и тем более от так и не разгоревшегося в России поздневизантийского «православия души», – но уводило, как это ни странно, Наверх. Поворот был необходим. Навна продолжала звать русских к себе, но дорога к ней должна была пройти через культуру-IV. И хотя этот участок русского пути кажется вообще нерелигиозным, это был все тот же Путь Наверх. Просто Путь не бывает прямым. Мост соборного православия потому и оборвался недостроенным, что материалом для его следующего пролета должно было стать развитое «я». Без такого «я» невозможен *личный* путь к Богу – та часть Пути, которая вымощена обломками «я». Потому и почти не видно личного Пути ни в русском православии-II, ни в русском православии-III, что даже у русских-III «я» было развито еще мало: русские-III мало чувствовали себя отдельными людьми, мало думали о себе как об отдельных

людях. Личный Путь был возможен только для самых высоких из них. Уделом остальных была только слабо осознаваемая надежда на Него. Православие-IV лишало и этой надежды. Но вместе с тем оно приближало к началу «личного этапа» Пути: пропуск туда – развитие «я» – русские получили в культуре-IV.

Превращение православия-III в православие-IV происходило стихийно – церковь этим процессом никак не управляла. Но его последствия затронули церковь непосредственно. Затянув на собственном горле веревку и перекрыв доступ Живительной Силе, церковь все больше мертвела. Это мало осознавалось, но остро чувствовалось русскими людьми, ведя к внутрицерковным распрям по поводам, кажущимся нам ничтожными, но за которыми стояли в самом деле грандиозные расхождения. Вера или неверие – вот как стоял вопрос для староверов. Никониане – безбожники. И они были правы – живого, доступного Бога в православии-IV не было. Но вопрос стоял все же несколько иначе – вера-III или безверие-IV. В такой постановке видно, что вера (вера-III) была обречена. Но это не было гибелью веры вообще, как это казалось староверам. Это было гибелью русской веры-III. Но на смену ей уже спешила русская вера-IV, и не так уж далеко (всего-то лет двести) было и до начала русской веры-V. В том-то все и дело, что даже превращение православия-III в православие-IV не могло затронуть самые глубинные основы православия, не могло загасить его Огонь. И в годы нашего «безбожия» он так же продолжал гореть в самой глубине (хотя на самом деле, конечно, в самой вышине) народной души.

ОБ АВТОРЕ

*Александр Зеличенко – психолог, философ, историк, культуролог, теолог.
Автор книг «Психологии духовности» (1996), «Разговоры ученого с Учителем. Наука и эзотерика» (2000) (перевод на английский в 2001-м году, на немецкий – в 2003-м), «Свет Жизни. История человечества в психосфере Земли» (2006), «Psychology-XXI. Or XXII?..» (на английском) (2009) и множества научных и публицистических материалов.*